

Алтайский государственный университет

На правах рукописи

Дмитриева Лидия Михайловна

**ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ И МЕНТАЛЬНОЕ
БЫТИЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
(на материале русской топонимии Алтая)**

Специальность 10.02.01 — русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Голев Н.Д.

Барнаул 2002

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
ГЛАВА 1. ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ БЫТИЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	
1.1. Идея топонимической системы в рамках системного подхода (к истории вопроса)	
1.1.1. Параметры топонимической системы в работах Ю.А.Карпенко	
1.1.2. Концепция топонимической системы А.В.Суперанской	
1.1.3. Функционально-системный подход И.А.Воробьевой	
1.2. Базовые составляющие топонимической системы	
1.2.1. Признак территориальной и языковой общности	
1.2.2. Парадигматические и синтагматические отношения в топонимической системе	
1.3. Некоторые проблемные вопросы теории топонимической системы	
1.4. Взаимосвязь онтологического и ментального бытия топонимической системы	
ГЛАВА 2. МЕНТАЛЬНОЕ БЫТИЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	
2.1. Топонимическая система в современной лингвистической парадигме	
2.2. Топонимическая картина мира как совокупность представлений о геопространственной реальности	
2.3. Пространство в топонимической картине мира	
2.4. Структуризация пространства в топонимической картине мира	
2.4.1. Маршрутный тип (модель А)	

2.4.2. Радиальный тип (модель Б)	
2.4.3. Бытийное квазипространство (модель С)	
2.5. Отражение дифференциации пространства в топонимических контекстах	
2.6. Ценностная гамма в построении топонимической картины мира...	
ГЛАВА 3. СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ОРГАНИЗАЦИИ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	
3.1. Стереотипные комплексы в топонимической картине мира	
3.2. Стереотипные комплексы в топонимической системе Алтая	
3.2.1. Антропоцентрический стереотип в топонимической системе	
3.2.2. Связь пространств в топонимической системе и их отражение в языковом сознании носителей языка	
3.2.3. Отражение мифологического сознания в топонимической системе	
ГЛАВА 4. РЕГИОНАЛЬНОЕ БЫТИЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ МИКРОСИСТЕМЫ	
4.1. Топонимическая микросистема (к проблеме определения)	
4.1.1. Ономастическое пространство одного села	
4.1.2. О понятии топонимической микросистемы	
4.2. Топонимическая система — компонент региональной топонимической системы	
4.3. Топонимическая микросистема как совокупность субансамблей	
4.3.1. Возрастные субансамбли	
4.3.2. Гендерные субансамбли	
4.3.3. Субансамбли, отражающие уровень образования и профессию ..	
4.3.4. Типологическая схема микросистем	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА	

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
ПРИЛОЖЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ. Развитие науки характеризуется диалектическим взаимодействием двух взаимосвязанных процессов – дифференциации и интеграции. Процесс интеграции – объединение, взаимопроникновение, синтез наук и научных дисциплин, объединение их и их методов в единое целое, стирание граней между ними. Это особенно характерно для современной науки, где сегодня бурно развиваются такие синтетические области научного знания, как кибернетика, синергетика, строятся такие интегративные картины мира, как естественнонаучная, общенаучная, философская.

Взаимодействие различных наук является и примечательной особенностью языкознания конца XX – начала XXI в., поскольку лингвистика при изучении языковых систем также не может ограничиваться только рамками собственно языкового подхода.

Проблема “человек и язык” приобретает в последнее время все большую актуальность, поскольку становится очевидным, что адекватное исследование языка возможно только при условии выхода за его “пределы”, при обращении к человеку – творцу языка. При этом с переходом к лингвистике, ориентирующейся на изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью, сместились исходные моменты в представлениях о языке: язык мыслится как конститутивное свойство человека, делающее его человеком, что повлекло за собой выдвижение основных требований к

исследованиям языковых феноменов – понять природу языка и объяснить его можно лишь исходя из понимания человека и его мира.

В русле нового лингвистического направления перед топонимической наукой открываются дополнительные перспективы, но это не значит, что антропоцентрические установки полностью перечеркивают результаты, полученные в рамках прежней теоретической парадигмы. Теория топонимической системы, представляющая собой важное приобретение структурной лингвистики, показывает высокую степень совместимости с когнитивными целями. Если одной из центральных проблем когнитивного подхода к языку является изучение структуры представления знаний, то идея топонимической системы, топонимической картины мира, ее функционально-временной и функционально-пространственной параметризации вписывается в эту парадигму. Становится очевидной необходимость изучения топонимической системы в когнитивно-прагматическом аспекте, который предполагает взгляд на топонимию с позиции человеческого сознания, учитывает связь речемыслительной активности с фондом языкового и неязыкового сознания, с прагматическими установками.

В соответствии с современной антропоцентрической научной парадигмой, а также с учетом того факта, что онтологическое бытие топонимической системы неизбежно смыкается с ее ментальным существованием, становится необходимым рассмотрение топонимии с позиций когнитивной лингвистики, в аспекте репрезентации топонимической системой ментальных структур носителя языка, топонимической личности. При этом *топонимическую систему, существующую в сознании языковой личности*, целесообразно рассматривать как организованный фрагмент языковой картины мира.

Антропоцентрический аспект предполагает разные модели подхода к материалу. *Наше представление о когнитивной топонимике основано на*

том, что она выполняет прежде всего номинативную функцию. Мы видим задачи когнитивизма в переходе на глубинный уровень анализа топонимического материала, но на данном этапе рассматриваем только поверхностное проявление когнитивных структур, которые находят свое формально зафиксированное выражение.

Предлагаемое исследование представляет собой попытку интегративного описания как структурных, так и ментальных аспектов топонимической системы.

С середины XX века с точки зрения традиционного анализа топонимический материал рассматривали И.А.Воробьёва, О.Т.Молчанова, А.П.Дульзон, А.К.Матвеев, В.А.Никонов, В.Н.Топоров, Н.В.Подольская, Е.М.Поспелов, А.В.Суперанская, В.Б.Беленькая и др. В трудах этих исследователей рассматривались фундаментальные проблемы семантической и структурной организации топонимов, впервые был введён в научный оборот, систематизирован и описан обширный топонимический материал. Так, например, Н.В.Подольская, используя структурно-словообразовательный подход, разработала теорию структурных типов топонимии; Е.М.Поспелов исследовал территориальное распределение топонимических моделей; А.П.Дульзон затронул в своих работах сходные вопросы в связи с разработкой этимологического анализа субстратных топонимов, которая предполагает восстановление первоначального звукового облика топонимов путём последовательного удаления поздних морфологических и фонетических изменений. А.В.Суперанская делает акцент на системных звуковых и морфологических изменениях имени, а специфику его использования в разные эпохи и у разных социальных групп она отводит внелингвистическим исследованиям. Теоретическая разработка вопросов синтетического определения топонимической системы ведётся в трудах И.А.Воробьёвой, в которых устанавливается, что топонимическая система

– это “территориально организованная совокупность географических названий, объединённая общими законами развития, регулярно повторяющимися в процессе формирования топонимии” (Воробьёва, 1985, с.29). Утверждение территориальности топонимической системы явилось важным методологическим принципом, определяющим характер топонимического исследования. В этом случае признаётся объективное существование системы, состоящей из материально выраженных элементов, находящихся в реальной связи друг с другом, время и социально-исторические условия формирования системы, географическое положение, особенности “подстилающего” слоя рассматриваются как определяющие специфику отдельной территориальной топонимической системы.

Системный структурно-словообразовательный и семантический подход к изучению топонимического материала является одним из аспектов синхронного рассмотрения географических названий, при котором основное внимание обращается не на их происхождение, а на установление *типологии топонимических отношений определённого региона*. При данном подходе *представляется возможным выделить оппозиции и дифференциальные признаки внутри топонимии региона*, которые являются *организующим центром топонимической системы*. Установление и анализ парадигматических оппозиций существен для определения специфики топонимической системы, т.к. помогает найти основные тенденции, в соответствии с которыми идёт развитие определённого топонимического класса.

Поворот топонимических исследований в сторону *функционирования географических названий в речи и сознании языковой личности* произошёл сравнительно недавно, хотя изначально он связан с появлением работ В.Б.Беленькой (1969а,б), которая впервые в рамках синхронного анализа имен собственных поставила проблему

рассмотрения не только этимологически устанавливаемого морфологического строения и семантической структуры топонимических единиц, но и выявления актуального строения и *фактическое современное восприятие географического названия членами конкретного языкового коллектива.*

В настоящее время антропоцентрическое направление топонимических исследований представлено в трудах М.В. Голомидовой, Е.Л. Березович, М.Э. Рут, где изучение топонимии идет в основном в плане реального контекста ситуации. Изучение указанного контекста дает возможность построить один из вариантов синхронической классификации топонимии, в которой, кроме традиционного деления топонимии по типу и функции, вводится новый аспект – *функционирование названия в сознании личности, поскольку сознание обладает системообразующей функцией.* Именно этим в первую очередь определяется актуальность настоящего исследования, объединяющего результаты системного анализа с новыми подходами антропоцентрического (лингво-когнитивного) направления.

С общелингвистических позиций основанием для постановки и концептуальной разработки проблемы выступил всеми признаваемый факт, что ни одна система не может быть воспринята как простая сумма элементов, ибо функционирование топосистемы есть жизненный процесс, в котором происходит “приращение смыслов”, однако механизмы, формы и характеристики этих приращений остаются до сих пор малоизученными.

Отдавая дань структурному подходу, мы понимаем определенную исчерпанность его объяснительных возможностей и *актуализируем новый подход*, который формируется в выступлениях на научных конференциях, отдельных статьях, но нуждается в полном *системном обосновании*, и одновременно *этот подход нуждается в новой интерпретации того топонимического материала, который накоплен в течение многих лет.* Особенно важным в этих условиях представляется

вопрос о возможных формах интеграции результатов, накопленных в структурный период развития языкознания, в новую парадигму лингвистического знания.

Обращение к исследованию топонимических систем, таким образом, *актуально*, потому что традиционный подход к изучению топонимических систем (Воробьева И.А., Карпенко Ю.А., Суперанская А.В.) в условиях современной лингвистической ситуации обращения к “человеку” требует дополнения.

Постановка данной проблемы обусловлена и тем, что генезис и структуризация топонимических систем с точки зрения *сочетания* антропоцентрического и системоцентрического аспектов ранее не изучались, поэтому исследование, на наш взгляд, актуально.

Актуальность представленного исследования определяется также необходимостью *комплексного* изучения топонимических систем отдельных территорий с учетом информации о географии, истории региона, языковой среде, в которой возникают и употребляются географические названия.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ. Изучение системы собственных имён как действующего механизма имеет прямой выход в общелингвистическую, социалингвистическую и лингвокультурологическую проблематику. Кроме того, познание закономерностей развития топонимической системы представляется теоретически важным не только само по себе, не только потому, что она – одна из наиболее обширных подсистем языка, но и потому, что ее исследование является, на наш взгляд, ключевым моментом для системного познания языка в целом. На фоне стремительного развития языковедческой науки русская ономастика как самостоятельная лингвистическая дисциплина остается в основном в рамках традиционно-описательной лингвистики; видимо, этим и

объясняется ее экстенсивное изучение: впечатляющее накопление эмпирического материала вне системного уяснения его места в языке и речи, без определения онтологической сущности ономастической подсистемы в ее антропоцентрическом осмыслении с точки зрения этно-, психо-, социо-, прагмалингвистики и других аспектов теории речевого общения. В рамках антропологической лингвистики язык мыслится не как безликая имманентная система, а как система, составляющая “конститутивное свойство языка, тесно связанная с мышлением и духовно-практической деятельностью людей, со знанием о мире” (Михайлова, 1998 г, с 247).

Исследование основано на принципиально новом подходе к установлению параметров топонимической системы, ее границ через обращение к индивидуальному сознанию носителя языка и коллективному сознанию носителей языка.

Теоретическая значимость определяется тем, что работа вносит вклад в теорию ономастики, в изучение топонимических систем (вводятся и обосновываются понятия: онтологическое бытие системы, ментальное бытие системы, топонимическая картина мира, топонимический субансамбль и др.), уточняется категориальный аппарат современной ономастики (ономастическое пространство, топонимическая микросистема и т.д.).

В XX в. создано большое количество работ, в которых рассматриваются главным образом вопросы этимологии, структуры и семантики имён собственных. Однако вопросы происхождения и реального существования топонимической системы как языкового и ментального феномена остаются практически не затронутыми лингвистическими исследованиями.

В научный обиход вводятся обширные новые данные о русской топонимии Алтая, не являвшиеся прежде объектом специального

топонимического анализа. Уникальность топонимической ситуации региона исследования заключается в том, что формирование русской топонимической системы Алтая в силу исторической специфики представляет собой *естественную* лабораторию формирования топонимической системы, и эта ситуация изучалась лишь частично. Данное исследование продолжает работу по изучению русской топонимии Алтая, а также исследованию топонимических систем, начатую И.А.Воробьевой и ее учениками (Н.А.Андрюковой, Л.М.Дмитриевой, Т.В.Чернышовой). В своих работах, связанных с ономастической проблематикой, И.А. Воробьева обосновала подход к топонимии Алтая как развивающейся территориальной топонимической системе. Продолжая исследование теории топонимической системы, мы развиваем идею топонимической системы на новом лингвистическом и методологическом уровне.

Научная новизна исследования, таким образом, обусловлена сочетанием в нём, во-первых, представления ментального и онтологического бытия топонимической системы, во-вторых, анализом её функциональных свойств и, в-третьих, системное описание ономастической лексики определённого региона.

Разрабатывая в настоящей работе новое направление исследования топонимических систем, мы осознаем, что это - *начальный этап реализации ментального подхода*. Использование понятий, заложенных традиционной топонимикой и введение новых - результат исследовательской работы первого этапа, остальные понятия, органично вытекающие из поставленной проблемы - (*топонимическая личность, динамика системы и т.д.*) *представляют перспективу данного исследования.*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКУЮ основу данной работы составляет комплексный лингвистический подход, включающий элементы

когнитивного и культурологического анализа языковых явлений. Исследование опирается на идеи антропологизма в философии, представленные в трудах российских философов конца 19 - начала 20 вв, частично - на идеи западной философии. Идеи антропоцентризма, принятые современной лингвистикой, составляют *методологическую* основу многих лингвистических штудий. В этот ряд органично вписывается предлагаемое исследование.

Методологическими основаниями исследования поставленных выше проблем послужили фундаментальные положения В.Гумбольдта о деятельностном начале языка и его роли в процессе познания объективного мира, философское положение о единстве языка и сознания, речи и мышления, основные общетеоретические положения об онтогенетическом языковом, речевом и когнитивном развитии личности.

В соответствии с указанными направлениями в работе представлены два модуса существования топонимической системы: онтологический и ментальный. Языковая организация системы предстаёт в философской терминологической парадигме как "бытие в себе и для себя", т.е. как совокупный объект, самодостаточный универсум, отъединённый от субъекта, подчиняющийся естественным связям, развивающийся по натуральным имманентным законам. Этот модус бытия характеризует скрытые, неявленные субъекту сознания и действительные существования, которые при соответствующих условиях могут быть включены в контекст предметно-практической и когнитивной деятельности. *Такой ракурс рассмотрения топонимической системы представляет образ (относительно) самодостаточной, законосообразной, универсальной внешней предметности существования системы, оказывающейся материей субъективной деятельности.* В контексте употребления рассматриваемых понятий речь идёт о виртуальной материи, о так называемой чистой онтологии, поэтому далее в работе данный модус

бытия топонимической системы будет именоваться *онтологическим*. Онтологическое бытие системы рассматривается через призму её возникновения, сущностных собственно языковых характеристик.

Система в её ментальном бытии ("бытии для другого") расценивается как не тождественная объективной реальности некая её часть, выступающая компонентом конкретно-исторического субъективного опыта, и *предполагает обращение к языковому сознанию носителя языка и топонимической системы*, его интенциональным и когнитивным структурам, влияющим на топосистему и отражающимся в ней.

Нами выдвигается **ГИПОТЕЗА** о взаимной детерминированности онтологического и ментального бытия топонимической системы, носящей сложный противоречивый характер, описание которого предполагает обращение к принципу дополнительности. Гипотеза будет проверяться последовательным изучением онтологического бытия - с одной стороны и ментального бытия - с другой. При этом мы исходим из того, что ни то, ни другое не есть причина — оба аспекта находятся в тесной взаимозависимости. Онтологическое бытие системы рассматривается нами как в его современном, так и историческом проявлении.

В качестве гипотетических тезисов, структурирующих гипотезу, в основу исследования общих проблем топонимической системы в современной лингвистической ситуации положены следующие:

топонимическая картина мира — фрагмент языковой картины мира;
топонимическая микросистема — компонент топонимической системы;
топонимическая микросистема — фрагмент топонимической картины мира.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНЕСЕННЫЕ НА ЗАЩИТУ.

1. В широком смысле топонимическая система понимается как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с

другом, образующих определенное единство. Топонимическая система как единство предполагает наличие определенной структуры, внутренней иерархической упорядоченности всех содержащихся в ней подструктур. Принимая тезис, что определенное единство системы образуется общностью территории, времени и языка, следует признать также, что признак, позволяющий объединить все топонимы без исключения, необходимо искать за пределами языковой системы. Таким объединяющим началом с нашей точки зрения является ментальный компонент, поскольку *онтологическое бытие топонимической системы неизбежно смыкается с ее ментальным существованием, топонимическая система как часть общей языковой системы существует в сознании носителей языка. Развитие онтологической сущности топонимической системы осуществляется через ее отражение в сознании, поскольку всякая языковая система существует прежде всего в сознании конкретного человека.*

2. Региональная топонимическая система, являясь подсистемой в рамках общезыковой системы, с одной стороны (системный подход) является компонентом более объемной топонимической системы, с другой стороны (антропоцентрический подход) является фрагментом языковой картины мира, а следовательно, *топонимическая система может быть рассмотрена в плане построения фрагментов и уровней языковой картины мира.* Топонимическая система, рассматриваемая в традиционном системном аспекте, является *результатом* процесса познания окружающей действительности

3. При рассмотрении ментального бытия топонимической системы представляется целесообразным введение понятия *топонимическая картина мира.* Обладая специфическими особенностями и в то же время основываясь на общепринятых представлениях, воззрениях на действительность, топонимическая картина мира включается в общую

замещает собой и представляет в сознании человека онтологическую форму существования ландшафтной реальности.

5. При номинации объекта и воспроизведении уже готового географического названия выбор того или иного имени определяется контекстом (в широком смысле), то есть определенными знаниями контекста как релевантных условий адекватного употребления лингвистического знака. Следовательно, у носителей топонимической системы данного региона должно быть общее прагматическое и когнитивное пространство. *Языковым коррелятом когнитивно-прагматического пространства является ономастическое пространство региона, компонентом которого является топонимическая микросистема.*

6. *Абсолютно неслучайно, что в топонимической микросистеме, как и в любой другой системе, существуют определенные отношения и связи, которые определяют ее структуру и функционирование. Эти отношения и связи являются фокусом представленности бинарных оппозиций; она достаточно устойчива, стабильна, однако обладает также чертами переменчивости, функциональной подвижности; выступает как упорядоченная, иерархизированная совокупность имен собственных. Внутренняя связь элементов системы обеспечивается не только парадигматическими и синтагматическими отношениями, но и так называемым единством личности. Для моделирования организации топонимических микросистем эффективным является обращение к сознанию человека, в котором объединяются как языковые, так и адаптационно-деятельностные модели и в котором происходит связь лингвистических и экстралингвистических факторов. В связи с этим исследование микросистем переходит от "совокупности названий*

небольшой территории” к пересечению индивидуальных представлений людей об окружающей местности.

7. Индивидуальный топонимикон определяется сферой культурно-деятельностных интересов носителя. Суммируя основные характеристики, можно дать определение топонимической микросистемы, согласно которому *топонимическая микросистема — это совокупность взаимодействующих субансамблей, где субансамбль — присутствующие и системно взаимодействующие в сознании отдельной личности (как типа) топонимические единицы.*

При последовательном наложении субансамблей возможно выделение зон их пересечения, которые составляют ядро топонимической микросистемы. Единицы, не имеющие пересечений с другими субъединицами, составляют периферию микросистемы. Причем компоненты ядра одной микросистемы могут быть периферийными для другой микросистемы и наоборот. Через периферию каждая микросистема пересекается и постепенно переходит в пределы других систем, и так они образуют целостную топонимическую сеть

8. Синтезировав микросистемы по возрастному, гендерному, профессиональному признакам и признаку образования, получаем *синхронную статическую модель микросистемы*, в которой достаточно явно проявляется ядерная и периферийная части. При этом в ядерную часть входят не столько ближайшие, сколько важнейшие объекты. Именно такая конструкция в топонимической микросистеме является ведущим в топонимической картине мира жителей данного региона, доминирующим ментальным топонимическим стереотипом организации категоризованного знания о пространственном аспекте мира вокруг объектов, представляющих бытийную ценность (т.е. обеспечивающих оптимальное существование человека как биологического существа).

Системное описание топонимии *всякого региона*, таким образом, *может быть проведено с учетом заявленной позиции*. Предложенная парадигма тезисов исследования позволяет обеспечить подход к изучению топонимических систем в единстве антропоцентрического и системоцентрического аспектов, во взаимовлиянии онтологического и ментального компонентов.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Предметом* исследования данной работы является русская топонимическая система, её онтологическая и ментальная организация в их взаимодействии (рТС в ее онтологическом и ментальном проявлении).

Непосредственным *объектом* исследования послужил топонимикон жителей Алтая.

В связи с этим конкретизируется **ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ** — В теоретическом плане целью исследования является разработка и обоснование нового подхода — *представить целостную концепцию* функционирования и структурирования русской топонимической системы в сочетании ментального и онтологического подходов; в практическом — обоснование конкретно-объяснительных возможностей этого синтетического подхода и продемонстрировать особенности его реализации на материале русской топонимии Алтая.

Предлагаемая нами концепция развивается по определенной логике, в частности, достижение поставленной цели предполагает решение следующих *задач*:

1) представить историю изучения топонимической системы в русской ономастике и выявить основные тенденции в топонимике в заявленном аспекте;

2) описать базовые составляющие онтологического бытия топонимической системы, определяющие ее устройство,

функционирование и развитие (территориальная и языковая общность: парадигматика и синтагматика);

3) рассмотреть проблемные вопросы теории топонимической системы;

4) обосновать взаимосвязь онтологического и ментального бытия топонимической системы;

5) исследовать организацию ментального бытия топонимической системы, представив составные компоненты топонимической картины мира;

6) выявить модели структуризации пространства: маршрутный, радиальный, “бытийное квазипространство” и т.д. и показать дифференциацию пространства в топонимических контекстах;

7) учитывая диалектику соотношения “номинация — восприятие”, показать соотношение номинативного и ментально-топонимического стереотипов;

8) представить ментально-топонимические стереотипные комплексы в топонимии Алтая;

9) провести комплексный анализ топонимической микросистемы одного села как компонента региональной топонимической системы;

10) исходя из теоретических посылок ментального бытия топонимической системы, ввести новое понятие топонимической микросистемы;

11) исследовать топонимическую микросистему как совокупность субансамблей (возрастных, гендерных, профессиональных и т.д.)

12) синтезировав теоретические позиции, создать типологическую модель топонимической микросистемы и наметить перспективы исследования топонимического пространства одного села.

МАТЕРИАЛ И ИСТОЧНИКИ. Работа выполнена на материале топонимии Алтая.

Источниками фактического материала послужили архивные и полевые топонимические материалы (см. Список источников). В Алтайском государственном университете с 1973 г. собран значительный топонимический материал, насчитывающий сотни тысяч географических названий. Результат – записи сплошной речи информантов и оформленные в топонимическую картотеку названия. Источником исследования явились данные этой картотеки, справочники, географические карты различных лет издания, исторические документы, отводные записи, переселенческие списки, справочники по административно-территориальному делению, карты и планы разных лет, работы историков и географов, изучавших Алтай. Базовыми данными послужили также Списки населенных мест 1782, 1893, 1896, 1907, 1910, 1911, 1914, 1920, 1926, 1956, 1995, 1997 гг. Достоверность информации обеспечивается использованием архивных документов (прежде всего Государственного фонда хранения Алтайского края), сведений отдела краевой статистики разных лет фиксации. Весь материал зарегистрирован в картотеке топонимов кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета, поэтому при цитировании текстов название района дается в сокращенном виде, а иногда, в целях экономии места, опускается.

К анализу привлечены также данные исторических документов Европейской России начала конца 19 - начала 20 века (см. Список источников), использованные для составления ойконимии Алтая и Европы.

Исследование проводится на материале $\text{öïïíëì} \div \text{ãñëëö} \text{êííðàêñòíà}$ ($\text{èèè} \text{öïïíëìðàêñòíà}$), $\text{íðàãñòààêýðòëö} \text{ñíáíé} \text{öðàãíàíòó} \text{áññëàçúâàíèý} \text{íñòðàêý} \text{ýçúèà}$, $\text{âêëð} \div \text{àðòëà} \text{â} \text{ñááý} \text{öïïíëì(ú)} \text{è} \text{íððàæàðòëà} \text{ñóáúáèðèèáíúé} \text{íáðàç} \text{ìèðà}$, $\text{öèèñèðòðòëé} \text{ãñíèíàíòó} \text{áññíðèýðèý} \text{íðàãüííé} \text{èè} \div \text{íñòè}$.

Введение топонимических контекстов позволяет представить функционирование имени в сознании современных жителей (приводятся контексты не только объяснений имени, но и употребления, функционирования ойконима). Сочетание топонимических полевых блоктетов и исторических контекстов позволило показать двойной функциональный план для большей части названий.

В результате общее количество названий (с учетом повторов, вариантов, параллелей) выявленных в регионе и привлеченных нами к анализу, составляет около 50 тысяч фиксаций.

Рамки работы не позволили представить топонимический материал в полном объеме, поэтому в диссертации представлены *результаты обобщения материала*, достаточно полно материал дан автором в тексте кандидатской диссертации, Ойконимическом словаре и статьях (см. Библиографический список).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Используемые автором методы исследования традиционны для лингвистической обработки регионального топонимического материала. Целями и задачами определяется использование в работе преимущественно описательного метода в его конкретных приемах: наблюдение, сопоставление, обобщение, классификация и логико-лингвистическое описание анализируемого материала, количественные подсчеты, а также элементы контекстуальной интерпретации топонимов. Используются показания языкового сознания — метод интроспекции.

Из частных методик можно выделить широко применяющуюся в работе *комплексную идентификацию фрагментов топонимической системы*, засвидетельствованных в исторических источниках, с соответствующими современными названиями объектов, метод моделирования компонентов топонимической системы.

ОБОСНОВАННОСТЬ И ДОСТОВЕРНОСТЬ научных наблюдений и выводов обеспечивается исходным теоретическим и методологическим фундаментом работы, применением комплекса методов, адекватных природе рассматриваемого явления, привлечением обширного и разнообразного топонимического материала.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ заключается в том, что собранные факты расширяют информационную базу данных в теоретической и прикладной топонимике. В частности, представляется возможность использования результатов и материалов этого исследования для сопоставления с аналогичной информацией по другим регионам, что позволит выявить особенности функционирования топонимической системы на разных территориях.

Имеющийся фактический материал и его интерпретация являются значительным резервом для топонимической лексикографии. Созданная автором база данных ойконимического материала Алтая может учитываться при составлении топонимических словарей других регионов России, а также Украины и Белоруссии.

Результаты обобщения материала могут быть использованы при чтении спецкурсов “Топонимика Западной Сибири”, “Теоретические и прикладные проблемы современной ономастики” для студентов филологического факультета Алтайского государственного университета. Теоретические положения исследования послужат основой для написания научных статей, кандидатских диссертаций, дипломных и курсовых работ, методических указаний (изданы методические указания по сбору материала “Языковое пространство города” и “Региональная топонимическая личность”).

Теоретические позиции диссертации используются автором в работе городской Топонимической комиссии (автор — научный руководитель комиссии) при решении вопросов о наименовании и переименовании

улиц города Барнаула, а также в разработке научной программы “Языковое пространство города” (реализация фрагмента этой программы - полученный автором грант “Названия улиц города Барнаула”).

АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ. Апробация структурной и содержательной компоненты исследования проведена автором в выступлениях на конференциях различного уровня, совещаниях, симпозиумах (за последние пять лет 18 выступлений) в городах: г. Барнаул (1998г., 1999г., 2000г., 2002г.), г. Екатеринбург (1999г., 2001г.), г. Волгоград (1998г.), г. Омск (2000г.), г. Томск (1998г.), г. Алма-Ата (2001 г.) и др., а также на заседаниях научных семинаров кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ (апрель 2001г) и кафедры современного русского языка АГУ (апрель 2002г.).

По теме диссертации опубликована 44 научных работы, общим объемом ... печ. листов, в том числе монография “Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая)” (14,8 печ.листов), “Ойконимический словарь Алтая” (25,6 печ.листов)(на Сербском Интернет-сайте в журнале Ономастическая лингвистика в августе 2002 года опубликована рецензия на данный словарь) и разделы в коллективном “Словаре русских говоров Алтая”. В настоящее время 5 статей сданы в печать.

СТРУКТУРА И ОБЪЕМ РАБОТЫ.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка, списка источников использованного материала, приложений, списка сокращений — общий объем работы — страниц.

ГЛАВА 1

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ БЫТИЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

1.1. Идея топонимической системы в рамках системного подхода (к истории вопроса)

Современные тенденции лингвистических исследований позволяют полнее осмыслить содержание различных *ономастических* понятий, в их числе понятие *топонимической системы*. На фоне стремительного развития языковедческой науки, по мнению некоторых исследователей, “русская ономастика как самостоятельная лингвистическая дисциплина остается в основном в рамках традиционно-описательной лингвистики; видимо, этим и объясняется ее экстенсивное изучение: впечатляющее накопление эмпирического материала вне системного уяснения его места в языке и речи, без определения онтологической сущности ономастической подсистемы в ее антропоцентрическом осмыслении с точки зрения этно-, психо-, социо-, прагмалингвистики и других аспектов теории речевого общения” (Супрун, 2000, с. 4).

В свое время идея топонимической системы оказалась очень полезной для понимания сущности топонимических процессов и специфики функционирования топонимов. К началу XXI в. уже накоплен большой фактический материал, проведены интересные наблюдения, сделаны первые серьезные обобщения, и это позволяет утверждать, что если в 70-е гг. еще было оправданно писать о важности и актуальности системности, постепенно вытесняющей старый атомизм, то в настоящее время это звучит анахронизмом, поскольку многие проблемы сейчас достаточно хорошо освещены в многочисленных исследованиях топонимистов.

Во всех без исключения топонимических исследованиях используется термин *топонимическая система*, иногда трактуемый лингвистами по-разному. В широком смысле топонимическая система понимается как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенное единство, целостность взаимосвязанных между собой элементов: “В системе все взаимосвязано; в отношении языковой системы это правильно в такой же мере, как и в отношении всех других систем. Принцип этот, провозглашенный Ф. Соссюром, сохраняет для нас свое значение...” (Балли, 1955, с. 28). В самых общих чертах построение топонимических систем соответствует следующим принципам, предложенными Ю.А. Карпенко в 1964 г. и позже поддержанным в исследованиях И.А. Воробьевой, А.В. Суперанской, Н.Н. Мамонтовой, Л.М. Дмитриевой, Т.В. Чернышовой, Е.Л. Березович и др.:

1. Целостность (единство) системы – изменение одного элемента влияет на изменение другого;
2. Дифференциация элементов системы – все элементы системы стремятся к различению;
3. Соотносимость и взаимодействие различных элементов системы – каждый входящий в состав элемент должен соответствовать внутренней структуре системы в плане словообразовательном, фонетическом, морфологическом, семантическом;
4. Экстралингвистическая обоснованность элементов системы – все элементы должны отвечать социальным потребностям общества, изменение экстралингвистических условий влечет за собой изменение топонимической системы;
5. Интралингвистическая обоснованность.

В 60-е гг., когда учение о топонимической системе, ее специфике по сравнению с лексико-семантической только начинает разрабатываться, в

трудах В.Н. Топорова и Ю.А. Карпенко констатируется, что топонимическая система, безусловно, существует, “хотя бы потому, что каждая территория имеет много топонимов, и они требуют какой-то упорядоченности, организованности и согласованности между собой” (Карпенко, 1967б, с. 3).

В работе В.Н. Топорова, которая появилась одной из первых в России, автор отмечает, что “топонимия любого географического региона представляет собой определенную систему, которую можно рассматривать в двух аспектах: в лингвистическом – как особую подсистему внутри общезыковой системы и в экстралингвистическом – как семиотическую социальную систему”, топонимическая система при этом – “совокупность элементов, организованных таким образом, что изменение, исключение или введение нового элемента закономерно (предсказуемо) отражается на остальных элементах” (Топоров, 1964, с. 15).

Исследователи выделяют изначально два показателя системности:

первый – наличие *топонимических рядов*: системность топонимии проявляется в том, что каждое название возникает на пересечении нескольких топонимических рядов, которые можно интерпретировать как набор продуктивных в данной совокупности способов называния моделей разного рода;

второй – свидетельством системности топонимии являются случаи *взаимобусловленности двух или нескольких топонимов*, образующих по сути дела элементарную топонимическую микросистему; “сравнивая так называемую “поляризацию” топонимов, когда, зная некий микроконтекст, можно с известной долей вероятности реконструировать искомый топоним или предугадать новый (топонимическая система как порождающее устройство); особенно показательны случаи, когда топоним обнаруживает большую обусловленность со стороны системы, чем со стороны природно-естественных реалий, а иногда и противоречит им”

(Топоров, 1962б, с. 4). Отмечая в своих заметках о системе “невысокий коэффициент системности”, автор говорит о микросистемах как *системных сгущениях* “в довольно нейтральном топонимическом поле” (Топоров, 1964, с. 20). Эта идея позже была активно использована многими исследователями, представляемая как топонимическая микросистема.

1.1.1. Параметры топонимической системы в работах Ю.А. Карпенко.

Под топонимической системой Ю.А. Карпенко понимает синхронную организацию всей упорядоченной совокупности топонимов исследуемой территории, делает акцент на *синхронном* изучении топонимической системы: “Без синхронического изучения нельзя выявить систему... Без знания же топонимической системы невозможно, по сути, выявление глубинных закономерностей развития топонимов, познание субординации этих закономерностей” (Карпенко, 1962, с. 13).

Главная цель синхронного изучения – в определении организации разных топонимов одной территории, в установлении топонимической системы. Топонимическая система включает, по мнению ученого, все без исключения географические названия определенной территории (Карпенко, 1964а, б; 1967а, б), а действие ее направлено прежде всего не на то, “чтобы отдалить топонимы друг от друга, а на то, чтобы сблизить между собой” (Карпенко, 1967б, с. 13). При этом Ю.А. Карпенко отмечает, что “система топонимических названий фиксирует три ряда различий: топонимы отличаются от нетопонимов...; топонимы одного класса отличаются от топонимов другого класса...; топонимы одного класса отличаются друг от друга...” (Карпенко, 1967б, с. 11), выделяя *противопоставления как организующую основу* топонимической системы: “... индивидуальные противопоставления топонимических названий,

которые собственно и составляют организующую основу топонимической системы... противопоставляются обычно наиболее близкие по территории топонимы одного класса” (Карпенко, 1964а, с. 51).

Рассматривая территорию в качестве топонимического контекста, исследователь отмечает, что “*синтагматические* противопоставления топонимических названий реализуются в совокупности всех топонимов какой-либо довольно ограниченной местности... *Парадигматические* же противопоставления представлены теми топонимами одного класса и опять-таки одной территории, которые имеют общий знаменатель – общее слово, общий корень, общий суффикс. Эти противопоставления топонимов соответствуют понятию топонимического ряда, предложенного В.А. Никоновым” (Карпенко, 1964а, с. 51). “Парадигмы (ряды) топонимической системы разнообразно перекрещиваются между собой, не исчерпывая при этом всей совокупности топонимов, принадлежащих синхронной системе”, – дополняет исследователь (Карпенко, 1967а, с. 5).

Наиболее существенными признаются исследователем различия парадигматические, при этом он отмечает, что “возникает топоним в парадигме, но *история может разрушить ряд* (выделено нами. – Л.Д.), ...топонимы подвергаются “втягивающему воздействию системы” (Карпенко, 1964а, с. 52). Как бы резюмируя, Ю.А. Карпенко делает вывод о сильном влиянии топонимической системы на названия, отмечая, что “... поэтому топонимическая система в целом, вызывая в географических названиях многообразные изменения, является одной из важнейших движущих сил развития топонимов” (Карпенко, 1964а, с. 52).

1.1.2. Концепция топонимической системы А.В. Суперанской.

Иная лингвистическая позиция состоит в том, что ученые определяют систему как внутреннее явление, скрытое от непосредственного наблюдения, представляющее собой систему отношений и связей,

существующих между элементами. Она может быть выявлена путем отвлеченного, абстрактного анализа, а сама система предстает как абстрактная схема дематериализованных отношений, как структура чистых противоположений. Такой точки зрения придерживается А.В. Суперанская, топонимическая система в ее концепции адекватна понятию *структура*: “Под топонимической системой следует понимать совокупность специфических *особенностей* или *признаков* (выделено нами. – Л.Д.), закономерно повторяющихся в процессе формирования географических названий” (Суперанская, 1985, с. 60).

В качестве основной характеристики топонимической системы А.В. Суперанская выделяет территориальность: “Топонимическая система в значительно большей степени определяется территориальной общностью, нежели общностью языковой...”; “Топонимическая система строго территориальна, а топонимическая структура – экстерриториальна...” (Суперанская, 1984, с. 60–61); “По всей вероятности, топонимическая система в значительно большей степени определяется территориальной общностью, нежели общностью языковой, поскольку на смежных территориях с разноязычным населением топонимия все-таки система...” (Суперанская, 1985, с. 108).

При этом системы смежных территорий и эпох *плавно переходят друг в друга*: “Перебой преемственности отмечается при резкой смене эпох, сопровождающейся сменой государственного языка и политической, религиозной, ономастической и иной ориентации, а также на территориях, длительное время разделенных государственной границей, если население по обе стороны долгое время говорит на разных языках” (Суперанская, 1973, с. 142–143).

В 1985 г. А.В. Суперанская вносит дополнение в определение топонимической системы: “топонимическая система – это территориально организованный набор топооснов, топоформантов, а также способов их

соединения друг с другом и специфика восприятия определенных топонимических образований“ (Суперанская, 1985, с. 108). “Каждый топоним не только создается для называния какого-либо объекта, но и употребляется в речи людей, говорящих об этом объекте. Следовательно, он должен быть понят, принят, усвоен“ (Суперанская, 1985, с. 108).

Важным в концепции А.В. Суперанской в этом аспекте, с нашей точки зрения, является понятие *топонимической схемы*: “Каждое название входит не только в топонимическую систему данной территории, но и в топонимическую схему данного языка. Именно через топонимическую языковую схему топонимы заимствуются из одного языка в другой, переходя в аналогичную топонимическую схему другого языка... схема экстерриториальна и обладает некоторой тотальностью, сглаживающей особенности отдельных систем...”; “Для каждого человека системно организованными являются лишь те топонимы, в окружении которых он живет... Все остальные воспринимаются схематично, через призму заранее заданных категорий... “ (Суперанская, 1985, с. 111), т.е. по сути исследовательница говорит о топонимических стереотипах.

При всей разности подхода к топонимической системе А.В. Суперанская делает заключение, схожее с выводом Ю.А. Карпенко: “Топонимическая система служит важной движущей силой в перестройке отдельных топонимов, подчиняя их общим закономерностям, наблюдающимся на одной территории, придавая им сходство друг с другом и в то же время способствуя их дифференциации” (Суперанская, 1985, с. 109).

Обобщение концепции А.В. Суперанской о топонимической системе выглядит следующим образом:

- 1) в составе топонимии любой территории можно обнаружить:
 - а) наиболее массово представленные типы, являющиеся образцами для прочих имен; как правило, это 5–9 (количество определяется

психологической закономерностью, связанной с проблемой выбора и предпочтения, которая действует независимо от языка) активных тематических групп основ и столько же топоформантов;

б) названия, продуктивность которых в настоящий момент утрачена;

в) недавно возникшие названия, в употреблении которых наблюдаются колебания;

г) имена одиночные, не находящие себе подобных;

2) топонимические системы создаются местным населением, проверяются и отрабатываются на местах, находясь под воздействием топонимической схемы данного языка, которая объединяет все названия, обладая тотальностью, сглаживая особенности отдельных систем, например, проявляющиеся диалектные черты;

3) для каждого человека системно организованными будут только те топонимы, в окружении которых он живет, все остальные географические названия воспринимаются нами схематично;

4) переосмысление названий, перестройка их на основе знакомых основ и формантов объясняется стремлением понять старое название на основе реалии наших дней (Суперанская, 1985, с. 108–112).

Развитие концепции А.В. Суперанской представлено в коллективной монографии “Теория и методика ономастических исследований” (1986), авторы которой называют такой подход к топонимической системе *функциональным*: “Для нас система – не сумма топонимических единиц, а своеобразный механизм, преобразующий топонимический материал в соответствии с определенными принципами и отбрасывающий как неприемлемое все то, что не удовлетворяет заданным параметрам” (Теория и методика... 1986, с. 51). В то же время в монографии дается определение топонимической системы, с нашей точки зрения, принципиально отличающееся от всех предшествующих и фиксирующее еще раз позицию А.В. Суперанской: “Под топонимической системой

понимается известное единство построения топонимов той или иной территории, *обусловленное общностью психологии населяющего ее коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности*” (выделено нами. – Л.Д.) (Теория и методика... 1986, с. 51).

Из всего комплекса теоретических позиций А.В. Суперанской мы не согласны с идеей о том, что топонимическая система объединяет разноязычный топонимический материал, “может включать элементы многих языков, складываясь на основе названий всех расположенных на данной территории объектов, независимо от их языковой принадлежности и диалектных особенностей” (там же). Основываясь на специфике означенных параметров системы, авторы данного подхода пытаются установить своеобразные границы системы, однако решение этого вопроса представляется не совсем удачным.

Если рассматривать всю совокупность топонимических отношений (в широком смысле этого термина) одной территории и разных языков как систему, то в этом случае мы не учитываем один немаловажный фактор – менталитет. В условиях всякой билингвальной ситуации (особенно далекого двуязычия) на одной территории будут функционировать две системы (яркий пример тому – двуязычие немцев Алтая и результат – параллельное функционирование двух топонимических систем – немецкой и русской. См.: (Дмитриева, 1988).

К большому сожалению, идея А.В. Суперанской о единстве построения топонимов той или иной территории, идея *топонимической схемы* не была развита далее, поскольку, очевидно, анализ мировоззренческих моделей возможен только при обращении внимания на *человека говорящего*, а лингвистическая парадигма повернулась лицом к человеку только в конце XX в.

Что касается термина *функциональный подход* (Теория и методика... 1986, с. 51), то он, с нашей точки зрения, не совсем приемлем по отношению к данной позиции. Функциональный подход как *функционирование* более характерен для системной теории И.А. Воробьевой.

1.1.3. Функционально-системный подход исследования топонимической системы И.А. Воробьевой.

В научных трудах И.А. Воробьевой на первом месте, начиная с 1968 г., – топонимические проблемы и в первую очередь – теория топонимической системы.

В своей концепции топонимическую систему И.А. Воробьева рассматривает вслед за Ю.А. Карпенко как “совокупность топонимов определенной территории, связанных парадигматическими и синтагматическими отношениями”, добавляя, что это “совокупность топонимов, организованных в единое целое для наиболее оптимального выполнения ими дифференцирующей и идентифицирующей функций” (выделено нами. – Л.Д.) (Воробьева, 1976а, с. 190–199). Отмечая, что “при системном изучении следует выявлять не только те признаки, по которым противопоставляются элементы системы, но и те свойства, которые объединяют их в определенные группы, ряды, классы” (Воробьева, 1973, с. 4), И.А. Воробьева указывает на отношения и взаимосвязь элементов региональной топонимической системы средней части бассейна Оби, в частности, на соотношение *топонимов и микротопонимов как двух классов топонимической системы*. В своем понимании топонимической системы И.А. Воробьева исходит из того, что любая топонимическая система является *функционирующей* системой. Она стремится совместить (см. идеи А.В. Суперанской и Ю.А. Карпенко) указанные две позиции, называя свой подход функциональным, а топонимическую систему

рассматривая как синхронную организацию топонимов определенной территории. Совмещающей основой, на которой можно выявить системную синхронную организацию собственных имен, является, по мнению И.А. Воробьевой, функциональный подход. “Под функцией мы понимаем назначение собственных имен, их применение и использование в обществе...” (Воробьева, 1976а, с. 4); “...чтобы выполнить свою функцию идентификации и дифференциации, они должны быть синтагматически и парадигматически организованы, то есть должны соотноситься с другими названиями рядом находящихся объектов, отличаясь друг от друга своими звуковыми комплексами, а также должны группироваться в ряды однотипных в лексическом и грамматическом отношениях топонимов” (Воробьева, 1988, с. 62–63).

Все идеи, высказанные в первых топонимических работах ученого, затем находят продолжение в учебном пособии “Топонимика Западной Сибири” (1974), коллективной монографии “Русская топонимия Алтая” (1983) и многочисленных статьях (см. Библиографический список).

Так, И.А. Воробьева конкретизирует понятие территориальности топонимической системы, указывая, что “топонимическая система территориальна, и ее организация, взаимные связи топонимов проявляются на отдельной территории” (Воробьева, 1973, с. 8). “Под топонимической системой мы понимаем такую совокупность топонимов *исторически и географически выделяемой территории* (выделено нами. – Л.Д.), на которой проявляется их взаимная связь и общие процессы возникновения, функционирования и словообразования. В силу локальности топонимов как их определяющей черты, топонимическая система не может не быть территориально ограниченной, и ее организации, взаимные связи составляющих ее элементов проявляются лишь на отдельной территории” (Воробьева, 1988, с. 62).

Затронув вопрос о территориальности как признаке топонимической системы, И.А. Воробьева рассматривает и вопрос о языковой принадлежности той или иной системы. Она отмечает, что “на многонациональной территории функционирует не одна топонимическая система, а две и более параллельные системы, которые действуют друг на друга, перекрещиваются друг с другом” (Воробьева, 1973, с. 8). При этом каждая топонимическая система в один период времени *принадлежит только одному языку* (ср. позицию А.В. Суперанской).

И.А. Воробьева делает акцент на зависимости системы от экстралингвистических факторов: “Топонимическая система в значительно большей степени, чем любая лексико-семантическая группа, зависит от экстралингвистических факторов (физико-географические признаки реалий и их изменения, социально-исторические условия жизни человека и их изменения). Поэтому нам представляется, что нельзя проводить системное изучение топонимов в отрыве от изучения воздействия на топонимию окружающей среды, в данном случае коллектива людей, в речи которых функционируют топонимы. В связи с этим разграничение внешних связей и отношений, вызванных экстралингвистической действительностью, и внутренних, идущих только от системы, является неременным условием системного изучения” (Воробьева, 1976а, с. 5).

“Знание экстралингвистических условий необходимо для установления границ топонимической системы. Предварительно границы системы выделяются на основе *исторического и географического факторов* (выделено нами. – Л.Д.) и уточняются в ходе рассмотрения топонимии” (Воробьева, 1977, с. 41).

Определяя макро-микроуровни, И.А. Воробьева говорит о степени известности имени как факторе, разграничивающем эти два уровня: “Более существенным для системной организации топонимов по особенностям их

функционирования в обществе, под которым мы понимаем прежде всего известность топонима, является подразделение всех географических названий на два яруса: топонимы и микротопонимы. В их разграничении мы видим один из принципов организации топонимической системы” (Воробьева, 1977, с. 42).

В этом определении немаловажное место занимают термины *микротопоним* – *микросистема*. “Названия, функционирующие в пределах одной микросистемы, мы называем микротопонимами” (Воробьева, 1977, с. 44). Далее дается их характеристика: 1) семантически мотивированы, 2) недолговечны, 3) вариативны, 4) имеют особую структуру, 5) связаны с диалектом, 6) одноязычны, 7) повторяемы в разных микросистемах (Воробьева, 1977, с. 42–49).

Теория топонимической системы после работ И.А. Воробьевой считалась достаточно разработанной. В топонимической науке был, казалось бы, устойчиво определен ряд факторов, с помощью которых осуществляется систематизация географических названий определенной территории.

В появляющихся в последние годы региональных исследованиях, как правило, кандидатских диссертациях и отдельных статьях, по большому счету *повторяются основные положения приведенных нами работ*, поэтому замечания типа “отдельными авторами система определяется на основе совершенно различных признаков”, “по-разному формулируют понятие топонимической системы разные исследователи” и подобные следует признать слишком категоричными. Приведем некоторые из них: “Построение топонимических систем, ограниченных рамками любых территорий, строго соответствует следующим принципам: целостность системы; дифференциация элементов системы; экстралингвистическая обоснованность элементов системы; соотносимость и взаимодействие различных элементов системы” (Горожанкина, 1978, с. 162); “...топонимия

рассматривается как синхронная организация всей совокупности собственных географических наименований определенной территории; организующим элементом топонимической системы являются синтагматические и парадигматические противопоставления, которые обусловлены внутренними и внешними взаимоотношениями топонимов различных классов, а также некоторых других элементов, находящихся в топонимической функции в оппозиции к топонимам, но являющихся базой мотивирующих слов для образования топонима” (Лобода, 1979, с. 3); “Под топонимической системой мы понимаем определенным образом организованную совокупность топонимических фактов, определяемую общностью территориальных и лингвистических факторов. Территориальное единство делает топонимическую систему замкнутой и ограниченной; лингвистическое единство (один язык, группа близкородственных языков...) является упорядочивающим и систематизирующим началом, стихийно стремящимся к подчинению всей массы разрозненных топонимических фактов формальным закономерностям, присущим данному языку или языкам. Оба фактора являются постоянно действующими и оба действуют в плане синхронии. Изменение территориальных и лингвистических границ влечет за собой постепенную перестройку топонимической системы” (Литвин, 1983, с. 9) и др.

В 90-е гг. появились интересные работы, к числу которых нужно отнести исследования Е.Л. Березович (1992), которая определяет семантические параметры локализованной топонимической системы: “1) экстралингвистическая заданность границ системы, ограниченная сфера функционирования, определенная исторически сложившейся территориально и хозяйственной общностью номинируемых объектов, 2) дифференциация элементов системы, однозначность каждого названия, 3) конкретность номинативной разработки представления об окружающих

географических объектах, 4) иерархичность строения, проявляющаяся в наличии ядра и периферии, 5) заданность позиции номинатора, 6) тенденция к связи наименований между собой” (Березович, 1992, с. 24).

С учетом того, что всякая система – живой и постоянно изменяющийся организм, в системоцентрическом понимании топонимической системы автор данной работы придерживается функционального подхода, разработанного И.А. Воробьевой. Данное понятие топонимической системы не противоречит и философскому определению, где система рассматривается как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство.

Подводя итог историко-лингвистическому и теоретическому экскурсу, заметим, что *современное состояние топонимических знаний позволяет говорить о системности топонимии, т.е. о наличии определенных организующих элементов, объединяющих и упорядочивающих в рамках данного лингво-географического региона весь комплекс топонимических названий, принадлежащих разным историческим эпохам и языкам.*

1.2. Базовые составляющие топонимической системы

При онтологическом аспекте изучения бытия топонимической системы речь идет о сопоставлении друг с другом многих объектов с целью нахождения системы их классов, т.е. некоторого способа разбиения множества этих объектов на их подмножества. В ходе этой процедуры для каждого класса должен быть сформирован набор признаков и выделен *эталонный образец*, отчетливо наделенный этими признаками.

Топонимическая система на понятийном уровне реферирует с системой обозначаемых объектов, при этом одним из оснований для уровневой классификации (иерархии системы) выступает группировка *названий объектов одного класса*: называя конкретные объекты пространства,

топонимы становятся *системой* названий, т.е. частью общей топонимической системы. Связь с пространством часто не реализуется в полной мере, а уровни топонимической системы выделяются в зависимости от реальной величины объекта, с одной стороны, значимости объекта, поддержания официального статуса и т.д. – с другой. Очень важной при решении означенных вопросов представляется нам мысль о том, что “система в ономастиконе имеет двойной характер: выражается через уровень объектов (названный объект является частью системы определенных реалий) и через языковую реализацию имени. Система реалий тесно связана с иными, экстралингвистическими дисциплинами, система имен объединена, с одной стороны, с возможностями наименования в данном языке, с другой стороны, с грамматическими и синтаксическими правилами данного национального языка и с его историческим и современным развитием...” (Перспективы... 1980, с. 72).

Соотношение между географическим названием и географическим объектом может быть различным: географический объект может быть равен географическому названию – это географическая “карта” или “список”. “Постоянным контекстом для собственных имен является карта или список” (Воробьева, 1976а, с. 4) – тождественная объективной реальности ее часть (соотношение *объект – название*). “Топографические карты все же передают основные черты топонимической системы, хотя и с разной степенью точности... Поэтому они могут быть использованы для того, чтобы получить общее представление о топонимической системе...”, – замечает А.К. Матвеев (Матвеев, 1986, с. 21). Соотношение географический объект = географическое название встречается крайне редко, а с учетом функционального плана не встречается вообще. “В реальности не существует идеального соотношения: 1 географический объект – 1 название. Отдельные объекты могут не иметь собственного имени до тех пор, пока по какой-то причине не попадут в сферу интересов

человека. Следовательно, чем лучше освоена территория, тем больше названий реалий должно на ней существовать. Топонимы, в отличие от географических объектов, существуют не просто на определенной территории – они существуют в актах устного и письменного общения людей...” (Карпенко, 1980, с. 49).

Признавая всю важность семантических и структурно-словообразовательных оппозиций как связующих элементов топонимической системы, но, учитывая двойственную природу топонимической системы, нужно отметить, что это *отношения систематизирующего плана*, а более важными являются отношения топонимов как отражение отношений объектов в локусе.

Связи между элементами топонимической системы, таким образом, могут быть интерпретированы по-разному. Их можно трактовать как выражение самой природы, в которой независимо от человека и его деятельности существуют эти отношения, тогда эти связи и отношения рассматриваются нами как стороны изучаемых нами природных объектов, и систематизация в качестве особой системы, состоящей из элементов и их связей, тоже рассматривается как некая природная вещь, обладающая совершенно независимыми от человека и его деятельности определенными свойствами, составом, строением, законом жизни и развития. В рамках этой онтологической трактовки традиционное описание структуры систематизации и ее всевозможных связей есть описание некой природной вещи, свойства которой не зависят от деятельности создавших ее людей. Такое описание носит чисто онтологический характер как зафиксированное на карте, как перечисление различных свойств классифицируемых объектов.

Основные положения онтологического подхода к изучению топонимической системы:

Простая совокупность географических названий определенной территории и одного языка не является топонимической системой. Эти названия должны быть взаимосвязаны между собой.

Основополагающими, организующими топонимическую систему отношениями признаются парадигматические и синтагматические противопоставления внутри системы.

Топонимическая система объединяет топонимы как одного, так и разных классов, предопределяет связь топонимов с другими видами ономастической лексики (чаще с антропонимами), с разными группами лексики апеллятивной.

Любая территориальная топонимическая система состоит из двух групп названий: собственно топонимов и микротопонимов. Эти группы можно рассматривать как иерархию двух уровней: высшего и низшего, которые всегда находятся в определенных отношениях друг с другом.

Исходя из философского положения, что каждая часть более широкой системы может рассматриваться как система, в рамках данного подхода можно утверждать, что на всякой исторически и географически ограниченной территории (исторические, географические и лингвистические факторы) существует самостоятельная топонимическая система, являющаяся подсистемой, блоком топонимической системы более объемной территории.

Остановимся на некоторых конкретизирующих признаках и отношениях.

1.2.1. Признак территориальной и языковой общности.

Признание *территориальности топонимической системы* является важным методологическим и методическим принципом, определяющим характер топонимического исследования. Однако территориальность И.А. Воробьева и А.В. Суперанская, как отмечалось выше, понимают по-

разному. С точки зрения И.А. Воробьевой, “под русской топонимической системой понимается совокупность географических наименований, организованных по территориальному и языковому признакам. Эта система объединяет все русские по употреблению топонимы определенной территории, которые являются отражением связанных между собой географических объектов данной территории. При определении языковой принадлежности названий важно учитывать не только их происхождение, но и языковую среду, в которой это название функционирует. Исходя из этого к русским топонимам мы относим: 1. Русские по происхождению и употреблению топонимы, созданные на основе русских корней и русских словообразовательных средств; 2. Русские по происхождению и употреблению слова, но образованные от нерусских корней по русским словообразовательным моделям; 3. Топонимы, нерусские по происхождению, но русские по употреблению” (Воробьева, 1983, с. 6–7).

Несомненно, с нашей точки зрения, что топонимическая система одной территории объединяет все топонимы, но одноязычные по функциональным характеристикам. Необходимо учитывать единство территории, фактор времени и языковой фактор, т.е. ландшафтно-географическое единство региона, его этнокультурное и историческое единство, хозяйственно-экономическое единство региона, языковое единство – вот традиционно выделяемые в топонимических исследованиях параметры. Практически во всех региональных исследованиях встречается фраза: “топонимическая система... региона организована по территориальному и языковому признакам”. Приведем примеры: “Под русской топонимической системой Обвинского поречья мы понимаем совокупность географических наименований, организованных по *территориальному и языковому признакам* (выделено нами. – Л.Д.). Эта система объединяет все русские по употреблению

топонимы бассейна реки Обвы, являющиеся отражением связанных между собой географических объектов данной территории” (Гордеева, 1998, с. 4); “являясь понятием территориальным, топонимическая система объединяет всю совокупность географических названий” (Кузнецова, 1984, с. 15).

С проблемой территориального и языкового признака тесно связана и проблема *границы* топонимической системы. Граница топонимической системы совпадает с границей *исторически и географически выделяемой территории*, при этом территория – и один населенный пункт, и обширный регион, однако совершенно очевидно, что границы топонимической системы совпадают с административными границами только в том случае, если мы имеем в виду топонимическую систему как совокупность названий “карты”, “списка” определенного официально зарегистрированного административного региона: к примеру, топонимическая система Новосибирской области, Кемеровской области, Алтайского края и т.д.

С одной стороны, существует некий общепринятый (на уровне официальных структур) набор топонимических моделей для оформления, например, ойконимов – суффикс *-к-* для названий сел – с. Алексеевка и суффикс *-ск-* для названий поселков – пос. Алексеевский. Более того, замена одного суффикса на другой вслед за заменой статуса объекта тоже строго фиксируется в документах: “С 1 января 1914 года переименовать поселок Гусинский в поселок Гусинка, поселок Константиновский – в поселок Константиновка, Долиновский – в поселок Долиновка” (А).

С другой стороны, все официальные названия одного района как бы выравниваются на названия соседнего. Уже приведенный нами пример – ойконимия Алтайского края и соседних регионов в конце XIX в. практически не различались (такой вывод позволяет нам сделать анализ большого количества списков населенных мест региона), однако начало XX в. резко изменило ситуацию – многотысячный поток переселенцев,

обосновавшихся на Алтае, способствовал появлению совершенно иного типа топонимической системы. Проблема границы в этом случае перестает существовать, поскольку отличия в системе Алтая стали довольно существенными, причем именно в рамках административного района.

В целом же *топонимическая граница* появляется значительно раньше административного деления регионов. Она складывается по совокупности исторических (специфика заселения каждого села – время), географических (степь, лес, горы...), языковых (тип диалекта, языковая ситуация и т.д.) параметров. *Административная граница* устанавливается, как показывают исторические источники, с учетом совокупности тех же самых факторов. Здесь радиусы границы топонимической системы и административного региона пересекаются. В документах по установлению границ Алтайского края и районов (а эти границы в течение XIX – начала XX в. менялись неоднократно) мы находим описание требований к границам районов. “Границы волостей и районов устанавливаются по большей части исходя из особенностей рельефа и пространства, а также расположенных озер и других низменностей и пересекающих пространство рек. Возвышенности относятся к той части, где они не нарушают возможный к участку хозяйственный доступ” (А). Что касается более глубокого, сущностного понимания границы топонимической системы, то она весьма условна, расплывчата (как и граница диалектной региональной системы). Когда мы идем в глубь системы, мы проникаем в языковое сознание, топонимическую компетенцию жителей того или иного региона: считать ли название озера (впрочем, как любого топообъекта), которое находится между селами А-Б (районами, краями), относящимися к топонимической системе А или топонимической системе Б? Конечно же, оно относится к обеим системам, однако такое структурирование может быть рассмотрено только с учетом ментальных факторов.

1.2.2. Парадигматические и синтагматические отношения в топонимической системе.

Организация топонимической системы, ее становление и динамика обеспечиваются прежде всего различными типами связей. В плане онтологического бытия наиболее разработан структурный подход к изучению топонимических систем, словообразовательные потенции русского языка чрезвычайно разнообразны, – взаимодействовать слова могут в разных аспектах, многочисленны и семантические оппозиции.

При всем многообразии регионов, подходов исследователей общим следует признать тот факт, что при изучении всякой топонимической системы важно установить прежде всего парадигматические и синтагматические противопоставления.

В основе таких отношений, как известно, лежит сходство единиц, относящихся к одному уровню языковой системы и в этом смысле однотипных, ибо “среди многих признаков географических названий выступает одна общая для всех них главная черта их – сравнительность”. И.А. Воробьева отмечает: “...большая часть географических названий... охвачена разнообразными парадигматическими отношениями. Чтобы выполнить свою функцию идентификации и дифференциации, они должны быть синтагматически и парадигматически организованы, т.е. должны соотноситься с другими названиями рядом находящихся объектов, отличаясь друг от друга своими звуковыми комплексами, а также должны группироваться в ряды однотипных в лексическом и грамматическом отношениях топонимов” (Воробьева, 1988, с. 62).

Системные отношения в плане парадигматики проявляются более всего на уровне двойных противоположностей, устойчиво называемых топонимистами “бинарными”.

Под топонимической синтагматикой понимается сочетаемость связи слов в линейном ряду. Так как “линейным рядом” – топонимическим

контекстом – является территория, то синтагматические противопоставления реализуются в совокупности всех названий, которые имеются в определенном районе. В ойконимической системе Алтая *начала XX в.*, например, ойконимы проявляли свои *синтагматические связи* в пределах одной волости. Так, в *Белоярской волости* (1914 г.) ойконимы входят в данный синтагматический ряд: Белоярск, Токарево, Чесноковка, Санникова, Фирсова, Бобровское, Жилинское, Никольский Заселок, Копыловское, Ново-Чесноковка, Голубцевское, Бешенцевское, Сорочий Лог, Зудилова, Мыльникова, Новичихинское, Кислуха.

Синтагматический ряд ойконимов *Бийского района* (1999 г.): Амурский, Березовые Горки, Бехтемир-Аникино, Верх-Бехтемир, Верх-Катунское, Восточный, Енисейское, Заозерный, Заря, Ключи, Малоенисейское, Мальцева Курья, Междуречье, Новиково, Первомайский, Предгорный, Пригородный, Промышленный, Светлоозерское, Семеновод, Сростки, Старая Чемровка, Степной, Студенческий, Усятское, Фоминское, Чуйский, Шебалино, Ягодный, Ясная Поляна, Усть-Катунь.

Парадигматические противопоставления образуют такие топонимы одной территории, у которых имеется общий элемент: основное слово, корень, аффикс и пр.

Все русские ойконимы, образованные по различным моделям, входят в *два типа системных рядов*, основанных на оппозиции:

- а) по топоформанту при тождестве топоосновы,
- б) по основе при тождестве топоформанта.

Характерную картину представляют следующие ряды.

1. Оппозиция по топоформанту при тождестве топоосновы: Ильинка, Ильинское; Казанка, Казанцевский; Культурное, Культура; Левинка, Левино Жилище; Максимка, Максимовское Жилище; Никольск, Никольское; Сельковск, Сельковская; Советский, Советское; Тихонькая, Тихонькое.

2. Оппозиция по топооснове при тождестве топоформанта.

Ряды имен собственных, суффиксально оформленные: **-к-** Левинка, Лобановка, Зыряновка, Михайловка; **-ов-** Горбуново, Ощепково, Тимофеево; **-ск-** Казанцевский, Ждановский, Макарьевское; Никольск, Красносельск, Новотроицк и пр.

К оппозиции второго типа относятся географические названия, образованные по атрибутивной модели с отношениями *бинарной оппозиции*. В частности, появление *одноименных названий* населенных пунктов в пределах одной волости ведет к их дифференциации (место, время, размер):

озера: Малое Яровое – Большое Яровое; Малый Табун – Большой Табун; Левый Близнец – Правый Близнец; Большое Таволжанское – Малое Таволжанское, Большое Горькое – Малое Горькое Большое и Малое Островное; Верхнее Займище – Нижнее Займище; Малое Калинино – Большое Калинино; (*Легостаевская волость*);

а также участки: Нижне-Каменушинский – Верхне-Каменушинский, Нижне-Сухаревский – Верхне-Сухаревский; Верхне-Суетка – Средне-Суетка – Нижне-Суетка; Кривая Сосновка – Прямая Сосновка; Жженный Ракит – Долгий Ракит; Малиновая Грива и Шелковая Грива (А).

Противопоставление чаще всего достигается при помощи использования слов *дальний – ближний, верхний – нижний, большой – малый, новый – старый* и др.

Системные связи в топонимии очень сильны, и даже если реальное соотношение по величине между объектами изменится (что часто бывает с ойконимами) или исчезнет один из них, то на протяжении довольно продолжительного периода структура топонимов не подвергнется модификации. С течением времени дифференциальные слова *перестают отражать какие-либо различия в реалиях*, сохраняя лишь системную зависимость. Указание на размер, например, может быть только в одном из

членов бинарных оппозиции: Бутырское – Мало-Бутырское, Романовское – Мало-Романовское, Панюшево – Мало-Панюшево.

Часто противопоставление дают счетные прилагательные *первый*, *второй*, с ними топонимы образуют не только двучленные оппозиции, например, пос. Константиновский 1, пос. Константиновский 2; пос. Чугаевский 1, пос. Чугаевский 2; пос. Кондаковский 1, пос. Кондаковский 2; Коростели 1-е и Коростели 2-е; Излап 1-й и Излап 2-й, но и многочленные: *первый – второй – третий ...* Так образованы названия расположенных близко друг к другу сел: Первый Глядень – Второй Глядень – Третий Глядень – Четвертый Глядень – Пятый Глядень; Северный–1-й – Северный–2-й – Северный–3-й – Северный–4й.

Противопоставление ойконимов может достигаться и за счет использования других лексем, не выступающих в качестве закономерно действующего средства формирования в оппозициях, но встречающихся в отдельных рядах, таких как: пос. Лебяжье Правобережное – пос. Лебяжье Левобережное, д. Ненинка Правобережная – д. Ненинка Левобережная. В этих случаях топонимы противопоставляются по своему дотопонимическому значению, что говорит о их возникновении в определенном ряду.

Иногда при дифференциации используются предложные конструкции: с. Мурашкино на Бурле – с. Мурашкино, Хабары на Бурле – Хабарово, Бурла на Песчаном озере – с. Бурла, с. Кочки на Карасуке – с. Кочки, д. Жаркова на Кулунде – Жаркова, д. Павловск на Касмале – Павловск, д. Островная – Островная при Касмале; д. Гуселетова – д. Гуселетова при Собачьих ямках и др. (см. также Приложение 1)

Установление и анализ парадигматических оппозиций существен для определения специфики топонимической системы, так как помогает выделить основные *тенденции*, в соответствии с которыми идет развитие определенного топонимического класса. Поскольку структурно-

словообразовательный компонент является самым простым и легко выявляемым, то в региональных исследованиях идет усиленный поиск этих элементов. Действительно, структурно-семантические характеристики исходных апеллятивов могут выступать в качестве факторов, образующих топонимическую систему, но общность структурно-словообразовательных особенностей – только *один из факторов, формирующих топонимическую систему*. “Общность корней или аффиксов не может служить доказательством того, что два названия являются членами одной и той же частной (не общеязыковой) топонимической системы. Единство структурных типов той или иной территории определяется главным образом принадлежностью к одной языковой системе”, — справедливо замечает Г.В. Глинских (Глинских 1987, с. 43).

1.3. Некоторые проблемные вопросы теории топонимической системы

Подводя итог сказанному выше, а также исходя из общего положения о системности лексики, констатируем, что топонимию любого региона следует рассматривать как особый лексический слой современного языка, имеющий определенное функциональное значение и внутренне организованный с помощью формальных грамматических элементов и системы взаимосвязанных и взаимозависимых противопоставлений. Современное состояние топонимических знаний позволяет уже (в сравнении с началом 60-х гг.) без сомнения говорить о системности топонимии, т.е. о наличии определенных *организующих* элементов, объединяющих и упорядочивающих в рамках данного лингво-географического региона всю массу топонимических фактов, принадлежащих разным историческим эпохам и языкам.

Пожалуй, единственной работой, в которой признаются ограничительные объяснительные возможности традиционной модели, является статья Г.В. Глинских “Топонимическая система и структурно-семантические признаки исходных апеллятивов” (Глинских, 1987). Исследователь пытается проревизировать основные параметры организации топонимической системы. Основной пафос и вопрос статьи – *в чем проявляется эта системность*: “Трудно не заметить и, тем более, отрицать разнообразные связи, имеющиеся между топонимами. Наличие же таких связей – несомненное свидетельство их системной организации” (Глинских, 1987, с. 29). Далее автор утверждает, что вопрос, рассматриваемый в статье, “в какой мере структурно-семантические характеристики исходных апеллятивов могут выступать в качестве факторов, образующих топонимическую систему?” (Глинских, 1987, с. 30).

Проблема, конечно, с нашей точки зрения гораздо глубже и может быть сформулирована так: что такое топонимическая система?

Основные сомнения автора таковы:

“1. Отношения между названиями неправомерно считать *актуальными* в течение всего времени существования топонимов;

2. Системные отношения между лингвистическими единицами, функционирующими в языке, переносятся на топонимический материал... но интерпретируются как *специфические* связи, создающие особую, *топонимическую системность*...;

3. Структурные связи часто устанавливаются между топонимами, которые *одновременно не известны носителям языка* и, следовательно, входят в *разные топонимические системы*, по крайней мере на нижних уровнях” (выделено нами. – Л.Д.) (Глинских, 1987, с. 44).

Выражая практически полное согласие с позицией автора (о несогласии – ниже), приведем примеры полевых и архивных материалов, подтверждающих сомнения исследователя: “Очень часто в момент

появления топонима появляющаяся оппозиция является собственно языковой оппозицией, т.е. сохраняет оппозицию мотивирующих апеллятивов” (Глинских, 1987, с. 32):

1. “Все правобережные участки отличаются высоким волнистым рельефом, пересеченным во многих местах глубокими логами с крутыми склонами. На дне этих логов обыкновенно протекают *вершины* речек или ключи, а также располагаются согры или болота. Почти во всех участках имеются лишь вершины речек, нижние их части замежеваны в наделы старожилов. Комиссия постановила все означенные группы участков наименовать Верхняя Погорелка, Верхняя Мишиха, Верхняя Малышевка...” (А);

“Участок Верх-Булухта – в верхнем течении реки Булухты” (А);

“Река Чуман берет начало в реке Карасуке и впадает в реку Бурлу, пересекает участок с севера на юг и делит на три части – вдоль реки Средне-Чуманский, с левой стороны Восточный Чуманский и с правой стороны Западный Чуманский” (А);

“Нижний Устюбенский – занимает нижнее течение реки Устюбеня... Средний Устюбень – занимает среднее течение реки Устюбеня, Верхний Устюбень – находится в верхнем течении реки Устюбеня” (А);

“...деревня Погорелка Правобережная расположена по правой стороне реки Чумыша в 4 верстах от волостного правления... земельный надел деревни Погорелки Левобережной находится на левой стороне реки Чумыш”(А)

“В Славгородской волости образован пос. Левоозерный (на левом берегу Озера) и поселок Правоозерный (на правом берегу Озера)” (А)

“26 августа 1911 года Телеутское сельское общество, Корниловской волости разделяется на 2 части: Ветренную и Подветренную, отстоящую одна от другой на расстоянии не более версты... с 1 января 1912 года из Телеутского сельского общества, состоящего из Ветренного и

Подветренного частей образовать два отдельных селения и сельских общества: одно Ветренное, другое Подветренное” (А);

“Соседовское сельское общество, Легостаевской волости, Барнаульского уезда просит разделить его на два – Старо-Соседово и вновь образованное Ново-Соседово, из коих в каждой более 300 м. душ” (А).

2. Первоначальное название – д. Усть-Барнаульская – является сложносоставным образованием с первой частью Усть-. В данном случае компонент Усть- не выполняет функции дифференциации, а только указывает на место расположения деревни; аналогично: *Расположено в устье реки Иня, поэтому Усть – в устье, то есть другого названия Иня не знаем*

3. С увеличением населения и ростом села в название Романовка было внесено добавление, указывающее на размер объекта. Возникло современное название – Большеромановка. *Разделили на две части, одна побольше – большая, другая – поменьше – малая (там сейчас три дома осталось)*. Подобные примеры см. в «Ойконимическом словаре Алтая» (Дмитриева, 2001).

Возникает, однако, вопрос: порождены ли такого рода оппозиции топонимической системой или же отношения между членами этих пар, существуя и за пределами топонимии, оказались привнесенными в топонимическую систему? “От ответа на этот вопрос зависит, насколько правомерно считать оппозиции фактором, формирующим топонимическую систему” (Глинских, 1987, с. 31).

В то же время топонимы могут перестраивать свои отношения и связи под влиянием топонимической системы, но “при исследовании этих отношений следует исходить из закономерностей топонимии и отделять особенное, вырабатываемое топонимической системой, от общего, принадлежащего языку” (Глинских, 1987, с. 43).

Здесь, очевидно, с исследователем также стоит согласиться, поскольку, действительно, собственно языковое следует отделять от топонимического. Излишне тщательный поиск “оппозиций” приводит в работах некоторых исследователей к тому, что пара составляется из случайных названий, никак не связанных. Например, комплексное изучение микросистем ставит под сомнение обязательное присутствие в топонимической системе оппозиций к следующим (*частотным*) компонентам:

Большой ключ, да потому что перейти его никак не могли – *большой* очень (Алт.):

Старая дубрава – не знаю почему, *всегда* стоит, сколько себя помню (Баев.);

Есть Долгое озеро – большое оно, километров пять – *долгое* (Павл.);

Новая старица – Новая, потому что *недавно* выкопали, так и назвали (Рубц.);

Мокрая грива Большая: *в нее сухой никогда не зайдешь, ни въедешь* (Ельц.);

Там был ключ Александра Ивановича, или *Большой* ключ, там *вода сильная* была (Тог.);

Широкое болото идет из логов к Тогулу, оно *широкое, скорое, лес мелкий* есть в нем (Тог.).

При этом мы, присоединяясь к Г.В. Глинских, не согласимся с И.А. Воробьевой в том, что “...парное противопоставление топонимов настолько закономерно, что наличие только одного из парных компонентов заставляет предполагать существование в настоящем или прошлом и другого противопоставленного члена, отсутствие которого можно объяснить или неполнотой собранного материала, или утратой одного из парных членов в связи с исчезновением географического объекта, большим территориальным контекстом, на котором производится противопоставление...” (Воробьева, 1976а, с. 8).

Исследователь прав в том, что “...топонимы, находящиеся в бинарной оппозиции, могут свидетельствовать о каких-либо характеристиках топонимической системы лишь тогда, когда *актуальность связей между ними осознается носителями языка как современная*” (выделено нами. – Л.Д.) (Глинских, 1987, с. 35).

Современной эта связь может быть признана не в том случае, если оба названия относятся к одной системе, как отмечает Г.В. Глинских (1987, с. 35), а при *комплексном изучении микросистем*. Если речь идет о “карте” – совокупности названий минимальной административной единицы, если же речь идет о микросистеме как совокупности названий одного села – тщательное разноаспектное исследование топонимической ситуации села.

Очевидно, ни у кого не возникает сомнений в противопоставлении типа:

*Есть озеро **Соленое** и **Горькое**, это по воде зовут, в них очень много соли (Баев.);*

*Две улицы **Верхняя** и **Нижняя** – вверху и внизу (Солт.);*

*Один елбан **Высокий** – с него хорошо видно, другой поменьше – **Низкий** – ничего не увидишь (Первом.).*

Необходимы некоторые *пояснительные контексты* (знание фона) для восприятия в качестве системных противопоставлений:

*Есть у нас **Чертово** озеро (или **Черное** его зовут), страшное по виду, вода в нем черного цвета и глубина чертова. Совсем отличается от него **Белое** озеро. Не то чтобы вода в нем белая, а светлее во много раз, оно тоже круглое, и там много рыбы, а в Чертовом ее совсем нет. На Белом озере и кувшинки растут, цветы такие, плавают (Тальм.);*

*Околки **Калиновка** и **Малиновка** – они напротив друг друга, калина – горькая, а малина – сладкая, как хочешь... (Баев.);*

Горькое озеро – горькая вода там, Мыльное озеро – вода как с мылом, руки в обычном озере не отмоешь, а там сразу же. Солевое озеро – соль там, не пищевая, и все три рядом, а среди озер есть острова (Бурл.);

Железный мост и Деревянный мост – в одно время построили – по этому ходят, а тут машины (Бурл.).

И только при полном исследовании топонимической ситуации микросистемы может быть установлена системность: *Китай-поле – Большое поле, там гектар сто пятьдесят земли, отдельно, лога и пересечено, и Тайвань называют, водой окружен, туда не проехать (Тог.);*

Желтое болото есть. Там всегда желтое под вид плесени, все желтое болото. Маленькое болото поменьше Желтого, вот и Маленькое (Тог.);

Сладкий ключ – очень хорошая, приятная вода. Дохлое озеро (периодически гибнет рыба ни с того, ни с сего) (Красноц.).

Воздействие микросистемы на топоним является очень сильным. Например, говорить о варьировании можно только в пределах одной микросистемы, точно так же говорить о бинарной оппозиции как компоненте топонимической системы можно тоже только в пределах одной микросистемы: причина появления оппозиций может быть иная.

Для определения *актуальности связей* должна быть учтена *топонимическая ситуация*, поскольку роль топонима более значима, нежели просто обозначение места в пространстве. Так выглядит ситуация номинирования в восприятии жителей:

Давали название – собрали сход. Хотели Рязановкой назвать, но Рязановка уже была. Понаехали с разных мест. Стали думать. Отец мой предложил – давайте Сосновкой назовем – никому не обидно. Так и назвали (Зм.);

Село Михайловка существует с 1918 г., до этого года эта земля была государственная, и ею распоряжались местные старшины. С 1918 г. с

европейской части России началось самовольное заселение. Окрестные старожилы не хотели отдавать свои земли, и населенный пункт первоначально назывался поселок Нахаловка. Жители Нахаловки подвергались нападению со стороны старожилков, особенно кулаков. В Михайлов день (церковный праздник) отряд Рогова помог выбить кулачье, и с тех пор этот день считается днем основания села Михайловка (Мих.);

Названо село потому, что кругом раньше не было зелени, а потом насадили сами, место это очень красивое, зеленое, поэтому мы сами и назвали Зеленой Дубравой, особенно красива она весной, когда листья на деревьях распускаются. Раньше все звали Свеклосовхоз, а потом, как насадили деревья – Зеленой Дубравой (Рубц.).

При обращении к языковому сознанию жителей, очевидно, *радиус “случайных” компонентов топонимической системы значительно сузится.* В этом смысле слишком категоричным представляется нам замечание исследователя: “Хотя соотношенность названий друг с другом за счет тех или иных связей между лежащими в их основе апеллятивами и может рассматриваться как системное начало, вносимое в топонимию, однако оно не охватывает, да и не может охватить сколько-нибудь значительного числа топонимов, как правило, обращено в прошлое и не позволяет ни выделить топонимическую систему в целом, ни описать какие-либо ее свойства” (Глинских, 1987, с. 34).

Ментальное бытие выступает демиургом в достаточно сложных топонимических ситуациях. То, что в топонимике как науке долгое время доминировали онтологические имманентоцентристские представления, для которых языковая личность не была обязательной, объясняет тот факт, что она присутствовала в ней в лучшем случае на фоне описаний топонимических систем. Появление антропоцентристских моделей ставит вопрос о их взаимодействии с моделями системоцентристскими. На наш

взгляд, во многом это взаимодействие организуется по принципу дополнительности (Голев, 1995; 1998).

Нельзя утверждать, что в работах структуралистского плана исследователи не обращались к сознанию жителей. Если посмотреть на нашу традиционную лингвистику, то там более чем достаточно “крупинок” ментального подхода к разным топонимическим явлениям и проблемам, фиксации отражения сознания. Например, известный всем топонимистам “принцип относительной негативности” В.А. Никонова иллюстрирует единство ментального и онтологического форм бытия топонимической системы. (Никонов, 1964). Этот перечень можно продолжать. Сюда же следует отнести представленный нами ранее и чрезвычайно актуальный для определенного периода развития топонимической науки подход к переименованиям и параллельным названиям.

В переименовании всегда следует учитывать роль языкового сознания. Часто замена названия идет с учетом мнения общества и фиксируется в документах: “25 ноября 1898 года. Общее Присутствие Губернского Управления, *рассмотрев ходатайство Чумышского волостного схода о переименовании Чумышского поселка в Добросельский и приняв во внимание, что в волости имеются уже четыре поселка с почти одинаковыми названиями, а именно Чумышский, Верх-Чумышский, Нижне-Чумышский и Чумышский вследствие чего происходят частые засылки бумаг и переписок в последние села,* постановило: Чумышский поселок переименовать в Добросельский” (выделено нами - Л.Д.)

Как известно, заменяются прежде всего те топонимы, которые в восприятии современного населения связываются с апеллятивами, имеющими устойчивую отрицательную коннотацию, которые не обладают достаточной ясностью на современном уровне и т.д. Например:

с Кособоковское — Пржнее название – с.Косодырово ... раньше звали Косодырово - некрасиво так, вот и переименовали ...;

пос. Майское утро — Первоначальное наименование – Лешаково – иначе Лешачья падь - леший жил, пока никто не переселился...;

с. Нижнепайва — Первоначальное наименование – Бздули (вариант – Бздулиха); Прже село называли Самодуровка (вариант – Дуровка) — что ли одни дураки здесь жили... и т.д.

Основными причинами переименований на Алтае в XX веке, как показывает представленный в Приложении 2 материал, являются:

- а) изменение социальных условий,
- б) замена иноязычных ойконимов,
- в) устранение одноименности,
- г) идеологические именованя,
- д) связь с именем конкретного человека,
- е) ликвидация неблагозвучных названий и названий, вызывающих отрицательные ассоциации.

Многие названия после переименования и “ухода” с официального уровня функционировали в сознании жителей параллельно с официальными названиями в течение нескольких десятилетий (некоторые функционируют и сейчас). Характерна следующая языковая ситуация: *“Село раньше называлось Собачьи ямки, а официальное — Гуселетово. — Куда поедешь на охоту? — В Собачьи ямки — Откуда? — Из Гуселетова. — А это где? — так это Собачьи ямки. — Знаем” (Ром.)* (см. подробно Приложение 3).

Следует отметить, что и та и другая проблема рассматривались ранее в топонимической литературе, неоднократно исследователи отмечали, в частности, что (типичные фразы) “в сознании и устном употреблении многие населенные пункты имеют по несколько названий”, “названия селения, отмеченные справочниками и картами, не так уж редко

сосуществуют со вторым, иногда третьим и четвертым, не попавшим в справочники” и т.д.

Однако акцента на системообразующем потенциале сознания никто не делал, и “крупинки” не выходили на уровень системообразующего принципа. Сочетание онтологического и ментального подходов как бы проецирует новую точку отсчета и Г.В. Глинских своей статьей как бы зондирует пути нового подхода исследования топонимической системы.

Завершая свои рассуждения, сделаем вывод, что возникающая противоречивость подходов исследователей объясняется тем, что бытие топосистемы двупланово. С нашей точки зрения, нельзя смешивать разные подходы, а именно они являются причиной многих теоретических нестыковок.

Таким образом, всегда ли указанные выше оппозиции можно безоглядно рассматривать как составляющие, формирующие топонимическую систему, не являются ли эти компоненты в некоторых случаях отражением или собственно языковых явлений, или обозначением особенностей географического положения – это один вопрос; второй – можно ли рассматривать бинарные оппозиции в качестве компонентов топосистемы без анализа их функционирования в микросистеме? Ответы на эти и другие вопросы можно дать только при переходе от онтологического аспекта проблемы к аспекту ментальному.

1.4. Взаимосвязь онтологического и ментального бытия топонимической системы

Онтологическое бытие системы неизбежно смыкается с ее ментальным существованием. В лингвистических трудах еще XIX в., в частности в работах В. фон Гумбольдта, мы находим определение связи

личности (человека и его мышления) с языком: “Сумма всех слов, язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека; изучение языка открывает для нас, помимо собственного его использования еще и аналогию между человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке” (Гумбольдт, 1984, с. 61). Однако более значимым для нас является фундаментальное положение В. Гумбольдта о том, что язык играет важнейшую роль в познании действительности, в формировании вполне определенной картины мира (Weltbild), которая создается под влиянием того или иного языка (хотя мы признаем не одностороннее влияние, а взаимодейстерионацию языка и сознания личности) как отражения определенного способа представления внеязыковой реальности.

Основанием тому могут служить и современные философские концепции. Так, например, М. Хайдеггер наряду с другими аспектами определения сущности самого бытия рассматривает следующие: 1) бытие означает *присутствие*, а “через настоящее в смысле присутствия бытие определяется однообразно как прибытие сути и позволение присутствовать, т.е. как *раскрытое*” (Хайдеггер, 1991, с. 89); 2) бытие есть *выразимое*, т.е. *мыслимое*; 3) бытие определяется через *присвоение* (курсив наш. – Л.Д.). Кроме того, М. Хайдеггер отчетливо определяет необходимость позиции воспринимающего субъекта при рассмотрении сущности бытия: “Сущее в целом берется так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его *человеком*” (Хайдеггер, 1991, с. 49). Иными словами, “бытие как полагание” определяется из отношения к эмпирическому применению рассудка, и точка опоры этого отношения – в мышлении, т.е. в *акте человеческого субъекта*. Таким образом, “внешнее существование” бытия (в данном случае бытия системы) фиксируется при

помощи его осмысления и присвоения субъектом, или “интерферентом” – в когнитивистской терминологической парадигме.

В свете изложенных положений можно констатировать, что топонимическая система как часть общей языковой системы существует в сознании носителей языка в виде организованного фрагмента языковой картины мира, и этим фактом мотивируется необходимость рассмотрения ее ментального бытия.

Еще один аспект связан с тем, что, существуя в практически действенной форме, номинация погружена в процессы коммуникации, что вызывает потребности в более широком привлечении к ее интерпретации тех прагматических показателей, которые определяют протекание номинативной деятельности в разных речевых режимах. Принцип исследования ономастических явлений в функциональной перспективе требует обращения к когнитивным структурам, внутренне организующим номинацию. Таким образом, становится необходимым изучение топонимической системы в когнитивно-прагматическом аспекте, который предполагает взгляд на топонимию с позиции человеческого сознания, учитывает связь речемыслительной активности с фондом языкового и неязыкового сознания, с прагматическими установками. Следовательно, проблемы, рассматриваемые в работе, уходят своими корнями в онтологию языка и непосредственно связаны с определением сущности языкового бытия и фундаментальных принципов построения языковой системы. Но языковые структуры, рассматриваемые в таком ракурсе, характеризуются своей обусловленностью, с одной стороны, формами и законами бытия универсума, с другой стороны, формами и законами их восприятия человеком; иными словами, фундаментальные единицы и категории языка представляют собой результат постижения интеллектом явлений реального мира и интерпретацию их языковым сознанием.

Одним из модусов языкового сознания является языковая картина мира – специфический результат познавательной и отражающей деятельности сознания в целом, концептуального мира человека, опосредованный знаниями языка, его единиц, правил и содержанием его форм. Языковая картина выступает, таким образом, как часть и глубинный пласт (если учесть степень влияния на становление концептуальной картины мира знаний, облеченных в языковую форму) концептуальной, включающей те ее компоненты, с которыми соотнесены языковые знаки. Поэтому языковая картина мира предстает как знание, зафиксированное в содержании языковых форм и конвенциональных способах их выражения, как своеобразная система членения мира и форма его категоризации. Языковая картина мира, будучи изоморфной миру и являясь продуктом вторичной моделирующей системы, *реализует свои представления о мире от средства языка.*

Деятельность по познанию действительности также связана с языковым сознанием, поскольку окружающая действительность отражается в нем через ментальные концепты и понятийные вербализованные конструкты. Поэтому познание сопровождается двумя факторами, связанными с языком, – *категоризацией* и *ассоциированием*. Будучи по существу явлением логического и психологического порядка, категоризация определяет включение фиксируемой понятием реалии в систему языка, а ассоциирование – его закрепление в ней. Категоризация, обеспечивая классификацию понятий, дает нам классификацию картины мира. Это делает язык инструментом познания и средством коммуникации. Установление посредством ассоциирования связи понятий открывает возможности для фиксации старыми языковыми средствами нового идеального содержания. Следует акцентировать и тот момент, что внутренняя связь элементов системы обеспечивается не только

парадигматическими и синтагматическими отношениями, но и так называемым единством личности.

Для моделирования организации топонимических систем эффективным является обращение к сознанию человека, в котором объединяются как языковые, так и адаптационно-деятельностные модели и происходит связь лингвистических и экстралингвистических факторов (таких как геоморфологические условия жизни человека, профессия, пол, образование, возраст, культурный уровень общества носителей топонимикона). А значит, исследование топонимических систем переходит от совокупности названий определенной территории к пересечению индивидуальных представлений людей об окружающей местности. В топонимической системе все представлено уже в “переработанном” виде, именно сознание является систематизирующим фактором (вся гамма топонимических проблем идет через сознание: варианты, параллельные имена, переименования и т.д.).

На сложность перехода от собственно языкового (онтологического) уровня к мировоззренческому (ментальному) при анализе топонимических фактов, на неотработанность этой процедуры указывает Е.Л. Березович: “Такой переход для лингвиста представляет собой почти в буквальном смысле выход в открытый космос, поскольку заранее неизвестны ни инвентарь и структура единиц “космического” мировоззренческого уровня, ни способы их сцепления с языковыми единицами. Эта неизвестность создает необычайно широкое для лингвистического исследования интерпретационное поле. Требуемая в данном случае концептуальная интерпретация предполагает преодоление расстояния от характеристики объекта действительности, запечатлеваемой языковыми единицами, до характеристики установок, интенций субъекта – носителя языка, обусловивших именно такое восприятие объекта” (Березович, 1998, с. 43).

Присоединяясь к сомнениям и поискам Е.Л. Березович, отметим, что мировоззренческий аспект предполагает разные модели подхода к материалу. Повторим еще раз, что *наше представление о когнитивной топонимике основано на том, что она выполняет прежде всего номинативную функцию* и на данном этапе (который является начальным) мы рассматриваем только поверхностное проявление когнитивных структур, находящихся при первом срезе данного исследования свое *формально зафиксированное* выражение.

В силу сказанного многие традиционные понятия в преломлении через языковое сознание приобретают иной ракурс и иные свойства, прежде всего это: топонимическое значение, внутренняя форма, принципы номинации и т.д. В частности, онтологически внутренняя форма выявляется через связь с другими словами, когнитивный же аспект предполагает изучение того, как она реально существует и функционирует в сознании, отражая системные связи в языковой онтологии и формируя их одновременно. В рамках этого подхода внутренняя форма в синхронии “как важнейший узел системных связей в языке” (Мигирова, 1977) создает несущий конструкт языкового сознания личности. Иначе рассматриваются принципы номинации: появляется настоятельная необходимость разграничить номинацию и восприятие, а следовательно, номинативный и ментально-топонимический стереотип. Когнитивная деятельность, связанная с восприятием и «переживанием» имени, во многом детерминирует номинативную деятельность, как в ее первичном варианте – создании нового имени, так и во вторичном – повторном употреблении готовых имен. Прежде всего это связано с тем, что номинация осуществляется не произвольно, а в соответствии с определенными стереотипами, вырабатываемыми в процессе восприятия, семантизации и интерпретации имени на фоне рядов имен. Стереотипы – ментальные основания аналогии, следствием

которой является структурная близость элементов топонимических систем и подсистем. Они являются ономаσιологическими категориями, своеобразными речемыслеительными паттернами, сквозь призму которых именуемый видит именуемое содержание и в соответствии с которым его членит, выделяя мотивировочный и структурный базис создаваемого имени.

(см. об этом глава 3).

В таком же ракурсе меняется и подход к топонимическим системам.

Таким образом, независимо от типа культуры и языка, общими параметрами бытия топонимической системы является то, что система отражается в сознании, целостность и единство ее обеспечиваются в конечном счете единством стоящего за ней сознания.

Проблемы, затронутые в 1-й главе нашей работы, касаются онтологии языка и непосредственно связаны с определением сущности языкового бытия и принципов построения языковой системы. Языковые структуры, рассматриваемые в таком ракурсе, характеризуются своей обусловленностью, с одной стороны, формами и законами бытия универсума, с другой – формами и законами их восприятия человеком; иными словами, фундаментальные единицы и категории языка представляют собой результат постижения интеллектом явлений реального мира и их интерпретацию языковым сознанием.

Развитие науки требует новых подходов, дополнений к уже существующим определениям, в многочисленных статьях последних лет активно используются термины “онимическое пространство”, “ономастическое пространство”, “топонимическая микросистема”, “топонимическая ситуация”. Следует полностью согласиться с теми исследователями, которые считают, что нельзя рассматривать формирование и функционирование региональной топонимической

системы без исследования всего ономастического пространства той или иной территории. В этом плане целесообразным представляется изучение конкретных топонимических (ономастических) микросистем и изучение топонимической ситуации конкретных сел. Актуализация антропоцентрического подхода в языковых исследованиях требует уточнения понятий “топонимическая картина мира”, “микросистема”, “индивидуальная топонимическая система” и т.д.

ГЛАВА 2

МЕНТАЛЬНОЕ БЫТИЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

2.1. Топонимическая система в современной лингвистической парадигме

В конце XX столетия чрезвычайно возрос интерес к изучению глобальных систем различного типа: биологических, социальных, физических, систем знаний и т.д. Обобщение результатов таких исследований позволяет по-новому взглянуть на многие вопросы формирования и функционирования этих систем, в том числе и языковых. Синтезирующая, системная тенденция является ведущей чертой становления современной науки о языке (как и современной науки в целом). В различных участках этой науки накапливаются элементы того знания, которое позволяет взглянуть на язык как целое в пределах другого, более обширного целого, вскрыть реальные системные механизмы его полного бытия-становления. “Подход к познанию языка как целостности позволяет углубить видение и частных проблем устройства языка на каждом отдельном уровне и участке его организации” (Поликарпов, 1998, с.12). Современная лингвистика при изучении языковых систем не может

ограничиваться рамками собственно языкового подхода. Поворот от анализа языковой системы как имманентной сущности к человеку говорящему, человеку творящему обусловлен не вызывающим в настоящее время сомнений положением, что “отправной точкой теоретической и практической деятельности человека является антропоцентризм” (Колшанский, 1990, с. 18).

Актуализация антропоориентированных исследований в современной лингвистике дает возможность обратиться к изучению языковой личности, языковой картины мира и языковой системы в их взаимосвязи. В настоящее время можно выделить несколько общих положений, которыми характеризуется лингвистическая теория в связи с ее ориентацией на когнитивные установки. Прежде всего это вопрос об отношении новой научной парадигмы к основным идеям, сформулированным в рамках структурной лингвистики.

Проблема системности, столь характерная для структурной теории, и сегодня сохраняет свое значение, равно как и многие понятия, например, парадигматические и синтагматические отношения, конкретизирующие идею системности языка в различных областях языкового знания. “Едва ли будет преувеличением, если мы скажем, что наиболее важным показателем зрелости науки является состояние ее систематической теории, которая состоит из определенного вида обобщенной концептуальной схемы, практически используемой в той или иной области, а также включает различные виды и степени логической интеграции составляющих ее элементов, и способы, посредством которых эта система действительно может применяться в эмпирическом исследовании” (Парсонс, 2000, с. 381). Основная проблема лингвистического описания – “обнаружить принципиальную модель (pattern) языка, его структурную схему, представляющую разнородные языковые факты как системные” (Успенский, 1996в, с. 58–59).

С общелингвистических позиций основанием для постановки и концептуальной разработки проблемы выступил всеми признаваемый факт, что ни одна система не может быть воспринята как простая сумма элементов, ибо функционирование топонимической системы есть жизненный процесс, в котором происходит “приращение смыслов”, однако механизмы, формы и характеристики этих приращений остаются до сих пор малоизученными. Вместе с тем антропоцентрический подход не может быть, с нашей точки зрения, абсолютизирован, при всей его современности он находится на “стадии дополнительности”. В этом смысле мы солидарны с Н.Д. Голевым, с его мыслью о диалектическом взаимодействии двух подходов: “Но как бы ни были сильны тенденции к сближению данных сущностей в онтологии языка (и в антропологических моделях, их близость отражающих), они с необходимостью реализуются только в противо- и взаимодействии с тенденциями противоположной направленности, фиксируемыми в собственно лингвистической модели языка, в которой субъект активности – сам язык как самодетерминируемая и самоорганизующаяся материя” (Голев, 1995, с. 7). Мы уже отмечали выше, что предлагаемое исследование представляет собой попытку интегративного описания топонимической системы: “Однако значительное проникновение когнитивных представлений и критериев в арсенал лингвистических штудий и объективные свойства лексической семантики, отделить которую от внешнего мира и познавательной деятельности человека невозможно, позволяют осуществить комплексный подход к задачам структурного и когнитивного изучения лексики, представленной лексико-семантическими объединениями различного типа” (Супрун, 2000, с. 4)

Топонимическая система, если следовать системоцентрическому подходу, должна быть *организованной* системой, а не просто случайным набором компонентов. Если в начале 60-х гг. можно было сказать о

системности, что она “постепенно вытесняет старый атомизм”, то антропоцентрический подход предполагает свою логику в последовательности рассмотрения типов высказываний, и сейчас, поскольку в центре лингвистики находится человек говорящий, система и структура тоже приобретают человеческий облик. При этом ученые отмечают, что все, что антропоцентрично, гораздо сложнее, чем система.

Топонимическая система как единство предполагает наличие определенной структуры, внутренней иерархической упорядоченности всех содержащихся в ней подструктур. В исследованиях в рамках системного подхода, как мы отмечали выше, принято разграничивать как бы два уровня структурированности: с одной стороны, внешнюю структуру, понимаемую как некоторую связную последовательность топонимов, способную выступать в качестве организованного единства парадигматики и синтагматики, с другой стороны, “глубинную” структуру, понимаемую как структура ментального бытия. Однако внешняя и внутренняя структура суть единое явление, поскольку *развитие онтологической сущности топонимической системы*, как уже отмечалось выше, *осуществляется через ее отражение в сознании*, поскольку всякая языковая система существует прежде всего в сознании конкретного человека. В ситуации мировосприятия пространства – это единая сущность. Все системные изменения и блокировки происходят не сами по себе, а прежде всего в мирознании, т.е. наличие ментального компонента при анализе несущих структур системы обязательно.

Анализ языкового сознания жителей показывает, сколь разнообразны ассоциативные связи, реальные системные связи в сознании, они гораздо богаче (в сознании, например, всегда существует противоположный компонент бинарной оппозиции – пример тому “системные легенды”); модель антропоцентричности присутствует в сознании всех жителей региона, антропонимность в сознании – связь с человеком,

антрополокальное единство – главное, что способствует формированию топонимической картины мира и далее репрезентации языкового сознания в системе и т.д.).

Всякая топонимическая система существует прежде всего в сознании *конкретного* человека, но сознание человека не может зафиксировать все ономастические пространства данного языка, оно отражает лишь отдельные в пространственно-количественном отношении фрагменты. Данные совокупности топонимов, отраженные в сознании носителей языка, представляют собой топонимикон языковой личности (отсюда вопрос об индивидуальных системах), ибо топонимическая система каждого человека – это его “жизненный” мир.

Региональная топонимическая система в этом аспекте, являясь *подсистемой в рамках общезыковой системы, с одной стороны, компонент более объемной топонимической системы, с другой стороны, может быть рассмотрена в ракурсе фрагментов и уровней языковой картины мира, которая формируется из множества взаимосвязанных компонентов.*

Полное понимание сущности топонимической системы предполагает продуцирование множества соответствующих определений – как содержательных, так и формальных, синтезирующих два подхода. При этом следует отметить, что изучение ментальной сущности топонимической системы только начинается, и перед исследователями стоят задачи выявления основных параметров, структурирующих систему на этом уровне. Как известно, система – это не только умение выделить стереотипы, но и связать их. Норма, выражающая равновесие системы, – гармония. “Вера... в гармонию отвечает глубочайшей потребности нашего бытия – потребности в равновесии и синтезе” (Балли, 1955, с. 28). Что же создает гармонию элементов системы? “Целое называется механическим, если отдельные элементы его соединены только в пространстве и во

времени внешней связью, а не проникнуты внутренним единством. Части такого целого хотя и лежат рядом и соприкасаются друг с другом, но в себе они чужды друг другу” (Бахтин, 1986, с. 7). Признавая единство территории и языковое единство как несущие признаки топонимической системы, а парадигматические и синтагматические отношения как связующие параметры онтологического существования топонимической системы, следует определиться с тем, что в ментальном плане она представляет собой определенный *набор стандартизированных миропредставлений, обусловленных внутренними особенностями восприятия окружающего географического пространства*. Реальное содержание понятия топонимической системы, таким образом, фиксируется в соединении таких составляющих компонентов, как *пространство, топонимическая картина мира, стереотип, ценностная гамма*.

В этих параллельных, на первый взгляд, реальностях содержатся различные способы (виды) получения (разной) информации. В точке синхронистичности бытия, когда наступает период конъюнкции, появляется тот устойчивый фрагмент представленности знаний, который мы называем ментально-топонимическим стереотипом (термин Н.Д. Голева).

Согласно данному представлению топонимическую систему можно было бы представить в виде иерархии уровней познания объекта, соответствующих его основным этапам исследования географического объекта субъектом, связанных между собой отношением *логического следования*.

Самый нижний уровень в этой иерархии – это уровень информации о топообъекте как *пространственном предмете*, о его внешних проявлениях, доступных познающему (субъекту) при непосредственном

его восприятию, языковое отображение которого осуществляется на основе языковых формальных средств.

Следующий срез – это уровень информации о *значимости и ценности* данного объекта, о его месте, которое он занимает в деятельности человека с точки зрения аксиологических характеристик.

Третьим уровнем является осмысление в *аспекте комплексной событийности* различных фактов, наличие которых актуализирует пространственно-временные координаты так, как если бы субъект воспринимал объект на некотором расстоянии, позволяющем видеть объект в его целостности, нерасчлененности.

Последним и самым высоким в структуре познания является уровень “умопостижения” и “умосозерцания” объекта – уровень абстрактного мышления, которому соответствует уровень, содержащий информацию об объекте как “идее”, о его значимости в ряду духовных, этических и эстетических ценностей и месте в топонимической картине мира.

Эта модель гармонична, потому что восприятие пространства у каждого человека индивидуально, но у каждого гармонично, ибо существует своя гармония, без которой человек теряется в мире, связка – стремление к гармонии окружающего мира, к установке на логичность этого мира.

Топонимическая система в свете выше сказанного – ***совокупность представлений носителей языка*** (жителей данного региона) ***об окружающем географическом пространстве, представленная в виде сети (комплекса) ментально-топонимических стереотипов и индивидуальных пересекающихся субансамблей*** (отражающих топонимическую картину мира личности) ***и выраженная материально определенными структурно-словообразовательными либо семантическими моделями*** (связанная парадигматическими и синтагматическими отношениями).

В соответствии с современной антропоцентрической научной парадигмой, а также с учетом того факта, что развитие онтологической сущности топонимической системы осуществляется через ее отражение в сознании, становится необходимым рассмотрение топонимии с позиций отражения сознания, в аспекте репрезентации топонимической системой ментальных структур носителя языка, топонимической личности.

2.2. Топонимическая картина мира как совокупность представлений о геопространственной реальности

В науке признано, что познавательное отношение человека к миру возникает с появлением психической деятельности мозга как органа, служащего для осуществления взаимоотношений организма с окружающим миром. Взаимодействие индивида с миром образует онтологическую предпосылку возникновения познавательного отношения индивида к миру. За потребностью человека в репрезентации окружающего его мира стоит стремление свести его бесконечную сложность к достаточному обобщению. Такое обобщение отражает известную тенденцию сведения гетерогенного разнообразия мира к системе, доступной для понимания. Иными словами, для человека *реальность оказывается опосредованной его собственными конструктами.*

В известном смысле как общественный исторический процесс познание человека связано с появлением языка. По словам С.Л. Рубинштейна, возникновение слова “дает возможность фиксировать результаты познания и создает преимущество в познании, которое не сводится лишь к повторяющимся и по существу изолированным актам; появляется исторический *процесс* познания... отражение мира как объективной реальности” (Рубинштейн, 1957, с. 31). Полученные результаты познания, следовательно, фиксируются в языке, точнее, в

языковом сознании человека. Последнее мы понимаем как исторически сложившийся и обусловленный коллективным духовным опытом идеальный субстрат и механизм языкового видения, освоения и интерпретации мира. Языковое сознание можно представить в виде системы идеальных структур (языковых концептов), обладающих способностью моделировать речемыслительную деятельность.

Одним из модусов языкового сознания, своеобразным “суб-образом мира” является языковая картина мира – специфический результат познавательной и отражающей деятельности сознания в целом, концептуального мира человека, опосредованный знаниями языка, его единиц, правил и содержанием его форм.

Каждый человек как языковая личность располагает концептуальной и языковой картинами мира, которые представляют глобальную, непрерывно конструируемую систему информации об универсуме. Концептуальная и языковая картины мира каждого человека неоднородны: они включают в себя *универсальные* элементы, не зависящие от лингвокультурного мировоззрения личности, а также информацию, обусловленную образованием человека, его социальной средой, т.е. связанное с фоновыми знаниями, вертикальным контекстом, культурными традициями той или иной языковой личности. Мир человека, однако, не совпадает с миром объективным. Человек не имеет дела непосредственно с объективной действительностью. В процессе жизни он строит свой собственный внутренний мир, создает некую репрезентацию реального мира, картину или модель, которой пользуется как инструментом для ориентации в окружающем мире.

Под термином *картина мира* будем понимать глобальный, целостный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, возникающий в сознании в процессе репрезентации окружающей действительности, выраженный и эксплицированный

посредством языка. Таким образом, *создается определенная когнитивная картина мира как результат взаимодействия познающего субъекта со средой*, как результат познавательной активности человека по освоению “мира вещей”, объектов, которая, как и вся человеческая деятельность, по определению М. Хайдеггера, “...стоит под знаком Слова: даже если слово не произносится человеком вслух, даже если оно не произносится им и про себя, деятельность нацелена на него и совершается в мире осмысляемом и именуемом” (Хайдеггер, 1993, с. 49). Следовательно, в ходе освоения действительности человек воссоздает и создает ее в виде языковой реальности, представленной в словах, высказываниях, текстах, которые, в сущности, и являются *жизненным пространством* человека.

Соотношение человека и мира рассматривается в начале XXI в. в новом ракурсе. Ранее не возникал вопрос о том, как человеку дается мир, каким образом и какими средствами осуществляется познание, каким образом человек воспринимает окружающую действительность. Таким образом, место картины мира представляется нам промежуточным, связывающим язык, сознание и окружающую действительность в структуре мировидения человека. Картина мира всегда является не зеркальным отражением мира, а некоторой интерпретацией, включающей целостно ориентированное знание о мире, систему ценностных представлений человека.

Мир “явлен” нам в сознании через призму определенной картины мира. И в этом смысле картина мира является частью человеческого мировоззрения или миропонимания. Мировоззрение – это концептуально выраженная система взглядов человека на мир, на себя и на свое место в мире, оно предполагает “образ мира как целого”, что достигается при возможности возвышения над обыденностью повседневного существования и при выходе в сферу всеобщности. Мировоззрение означает выработку определенной жизненной позиции человека –

результата жизненного и духовного опыта человека, его проживания и переживания. В свою очередь мировоззрение как высший уровень самосознания индивида включается в его картину мира.

Как мы отметили выше, мы придерживаемся точки зрения, что картина мира – это образ, который возникает при репрезентации сознанием окружающей действительности. В структуре концептуальной картины мира языковой картине мира придается особое значение, так как она средствами языка означает и эксплицирует концептуальную картину мира. Итак, картина мира является связующим звеном между сознанием (как идеальной структурой) и языком (как средством объективации индивидуального сознания), которая и обеспечивает неразрывную взаимосвязь языка и сознания.

М. Хайдеггер подчеркивает, что мировоззренческая позиция означает в первую очередь жизненную позицию. Он рассматривает вопрос, что такое картина мира, и приходит к выводу, что это есть некое изображение мира, причем “мир выступает здесь как обозначение сущего в целом. Это имя не ограничено космосом, природой, к миру относится и история, но все они не исчерпывают мира. Под этим словом подразумевается и основа мира, независимо от того, как мыслится ее отношение к миру... Мы подразумеваем тут сам мир, его сущее в целом, как оно является определяющим, обязывающим для нас” (Хайдеггер, 1993, с. 50). Таким образом, по Хайдеггеру, картина мира является изображением сущего в целом, человек же становится репрезентантом сущего в смысле предметного, и его позиция определяется как мировоззрение. Человеческое сознание в данной структуре является со-представленностью предметной сферы вместе с представляющим человеком в круге им же обеспечиваемого представления. Все присутствующее получает от сознания смысл и образ своего присутствия, а именно презентности внутри *re-praesentatio*.

Особое значение в мировоззренческой структуре человека отводится *языковой картине мира* как средству экспликации концептуальной картины мира и означивания ее основных компонентов. Языковая картина мира формируется в недрах языка и посредством его. Язык уже в своей структуре содержит элементы, глубоко специфичные для мировидения народа. Способность сознания к репрезентации детерминирует определенный способ конструирования мира человеком, таким образом, картина мира является связующим звеном между языком и сознанием, она возникает у индивидов в процессе репрезентации окружающей действительности (при помощи самосознания и рефлексии) и с помощью языка выражает специфику человека (народа), его бытия (сущности), его взаимоотношения с миром.

Язык, являясь знаковой системой, с помощью которой осуществляется человеческое общение на различных уровнях, включая мышление, хранение и передачу информации (РЧФЯ, 1988, с. 18), является хранилищем информации о мире, представления о нем и его восприятия. Любой язык “аккумулирует” опыт народной жизни и является его “действительным сознанием”. Каждый индивид, осваивая язык, через него приобщается к коллективному знанию об окружающей действительности, социальным ценностям. Картина мира является связующим звеном между языком и сознанием, она возникает у индивида в процессе репрезентации им окружающей действительности и благодаря языку выражает специфику человека и его бытия, его взаимоотношения с миром. Языковая картина мира формируется в недрах языка, сам же язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через специальную лексику входят в язык, принося в него черты человека, его культуры.

Существующие в современной науке различные толкования термина “языковая картина мира” можно свести к трем вариантам.

Согласно первой позиции это есть картина мира, выраженная с помощью языка; язык выступает здесь лишь внешним средством представления мысли, способом передачи информации и опыта, т.е. как номиналистический вариант. Согласно второй позиции язык трактуется как самостоятельный образ мира. Этот вариант может быть охарактеризован с позиции номинализм/реализм как философский реализм. Согласно третьей позиции языковая картина мира есть часть концептуальной картины мира. В этом понимании концептуальная картина мира разнообразней, богаче языковой. Языковая картина мира является только частью общей картины мира, ее глубинным пластом и ее вершиной. Иначе, языковая картина мира понимается как подсистема концептуальной картины мира, включающая и те ее компоненты, с которыми соотнесены языковые знаки.

Мы присоединяемся к исследователям, рассматривающим языковую картину мира как “часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломлена через языковые формы” (Кубрякова, 1986, с. 142). Иначе говоря, языковая картина мира понимается как подсистема концептуальной картины мира, включающая те ее компоненты, с которыми соотнесены языковые знаки. языковая картина мира является частью концептуальной картины мира, не совпадая с ней полностью. Она формируется в процессе освоения субъектом мира, и в ней находят отражение особенности национальной духовной деятельности народа, т.е. в языковой форме она содержит специфическое для данного этноса знание и является одной из форм хранения знаний вообще. Концептуальная и языковая картины мира взаимовлияют друг на друга, и выяснение содержательных особенностей языка возможно лишь с учетом взаимоотношения факторов человека и действительности.

В.Ф. Гумбольдт подчеркивал, что язык – это не столько продукт деятельности, нечто созданное, сколько деятельность, т.е. непрестанно

совершающийся процесс порождения смысла, продукт “языкового сознания нации”. В самой структуре языка (его внутренней форме) воплощено определенное воззрение на мир (“мировидение”) того или иного народа (Гумбольдт, 1984, с. 187).

Понятие *языковая картина мира* позволяет глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового “отображения” деятельности как сложного процесса интерпретации человеком мира.

Языковая картина мира выполняет две функции:

- 1) означивание основных компонентов концептуальной картины мира;
- 2) экспликация средствами языка концептуальной картины мира.

Концептуальная картина мира невозможна без языковой картины мира, они оказываются неразрывно связаны между собой, причем языковая картина влияет на концептуальную картину мира, так как в языковой картине мира, как и в языке, содержатся основные компоненты, из которых складывается специфика народной культуры, картина мира определенного народа, его “дух”, что определяет самобытность каждой культуры. Языковая картина мира предстает как знание, эксплицированное в содержании языковых форм и конвенциональных способах их выражения, как своеобразная система членения мира и форма его категоризации.

Таким образом, обобщая сказанное, отметим, что языковая картина, как указывалось выше, – специфический результат познавательной и отражающей деятельности сознания в целом, концептуального мира человека, опосредованный знаниями языка, его единиц, правил и содержанием его форм, выступает как часть и глубинный пласт (если учесть степень влияния на становление концептуальной картины мира знаний, облеченных в языковую форму) концептуальной, включающей те ее компоненты, с которыми соотнесены языковые знаки. Поэтому

языковая картина мира предстает как знание, зафиксированное в содержании языковых форм и конвенциональных способах их выражения, как своеобразная система членения мира и форма его категоризации.

Деятельность по познанию действительности также связана с языковым сознанием, поскольку окружающая действительность отражается в нем через ментальные концепты и понятийные вербализованные конструкты. Поэтому познание сопровождается двумя факторами, связанными с языком, – категоризацией и ассоциированием. Будучи по существу явлением логического и психологического порядка, категоризация определяет включение фиксируемой понятием реалии в систему языка, а ассоциирование – его закрепление в ней. Категоризация, обеспечивая классификацию понятий, дает нам классификацию картины мира. Это делает язык инструментом познания и средством коммуникации. Установление посредством ассоциирования связи понятий открывает возможности для фиксации старыми языковыми средствами нового идеального содержания.

При рассмотрении ментального бытия топонимической системы представляется целесообразным введение понятия *топонимическая картина мира*. Являясь частью языковой картины мира, топонимическая картина мира манифестирует существование на определенной территории определенной совокупности географических названий, сформировавшихся в региональной языковой среде и, следовательно, отражающей особенности языка, языковой региональной системы; с другой стороны – зафиксировавшей все объективные и субъективные элементы системы, спроецированные языковым сознанием (коллективным и индивидуальным).

Современные исследования топонимической картины мира представлены в работах М.В. Голомидовой (*ландшафтная (топографическая) картина мира*) (Голомидова, 1998 с. 141), Е.Л.

Березович (*топонимическая версия картины мира*) (Березович, 1997, с. 90), Л.М. Дмитриевой (*топонимическая картина мира*). Будучи связана с пространственным концептом, топонимическая картина мира имеет территориальный характер, региональные особенности, которые принято рассматривать в качестве регионального менталитета, т.е. биологически, исторически и социально обусловленной системы стереотипов, функционирующей в данном регионе.

Обладая специфическими особенностями и в то же время основываясь на общепринятых представлениях, воззрениях на действительность, топонимическая картина мира включается в общую картину мира как ее неотъемлемая часть. Топонимическая картина мира, отражая определенное, индивидуальное видение мира, представляет *модель реальной действительности*, которая имеет временные и пространственные характеристики.

“В процессе языкового означивания ландшафтного пространства смыкаются концептуальная картина мира и языковая, поэтому теоретическое решение проблемы языковой интерпретации ландшафтных представлений связано с обсуждением двух проблем: как воздействуют на языковое отображение 1) снятые образы ландшафтной реальности и концепты, представляющие ее в общей картине мира; 2) сама система языка”, – отмечает М.В. Голомидова (Голомидова, 1998, с. 141).

Формирование топонимической картины мира как системы миропредставлений определяется совокупностью факторов, традиционно классифицируемых в качестве экстралингвистических и интралингвистических. При этом внешне обусловленная представленность некоторых жизненных факторов (например, условия жизни человека – экономические, политические, социальные) часто является приоритетной. Несомненна актуальность таких компонентов, как возраст человека, профессия, образование и т.д.

Особенности топонимических картин мира, как уже отмечалось, могут возникать из-за различия в эмпирической объективной действительности – рельефе местности, растительного и животного мира, особенностей климата, характера трудовой деятельности, поскольку важную роль в образовании лингвистически выраженных привычных пространственных представлений, составляющих основу языковой модели мира, играют абсолютизированные и символизированные природные универсалии.

Например, отчетливо отражение элементов объективных реалий представлено в описаниях переселенческих участков:

“участок Степной – Местность *ровная, степная, безлесная...* Растительный покров обычный степной... Усадьбы в участках разбиты на ровных местах” (А);

“участок Горелый - местность, на которой расположена заимка Алексеевка, представляет из себя *бывшие гари*, местами заросшие мелким осинником и березником и кое-где покрытые редким осиновым, березовым и пихтовым лесом” (А);

“участок Кочковатый - ...землепользование их сосредоточено, главным образом, на *кочковатых лугах*, с более или менее значительными болотами (сограми)” (А);

“участок Щебнюха – около 2/3 площади участка представляют *каменистые горы* с крутыми и пологими склонами, галькой и *щебнем*, иногда непригодные даже под выгон...” (А);

“участок Кочки – на участке имеется около 400 десятин совершенно *неудобных каменистых и кочковатых* мест и около 780 десятин каменистого выгона...” (А);

“в топографическом отношении три участка несколько разнятся друг от друга, так, участок Клин имеет почти *горизонтальную поверхность*, слегка приподнятую на север, где участки прорезывают два незначительных оврага” (А).

Но среди прочих факторов формирование топонимической картины мира определяется такими параметрами, как ценностная ориентация (интенциональность поведения человека), поскольку среди категорий, характеризующих познавательную деятельность человека, необходимо отметить пространственное ориентирование познавательных актов относительно субъекта – человека. А в парадигме отношений “человек – система” первичными являются отношения с окружающей средой. Ср. у Г.В. Колшанского: “Человек как субъект соотносится прежде всего с окружающим миром, затем с окружающим социальным миром, затем с каждым индивидуумом и, наконец, с самим собой” (Колшанский, 1990, с. 40). Топонимическая картина мира включает ценностно ориентированное знание о мире, систему ценностных представлений человека, которые особенно в начальный период формирования системы должны быть представлена очень отчетливо.

Структуризация познания окружающей действительности начинается с моделирования в топонимической картине мира этой действительности. Топонимическая картина мира и топонимическая система представляют разные формы бытия: топонимическая картина мира – ментальное, топонимическая система – онтологическое. Таким образом, *топонимическая картина мира – это топонимическая система в ее ментальном бытии.*

Формирование топонимической системы не может быть представлено как простое механическое соединение различных названий (пусть даже под влиянием собственно системных факторов). Прежде чем топонимы одной территории начинают взаимодействовать друг с другом, эта система должна пройти начальный период своего развития – этап становления, когда и формируется топонимическая картина мира. В парадигме отношений топонимическая картина мира – топонимическая система первична

топонимическая картина мира как *совокупность миропредставлений о пространстве*.

Пространственная реальность, представленная в языковом сознании и оформленная как концепт “место” (во всех модификациях пространственной ориентации), может быть интерпретирована как топонимическая картина мира. Основными компонентами топонимической картины мира (при разном терминологическом оформлении) являются “пространство” – “место” (где, куда и др.).

Будучи связана с пространственным концептом, топонимическая картина мира имеет *территориальный* характер, *региональные* особенности, которые принято рассматривать в качестве регионального менталитета, т.е. биологически, исторически и социально обусловленной системы стереотипов, функционирующей в данном регионе. Здесь необходимо учесть следующее.

При номинации объекта и воспроизведении уже готового географического названия выбор того или иного имени определяется контекстом (в широком смысле), т.е. определенными *знаниями* контекста как релевантных условий адекватного употребления лингвистического знака. Следовательно, у носителей топонимической системы данного региона должно быть *общее прагматическое и когнитивное пространство*, которое создается общей *концептуальной картиной мира*. Современные исследователи выделяют три уровня прагматического контекста: 1) общекультурная картина мира (знания об окружающем мире, включая общество и культуру); 2) дейктический контекст (контекст ситуации); 3) дискурсивный контекст (общий предшествующий текст) (Givón, 1996). При этом первый уровень – культурная картина мира с соответствиями в концептуальной картине мира – играет самую важную роль. Поэтому изучение региональной специфики языка – это не только изучение формы. Это, по словам В. Гумбольдта, возможность “установить

путь, которым идет к выражению мысли язык, а с ним и народ, говорящий на этом языке” (Гумбольдт, 1984, с. 73).

Таким образом, мы приходим к необходимости изучения регионального топонимического пространства с точки зрения отражения в нем особенностей личности носителя языка. Однако прежде чем приступить к представлению топонимии в этом аспекте, необходимо рассмотреть концепт “пространство” как доминирующий и основополагающий в топонимической картине мира как фрагменте сознания топонимической личности, его ментальную репрезентацию и языковое воплощение.

2.3. Пространство в топонимической картине мира

Вопросы изучения взаимосвязи языка и сознания его носителя занимают ведущее место в ряду актуальных проблем современного языкознания. Широко распространенными стали и исследования проблем восприятия географического пространства и пространственных отношений, однако на топонимическом материале эти вопросы рассматриваются чрезвычайно редко.

Наиболее значимое место в топонимической картине мира занимает категория *пространства*, поскольку эта категория является “базовой, фундаментальной в отношениях человека и реальной действительности”. Пространственный концепт как категорию выделяют Г.В. Колшанский (1990), Е.С. Яковлева (1994), В.Н. Топоров (1983; 1988), М.В. Голомидова (1998), Е.Л. Березович (1998).

Концепт “пространство” является доминирующим и основополагающим в топонимической картине мира как фрагменте сознания топонимической личности, это его ментальная репрезентация и языковое воплощение. Наиболее фундаментальными отношениями, с

которыми в первую очередь сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность, являются пространственные отношения, составляющие базовую, ядерную часть не только топонимической картины мира, но и концептуальной системы личности в целом. “Пространственно-временное ориентирование человека есть практически физический закон существования любого объекта и, естественно, что речевая деятельность человека должна выражать во всех видах коммуникации временное и пространственное существование предметов и фактов” (Колшанский, 1990, с. 90).

Термин *пространство* фиксируется во всех документах, связанных с освоением новых земель: *колониционное пространство, переселенческое пространство, жизненное пространство, свободное пространство*, позже этот термин был заменен на “территория”:

“*Колониционное пространство* на правом берегу Оби прорезывается Барнаульским трактом” (А);

“от новых расчисток лесов, от заселения пустолежащих *пространств* и от лучшего учета земель” (А);

“Кроме свободных, не эксплуатировавшихся *пространств*, под переселение были переданы почти все лучшие арендные земли” (А):

“На всем *пространстве* наблюдаются березовые насаждения со значительной примесью осины, разбросанные на участках небольшими куртинами. Преобладают березы в возрасте 15–40 лет”(А);

“Пустолежащее место, находящееся за гранями д. Мельниковой, Касмалинской волости. и деревни Токаревой Новоалейской волости вблизи *пространства* Барнаульского бора...” (А):

“Поселок за гранями деревни Мельниковой, Касмалинской вол. и дер. Токаревой *пространство* за гранями деревни Токаревой и Мельниковой (Мальшев Лог)”(А).

Восприятие пространства не только линейно – оно *объемно*. Е.Л. Березович замечает: “Пространство осмысливается по-разному: как некая протяженность, являющаяся, в первую очередь, ориентационным полем для человека, который определяет местоположение отдельных пространственных объектов, их доступность, протяженность и т.п.; как окружающая человека земная поверхность – и все то, что называется природой; как взаимодействующая с человеком Среда, по отношению к которой человек играет роль и субъекта, и объекта воздействия; как “виртуальная реальность”, наполненная сверхъестественными явлениями; как арена разворачивания исторических событий и др.” (Березович, 2000, с. 11).

Структуризация пространства часто идет как вычленение сторон света. Это далеко не случайно, поскольку Мир в восприятии жителей *“состоит из четырех частей: восток, запад, север, юг.... Ад – он в преисподней Земли, а Рай – в небесах, там красота...”* (Н.Ф. Бабникова, 58 лет, с. Поспелиха); *“Мир создал господь для жизни: размножение всего земного и растительного. Окружающий мир состоит из частей света – север, юг, запад, восток, из животного и растительного мира”* (Е.К. Лутай, 77 лет, с. Поспелиха).

Такая дифференциация для жителей очевидна и проявляется в названиях:

переулки Восточный, Западный, Южный и Северный – это они названы, как расположены – по сторонам света (Петрон.);

*Когда выезжали, то образовали сразу несколько сел вокруг: Северка уже была (на **севере** Ключевского района), выехали в Западный Угол (на **западе**), там Новый Восток (на **востоке** поселочек), сейчас уже Нового Востока нет (Ключ.); Назвали Северка, потому что находится в **северной** части и возле кромки Северного бора. В трех километрах от села есть озеро Кругленькое..., а Слизунные ляги – но те на **восток**, рос*

*там слизун, прямо на горчице, рос дикий чеснок, там тоже недалеко к западу. Где поселок Западный угол (находится в **западной** стороне от Петухов)... В 12 километрах от Петухов есть село Новый Восток, называется Новый Восток, потому что расположено село в **восточной** стороне от Петухов ... **Восточнее** Петухов было много выселков, проживали по две-три семьи, все эти выселки назывались Восточными. В то место, где сейчас Новый Восток, выехало много семей, и, чтобы отличить его от других, село стали называть Новый... (Ключ).*

Структуризация на карте тоже идет, как правило, по сторонам света, точкой отсчета является ориентация – *север – юг – запад – восток*:

“Селение расположено по обоим берегам реки Верх-Жилихи, при впадении в нее р. Журавлихи, в 15 верстах от волостного правления. На *севере* и *северо-востоке* дача граничит с деревнями Верх-Камышенской и Гришиной, на *юге* и *юго-востоке* с деревнями Косихиной и Плотниковой, на *юго-западе* – с деревней Глушинской и на *северо-западе* – с деревней Шпагиной” (А);

“Земельный надел отведен в одном отрубе и прилегает на *северо-востоке* к з.н. деревни Верх-Камышенки, на востоке – к з.н. деревни Гришиной и к з.н. Ново-Зырянской; на *юго-востоке* – к з.н. деревни Плотниковой и села Косихи; на юго-западе – к з.н. деревни Глушинской (Королева), на *северо-западе* – к з.н. Шпагиной” (А);

“Нумерация идет с *Запада на восток*, как в первом ряду, так и во втором. Номера хуторов написаны на каждом столбе на затесах, обращенных в сторону нумеруемого хутора. Название хуторов (групповое) написано на таблице, прибитой к столбу близ дороги” (А);

“о сохранении за обществом поскотины всего соснового участка под названием на *западе* Могильский борок, а на *востоке* урочищ Маралья копь, Жженцы, Наумова” (А).

Можно считать, что реальное физическое пространство не соотносится прямо ни с одной языковой категорией. Восприятие пространственных свойств и отношений вещей, или вещей в их пространственных свойствах и отношениях осуществляется благодаря тому, что включает чувственный анализ и синтез, дифференцировку раздражителей и объединение их связями в единое целое.

Как связан пространственный концепт, входящий в состав логической картины мира, с языковым сознанием, с топонимической картиной мира? Пространственный образ – это, во-первых, итог каждого более или менее самостоятельного познавательного акта, который фиксируется в сознании в виде определенной системы мыслительных операций, в снятом виде содержащих результаты чувственного познания; во-вторых, указанная выше фиксация познавательных актов и их результатов происходит посредством определенных языковых средств. Хотя картина мира в сознании как логико-словесный конструкт является нерасчлененной, мы можем этот конструкт условно представить в виде двух самостоятельных образований – логической (концептуальной) и языковой (словесной) моделей действительности. В этом смысле собственно топонимическая картина мира является неконцептуальной, а пространственный образ ландшафтной реальности представляет собой информацию, содержащуюся в логических формах и категориях мысли. Об этой информации при рассмотрении топонимической картины мира можно говорить постольку, поскольку всякая мысль возникает и существует, фиксируется в сознании и передается средствами языка. Глубинная связь пространственных представлений с языковыми структурами может быть прослежена только в ходе специальных нейрофизиологических исследований. Н.П. Бехтерева (1974), используя метод динамического факторного анализа, установила, что процесс трансформации первичных кодовых форм (формирующихся при одномоментном восприятии

объектов с помощью сетчатки) в высокоорганизованные структуры, паттерны, непосредственно связан с активизацией базиса долгосрочной памяти и, в частности, активизацией семантико-синтаксического уровня системы вербальной памяти. Таким образом, логическая и топонимическая картины мира находятся в отношениях континуального сцепления.

При восприятии внешнего мира с точки зрения его пространственной характеристики предмет выступает как обособленная в пространстве вещь во взаимосвязи своих свойств. И.М. Сеченов специально отметил значение контуро-разграничительной линии двух разнородных сред как первую важнейшую черту зрительно-осязательного восприятия предметов внешнего мира (Сеченов, 1947, с. 86). Пространственная обособленность предмета и взаимосвязь свойств, благодаря которым он выступает как единое целое, – важнейшие особенности восприятия. С.Л. Рубинштейн так описывает процесс восприятия пространственных отношений: “Мы воспринимаем вещи как находящиеся вне нас в тех или иных пространственных взаимоотношениях к нам и к другим вещам, воспринимаем их форму, контур, рельеф, величину, отстояние от других предметов и от нас. Нейродинамической основой восприятия вещей в пространственных свойствах и отношениях являются связи, объединяющие разные раздражители в один комплексный раздражитель. Так, нейродинамическую основу восприятия величины предмета образуют связи на комплексный раздражитель, отстоящий из величины сетчаткового образа и мышечных сигналов от приспособления глаза к отстоянию предмета, подкрепляемых осязательно проверяемой величиной предмета” (Рубинштейн, 1957, с. 76).

Понятие *пространство* может рассматриваться с разных точек зрения. Это может быть: 1) трехмерное физическое пространство в своей целостности; 2) психическое пространство как сумма психических репрезентаций, соответствующих любым сферам человеческого знания; 3)

языковое пространство как особый тип пространства, включающий лингвистические категории и всю систему языка, например части речи, синонимичные и антонимичные ряды и т.д.

Концепт “пространство”, являющийся сущностным для сознания топонимической личности, представляется как ментальное образование, своеобразный фокус пространственных представлений, когнитивная структура, включающая разносубстратные единицы оперативного сознания. В современной науке распространено представление о концептах прежде всего как о ментальных сущностях, которые несут на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры. Концепт оказывается при этом своеобразным “культурным фокусом” См.: (Степанов, 2001, с. 40). Принимая классификацию основных признаков концепта М.В. Голомидовой (Голомидова, 1998, с. 141–146), мы можем описать концепт “место”(пространственный концепт – ПК):

1. ПК есть ментальное образование, аккумулирующее знания субъекта о пространственном измерении как фрагменте действительности;
2. ПК – ядерная часть топонимической картины мира;
3. ПК – явление неоднородное, своеобразный “пучок смыслов”;
4. ПК – представление, связанное с системой миропонимания человека;
5. В нем находит свое отражение ценностная ориентация субъекта;
6. Концепт входит в смысловую иерархию, в рамках которой выделяется универсальное и уникальное;
7. Содержание одного и того же концепта у разных людей в силу различия их жизненного опыта и миропонимания несходно;
8. Концепт несет на себе отпечаток той культурной системы, в рамках которой он сформировался.

М.В. Голомидова выделяет уровни пространства: “...экзистенциальное пространство – пространство, обжитое человеком и формирующее у него устойчивый образ окружения; другому уровню восприятия соответствует

познавательное пространство известного человеку мира; далее – априорное пространство, или пространство, понимаемое как объективно существующая, но пока не познанная земная поверхность; есть также художественное, мифологическое, теологическое пространства, репрезентированные в соответствующих текстах” (Голомидова. 1998, с. 143).

По каким же параметрам следует реконструировать образ пространства? По мнению Е.Л. Березович, система базовых параметров описания пространства включает в себя следующие показатели: “1) локализация объекта; 2) охват местности; 3) протяженность; 4) обжитость пространства. Первый из них...позволяет определить **точку зрения** субъекта номинации по отношению к пространственным объектам (локализация всегда осуществляется при наличии некоей системы координат); второй и третий – охарактеризовать **поле зрения** номинатора; четвертый – дать качественную характеристику освоенного и не освоенного человеком пространства” (Березович, 2000, с. 87).

Рассматривая топонимию Русского Севера, исследовательница выделяет в качестве доминирующей пространствообразующей константы местоположение носителя языка, являющегося центром организации пространства. Исследование же топонимических материалов Алтая свидетельствует о *несколько ином основном принципе структурирования локативного образа в данном регионе.*

2.4. Структуризация пространства в топонимической картине мира

Результаты анализа топонимических контекстов, зафиксированных нами в топонимии Алтая, соответствуют выделению А. Леруа-Гураном (Leroi-Gourhan, 1964) двух типов пространства – динамического и статического – и дополняют эту концепцию.

2.4.1. “Маршрутный” тип (модель А).

В сознании топонимической личности существует “маршрутный” тип разворачивания пространства (модель А), когда субъект предстает как быдвигающимся через него, и это подтверждается последовательным разворачиванием, выстраиванием объектов действительности в топоконтекстах. Разворачивание пространства по модели А представлено двумя типами.

Тип 1 – последовательная фиксация объектов, *расположенных вдоль реки, по направлению ее течения:*

*На реке место Шиши. Как скирды сена, нагромождение камней, скал. **Ниже** Шишей плеса называется Плотбище – плоты причаливали к этому месту. **Ниже** Плотбища есть Малая Загнетка... Есть камни на Катуні: Дурная Плита... **Ниже** Дурной Плиты – Нефедкин Ухаб, большие волны, как ухабы. **Ниже** Ванькин камень, **рядом** камень Седелка.*

Четко заданный вектор движения “вниз, по течению реки” определяется, с одной стороны, характером ландшафта, поскольку перемещение по течению реки является самым быстрым и эффективным способом передвижения в горах, а, с другой стороны, бытийно-ценностным приоритетом водных объектов.

Тип 2 представляет собой последовательную, непрерывную фиксацию объектов, расположенных в действительности друг за другом:

*Место у подножия горы – Прилавок. На Прилавке **первый** лог Чащевитый, **дальше** идет Широкий лог, **потом** Крутой лог, Итаковский.*

Модель А в обоих ее типах реализуется в топоконтекстах, как правило, при помощи следующих языковых индексов (термин В.Н. Топорова): *дальше, потом, затем, справа, слева, ниже, выше, рядом* и т.п.

*В бору **не очень далеко от села**, где-то в 5–6 км от него, была Рыбная ляга, Земляничная ляга **рядом слева**, там землянику брали, тоже прямо в*

бору, а чуть дальше ляга Глубокая – котловина глубокая, ляга Подветрие чуть выше – сено там косили, она в степи и со всех сторон обдувалась ветром, еще дальше – Мантаева ляга, потом Утиная ляга – много уток было, а с ней рядом Мочалка – вымачивали лен и коноплю.

2.4.2. Радиальный тип (модель В).

Как показывает материал, для жителей Алтая характерно радиальное построение пространства (модель В), когда человек воспринимает пространство как “серию концентрических кругов, затухающих к границам неведомого” (Leroi-Gourhan, 1964, с. 157). При этом выделяется ядерная позиция субъекта, а также разграничиваются две зоны, два уровня пространства:

тип 1 – жизненно-актуальный, или бытийно-ценностный;

тип 2 – периферийный.

Заметим, что в данном случае человек выступает не в качестве дистанционной точки отсчета в пространстве, а как субъект, оценивающий тот или иной объект с точки зрения его способности удовлетворять жизненно важные человеческие потребности. Такое структурирование пространства получает подтверждение и в психологических исследованиях А. Маслоу, где выделяются два типа познания, организующие деятельность индивида: дефициентный и бытийный. Дефициентное познание идентифицирует объекты, удовлетворяющие исключительно фундаментальные – витальные – потребности (физиологические и потребность в безопасности), и организует *жизненно-актуальный уровень* “радиального” пространства. Сюда входят и детально фиксируются важные с точки зрения *бытийных ценностей* географические объекты и объекты-ориентиры на пути к ним, *это наиболее освоенная зона с наибольшей концентрацией названий*; “...вместо непрерывности и сплошной протяженности гомогенного пространства реконструируется представление

о разнородном и, так сказать, “корпускулярном” пространстве с разной ценностью (значимостью) его частей” (Топоров, 1983, с. 242).

Наиважнейшей и универсальной бытийной ценностью (см. 2.6.) является вода (при любых видах хозяйственной деятельности), поэтому доминирующим пространствообразующим объектом выступает гидроним, с которым связываются и соотносятся все остальные. В Инструкции межевщикам чертежной земельной части Главного управления Алтайского горного округа указывается: “При расположении селений наблюдать, чтобы они были устраиваемы, смотря по местоположению и удобствам прежде всего *по рекам вдоль течения*, в одну, две или более линий, селения же, устраиваемые при речках, протоках и ручьях, располагать по одну или по обе стороны оных, с соблюдением возможной правильности” (А).

При наименовании переселенческих участков наиболее частотное использование названий гидрообъектов. Так, в Списке переселенческих участков 1896 г. из 216 участков наименования 73 участков связаны с гидронимами:

“Новичиха – в Новичихином логу, уч. Костин лог – в Костином логу; уч. Травной – у Травного озера; Чудские пруды – на Чудских прудах; Абрамовская дуброва – при Абрамовской дуброве (Касмалинская волость, 1896 г.); Кругленький – при озере Круглом; Топольный – при так называемых Топольных ямах и колодцах; Беленький – при озере Беленьком; Шадруха – при реке Шадрухе и озере Горьком; Лаптев Лог – при Лаптевом логе и колодцах (Шелковниковская волость 1896 г.)”(А);

“Хмелевка – на обеих сторонах реки Хмелевки; Чириково – при озере Чирикове; Таловка – при реке Таловке; Фыкалка – пр реке Фыкалке; Новенький – при озере Новеньком; Золотуха – при реке Золотухе; Березовка – по обе стороны реки Березовки; Комариха – по обе стороны реки Комарихи; Боровлянка – по обоим берегам реки Боровлянки;

Талицкий – при реке Талице; Осиновка – при реке Осиновке; Кривая Лука – при речке Кривой Луке; Гусьянка – при реке Гусьянке” (А).

С названиями *озер* связаны:

уч. Истимисс “При озере Истимисс” (Покровская вол.); уч. Беленький “При озере Беленьком” (Карасукская вол.); уч. Утичье “При озере Утичьем” (Карасукская вол.); уч. Шелчиха “При озере Шелчихе” (Лянинская вол.); уч. Чириково “При озере Чирикове” (Верх-Чулымская вол.) и под.

Наиболее распространенным типом пространственной организации по модели В, таким образом, является гидрографический.

Основывались и располагались села в основном стихийно, завтройка шла вслепую. Улицы вытягивались по плодородным клочкам земли или вдоль реки или озера... (Славг.).

При этом происходит подробная фиксация участков хозяйственной деятельности (логов, покосов, урочищ, ключей и пр.):

“...покосами крестьяне деревни Погорелки пользуются по обоим сторонам реки Колбихи, по правому берегу реки Сунгая, по лугам реки Мостовой, затем вершиной Фомятского лога... на протяжении одной версты, на левой стороне реки Чумыша у озер Лешакова и Буковского, наконец, по обеим сторонам реки Нужихи; крестьяне деревни Зубоскаловой косят по реке Гремихе, вершину реки Нужихи, затем в вершине Медвежьей пади, немного по вершине пади Камышовой и на лугах реки Чумыша около озера Чаячьего и Буковского. Крестьяне деревни Усть-Бороушки пользуются покосами по реке Мостовой от устья Фоминцева лога, в нижней части Фоминцева лога, до своей поскотины по Калачеву логу в нижней его части, по Медвежьей пади и по реке Бороушке” (А).

Таким образом, первыми среди важнейших факторов, организующих ментальное структурирование пространства, являются *бытийные*

ценности и хозяйственная деятельность. Однако, несомненно, учитывается и *характер ландшафта* местности, реальное размещение и положение объектов, что определяет целостность, гомогенность и континуальность пространственного образа:

Чумыш бежит по логу Песчаному. В другую сторону идет лог Каменный. От гривы релки идут вниз (Первом.);

Заозерный поселок на противоположной стороне озера, Травянка у Травяного озера, водоем весь в траве, а пос. Зеленый клин отделился от села Кормовище. Ягоды собираем по околкам. Есть околки 3-й и 4-й, были 1-й и 2-й, но сейчас их уже нет, вырубил, они были поближе к селу, а 3-й и 4-й те подальше... (Бурл.).

Что касается экспликации ментального отражения геометрического пространства в системных языковых единицах (например, в топоформантах *ближний-дальний, верхний-нижний, правый-левый* и т.п.), то, с одной стороны, они представляют локальную организацию в вертикальном и плоскостном измерениях, а, с другой – соотносятся с бытийным квазипространством (см. далее модель С).

Вертикальное измерение представлено в основном в топоформантах *верхний-нижний*, и в данном случае решающей при номинации оказывается сумма *объективно-геометрического и гидрографического факторов*, когда положение объекта в пространстве коррелирует с позицией его по отношению к верхнему или нижнему течению реки. Отметим, что в данной бинарной оппозиции наблюдается асимметрия с преобладанием “верхних” топонимов, что объясняется принципом освоения рек и прилежащих земель снизу вверх.

Плоскостное измерение пространства не имеет четко выраженной субъектной централизации, объекты, имеющие в названии форманты *ближний-дальний, первый-второй-третий* и т.п., соотносятся в

подавляющем большинстве случаев с гидрообъектом, реже с населенным пунктом:

Карасевы озера – Первое, Второе, Третье (Ельц.);

Два лога у нас есть: Первая лабза и Вторая лабза (Змеин.);

Ключики есть Первая и Вторая Березовка. (Змеин.);

Первая яма, Вторая яма, Слепухин куст, Четвертая яма. Первая, Вторая, Третья, Четвертая яма (Красниц.);

Первая Набережная и Вторая Набережная (Тог.);

Первое и Второе Моховое болото (Тог.).

А вот топонимы с формантами *ближний-дальний* являются уже переходными, связывающими бытийно-ценностную и периферийную зоны пространства, так как именно эти географические названия обозначают пространственную границу, рубеж между хозяйственно освоенной и “необжитой”, малоизвестной территориями.

Дальняя пасека – там когда-то была пасека ... и есть место Ближняя пасека (Кур.);

По Чумышу есть двое песков – одни Дальние – около Курьи, другие Ближние – здесь у мельницы. (Топ.);

Есть Пески Дальние, находятся они где был Пограничник, Средние, где Переезд, а Ближние, где стояла мельница (Тог.);

Дальняя Старица – Ближняя Старица – одна старица ближе, а другая дальше... (Рубц.);

Ближнее и Дальнее болота. Они удалены от деревни, одно – дальше, чем другое (Тог.).

Подобный принцип ценностной ориентации прослеживается и в топонимах, имеющих иную структуру: улица *Заречная*, кладбище *Подгорное*, “хозяйственно-деятельностная” ориентация – поле *У Мельницы*, поле *У Пасеки*; согра *У Кузницы*.

Заметим, что противопоставление этих локативных сфер выражается в топонимических контекстах и при помощи других языковых элементов, например, показательное употребление информантом местоимений места: *Тут вот все подряд лог. Ну, вот Широкий лог, Файкин...; Там, по Чуе теленгиты живут...* – в данном случае местоимение *тут* является индексом ближнего, бытийно-ценностного пространства, а *там* – периферийного.

В характеристике пространства, таким образом, может быть различная “уровневая” классификация. Наряду с моделями “север–юг–запад–восток», “близко–далеко”, “реальное–нереальное”, “известное–неизвестное”, может быть выделена оппозиция “свое–чужое”, поскольку противопоставление микро- и макропространства, в свою очередь, предопределено наличием указанной оппозиции.

При восприятии пространства в одном случае речь идет о *своем* пространстве, включенном в ежедневный мир, При выделении переселенческого участка, например, сразу происходит фиксация в сознании его как *своего* и всего остального пространства как *чужого*:

Это наши участок, мы, значит Кошелевы – Кошелевский, а там, рядом, нарезали вятским, ну название номер 47, это уже ихний, значит, сено не коси, дрова не руби и рыбу ловили по договоренности (Зар.).

Жизненно-актуальное пространство – *свое* пространство, пространство менее актуальное – соседних сел, другого района – *чужое*, незнакомое, безразличное. Дифференциация реального пространства в этом ракурсе позволяет установить, в частности, границы микросистемы:

За Дворским были русские селения. Русские там жили, работали на полях. А мы поля Русскими звали, а как их называли – не знаем; У Гальбштадта – наша территория, а там русские, там все по-своему зовут.

Итак, *жизненно-актуальный, или бытийно-ценностный* уровень пространства характеризуется целостностью, континуальностью, высокой

степенью плотности топонимии, а также ценностно ориентированным принципом построения; разворачивается преимущественно центробежно.

Второй, *периферийный*, уровень пространства организуется бытийным типом познания. Здесь воспринимающий субъект в меньшей степени искажает свое восприятие в соответствии с потребностями, он остается в каком-то смысле независим от воспринимаемого. Географические объекты здесь оцениваются как таковые, а человек стремится оставаться погруженным в созерцание или пассивное наблюдение. Предположительно, это зона сосредоточения эстетических и духовных устремлений личности:

Мы ходили в поход в район горы. Там интересней ... там много рек, в районе Семинского хребта: река Песчаная, в Катунь несут воды Анос, Улюта. Мне очень интересно изучать, а точнее, путешествовать. Тем более, что в глубинах Горного экзотичней, чем здесь. Естественно, что много спусков, подъе мов, но их не называют, нет названий, не знаю.

В приведенном топоконтексте показателен “бескорыстный” интерес к объектам, *там*-индексация, фиксация и номинация только крупных (опять же гидрообъектов!) объектов. Периферийная локальная зона отличается меньшей плотностью топонимии, низкой степенью конкретности и детализации пространства.

2.4.3. Бытийное квазипространство (модель С).

Топонимическая и, шире, *языковая система* также является одним из фундаментальных факторов, структурирующих пространство в сознании топонимической личности. Именно топонимическая система предопределяет существование *бытийного квазипространства* (термин Е.С. Яковлевой) (Яковлева, 1994, с. 44), представленного в данной работе как модель С. Это умозрительное пространство, характеризующееся отсутствием протяженности, пространственной соотнесенности между

объектами, ассоциативным путем развертывания. Здесь наиболее характерно *три пути локальной репрезентации*:

1) ассоциации по сходству топоосновы:

Лог Алгаир и ключ Алгаир, и здесь же улица Алгаирская, их две: Большая Алгаирская и Малая Алгаирская;

2) ассоциации по сходству форманта:

А неподалеку околки: Коваленков окол, Петраков окол, Земляков окол;

3) по мотиву, или принципу номинации, при условии ясности внутренней формы:

Гора Бурундучья – может, кто-то сказал, так и пошло. Медвежья гора. Есть Щучий плес; Камни около Усть-Козлухи: Шпиль, Плечо – по форме названы, Гуси – камни в виде гусей, их три; камень Палатка – по форме, как палатка, Терка – терку напоминает, Копна есть камень – по форме копны.

Приведем контекстуальные примеры модели С:

А в Карпово гора большая – Ромкина. С нее впадает Ромкин ручей. (Солон.);

Ключей у нас много, прозваны, ну как? По логам, наверное. Ларионов ключ – Ларионов Лог... (Алт.);

Ключ Дресвянка от названия горы Дресвянка, там он где-то среди камней бьет (Алт.);

Улица Моховая – находится около Мохового болота (Баев.);

Кузьменкова ляга – Кузьменков заимок (Зав.);

Есть Колонковская гора на правой стороне Чумыша. Стоит она около села Колонково (Тог.);

Косогор один называют Китай, грива там тоже Китайская, она как бы в отдаленности (Тог.);

Еще в ту сторону, но это далеко отсюда – Волчье болото, не знаю почему назвали. Может, кто там был, а может, просто место такое темное, там есть еще и Волчий ложок. Рядом с болотом (Тальм.);

Волчонок ключ на Волчьей горе находится (Алт.);

Еще есть озеро Лененок, оно находится недалеко от озера Лена и меньше его (Баев.);

Озеро Ситники и Ситничонок, Телеутское и Телеутонок (Баев.);

Вдоль Бурановской дороги лежит озеро Солоновошное – образовалось от реки Солоновки (Тог.);

Ключ Большой в Большом логу (Тог.);

Озеро Лотошное и Лотошонок (Баев.).

Представленную выше дифференциацию пространства можно увидеть в топонимических контекстах, представляющих собой фрагменты высказывания носителей языка, отражающие их представление о геопространственной реальности.

2.5. Отражение дифференциации пространства

в топонимических контекстах

Традиционно в структурно-семантических, этимологических и т.п. топонимических исследованиях географические названия рассматривались как таковые, однако ментальный аспект их изучения требует обращения к топонимическим контекстам, так как, по словам М. Мамардашвили, “личностная реализация сознания находит выражение в тексте и тем самым существует в культуре не просто в виде достигнутой суммы знаний, а в виде именно реализованной мысли и способа бытия” (Мамардашвили, 1990, с. 3). Таким образом, вводится понятие *топонимического контекста (или топонимического контекста)*, представляющего собой фрагмент высказывания носителя языка, включающий в себя

топоним(ы) и отражающий субъективный образ мира, фиксирующий доминанты восприятия отдельной личности. Здесь осуществляется связь языка, языковой картины мира и моделируемой ими деятельности.

На основе анализа топоконтэкстов становится возможным рассмотрение топонимии в лингво-когнитивном аспекте, описание способа ментального запечатления действительности, топонимической картины мира личности, вычленение ее постоянной, инвариантной и вариативной частей. Разновидности диалектных высказываний старожилов фиксируют наиболее значимые составляющие топонимической картины мира носителей диалекта. Они отражают особенности восприятия мира, определяемые географическими, социальными и культурологическими условиями. Предлагаемые материалы представляют собой первичные записи топоконтэкстов, зафиксированных у жителей студентами и преподавателями филологического факультета Алтайского государственного университета в течение 27 лет (начиная с 1973 г.). Приведем некоторые.

Курынский р-н

с. Бугрышиха

Рябов Александр Яковлевич

1901 г.р.; образование 4 класса.

Бугрышиха организовалась очень давно. Раньше в Сибирь ссылали, вот оно из ссыльных. А село-то название по горам получило. Бугры там вишь, какие. Улицам названия не было, а просто, которые *за речкою* жили – *те зареченские* звались (модель В, периферийный уровень). А ишо четыре улицы пересекались в одном месте, так это место Расстанье звалось. На этом Расстанье бывало, масленку провожали, горы строили. Там и подерутся и поцелуются. Бугрышан-то все килунами звали, потому што

лесу много ворочали – лес плавили, продавали, тяжелая работа, вот и килуны; так их по сей день зовут.

Первая речка Бела – из Белков вышла, а прозвище ей по воде – вода прозрачная, чистая (модель В, ядерный уровень). Ишо речка *Крохолиха*, потому што в ей уток много, крохалей. *В Белу падаат* речка *Копалуха* (модель А, тип 2). Копалухи – это так раньше глухари назывались, их *там* много было (модель С, тип 2, 3). А речка Солдатка – это когда-то в туе германскую войну ишо жила там солдатка; там она померла, там и схороненная. *Из-под горы Синюхи речка Синюшка* в Белу падает. *Гора Синюха* потому што она притяжная, на ей туманы стоят, она синяя и синяя всегда (модель С, тип 1). Есть *две Воскущовки – Большая и Мала* (модель С, тип 1). Их прозвали – там раньше лоскучи – это рыбка такая, чистенька, маленька, так ее там много было. А Бугрышишка – она идет по буграм, ее так и назвали. *Речка Канхара* падает в *Иню*. Почему *Канхара* – я уже не знаю. Ишо *поселки* были *Верхняя* и *Нижняя Канхара*, они принадлежали Бугрышихинскому сельсовету, и тоже не знаю, почему *Канхара* (модель С, тип 1). *А речка Иня* – она теплая, никогда не застывает, почему *Иня* – тоже не знаю. Она тоже идет с Белка, *там* (модель В, периферийный уровень) сейчас *поселок Инской* (модель С, тип 1). Ишо есть *речка Плитнушка*, в ей плиты, как точеные, ну камни такие, как плиты, а *по речке и поселок* названный – *Плитной* (модель С, тип 1). На речке *Сосновке* когда-то *был сосняк*, вот и прозвали. Потом его весь вырубил. А речка *Суетка* идет с горы *Мохнатой*, на ей очень хороший, сильный *лес рос* (модель С, тип 3). На этой речке был поселочек, а в ем жил *Суетинский*, фамилия хозяина такая была, по нему и назвали. И *лог* есть *Суетинский*, и *увал* тоже *Суетинский* по ему же (модель С, тип 1). *С километр по течению ниже* село Белое, оно по реке назватое (модель А, тип 1). А вот *село Большая Суетка* – это совсем не то, што *поселочек Суетинский*, а по кому оно так названо – я не знаю (модель С, тип 1). А

поселок Убиенный почему прозвали – после первой германской войны он заселился. Точно-то я не знаю, а слухами пользовался, в вершине *этого ключика* какой-то *Убиенный* туда заезжал, так по фамилии. *Там* (модель В, периферийный уровень) *ключик* так же называется – *Убиенный* (модель С, тип 1). *Есть ишо речка и поселок Ардамазиха* – это *по фамилии Ардамазов* какой-то, мордвин туда заезжал (модель С, тип 1, 3).

Ключиком – это маленький ручеек раньше звали, он обязательно горный; с горы идет по логу. У каждого ключа лог есть; если логу не будет, он стоять будет, некуда ему бежать-то. *Вот* (модель В, ядерный уровень) *ключик Палынский* – это *по горе* названный; *гора тоже Палынская*. Она когда-то горела сильно – паль была, так што ли сказать, вот и *Палынский*. И *лог Палынский* есть, тоже *по горе* названный (модель С, тип 1). *А рядом* с Палынской горой (модель А, тип 2) гора Рудничная, тут на ей когда-то Демидов шахты копал. Коло Бугрышихи гора Воструха; по скале – скала-то вострая. *Ключик Заворотный* – он как-то идет, поворачивается, а выходит с вершины Вострухи. И *лог* есть *Заворотный, по ключу* назван (модель С, тип 1). Луг – это где косят; ровное место, а лог – горное. А увал прилегает к горе какой-нибудь. Увал – ровная площадка такая. Она под горой стоит. *Где был поселок Маяк раньше*, там болотное место (модель В, периферийный уровень), его прозвали Лягой. Дескать, топистое. А *ключ Быковский* – это я пояснить не могу почему. И *лог* такой есть, и *гора Быковская*, и *увал* (модель С, тип 1). *Прокопьев ключ* – это по названию. *Там пашни Прокопия* Шипулина были (модель С, тип 3). И *лог* есть Прокопьев, и *гора Прокопьева*, и *увал* (модель С, тип 1). И *Максимов ключ, и лог, и гора, и увал* – тоже *по названию фамилии Максимова*; там (модель В, периферийный уровень) *ево пашни* были (модель С, тип 1, 3). Вот на горе Чесноковой (она так названа, потому што на ней раньше много дикого чеснока и луку росло, да и сейчас много), так *на ей Усовы пашни занимали*, и были *Гурьянов лог*, т.е. *Гурьяна* Егорыча

Усова, *Андреев лог, Степанов лог – все Усовых* (модель С, тип 2, 3). Ишо есть *Писарев ключ по Белой книзу* (модель А, тип 2). А почему так называется – не знаю. И лог есть *Писарев, и гора Писаревская* (модель С, тип 1, 3). А под Рудничной есть *Латышова пасека*. Это после первой германской приехал латыш, купил избенку и поставил пасеку. А до этого была *Усова* Прокопия Митрича *заимка*. Были ишо *Крюковски ворота*, там поскотина когда-то родилась, а щас место так называется (модель С, тип 3).

– Где?

– У Крюковских ворот.

И лог есть *Крюковской, и ключик Крюковской, и увал* – они как крюк загнуты (модель С, тип 1). Ишо есть *Чудской лог, и ключ, и гора, и увал* (модель С, тип 1). А почему названный – как раньше поедет кто-нибудь туда, а там (модель В, периферийный уровень) чудится, как вроде ходит кто-то. Сенокос дали мне в Чудском. А *Долгий ключ* падает в Белу. Он очень сильно длинный, то ключики километра 2–3, а этот километров 15. И лог *по ключу* названный, и *гора* (модель С, тип 1). Гора Вонючая, не знаю, почему так называется, а дворы скотные тут ни при чем. Она ишо до их так называлась. Ишо есть *Провальный ключ, и лог Провалы; там* (модель В, периферийный уровень) несколько гор соединяются, и на их пашни. *Там* (модель В, периферийный уровень) бугры, ямы, вроде как земля проваливается. И *увал Провальный* (модель С, тип 1). А *Саватеев лог* – была там *пашня* Антона *Саватеевича* Усова. И *увал* такой есть (модель С, тип 1). Косташный ключ потому так прозватый, што пропадет у кого кобыла, корова – *туды* (модель В, периферийный уровень) возили, кости там, скотомогильник. И лог *Косташный, и гора Косташина*. И *увал* (модель С, тип 1). А в *Сурьевом ключе* сурки жили; на шапки хороши шкурки. *По ключу и лог* назватый, и *гора, и увал Сурьев* же (модель С, тип 1). Ишо есть *Волчий ключ, и лог Волчий, и гора Волчья*. А почему

названа – раньше там волки находились, и норы ихние есть. И *увал* потому же назватый (модель С, тип 1). *Яровской ключ* и *увал* под ветер деревни. Прозвали, што приезжал мужик, он зимовку поставил и пашню; его фамилия *Яровской*. *Гора* тоже *Яровская* (модель С, тип 1). *Объездной ключ туды*, к Канхаре (модель В, периферийный уровень). *Там* (модель В, периферийный уровень) *гора*, *Объездная* и называется, ее надо кругом объезжать, штобы в поселок попасть, потому и *Объездная*. По ей и *ключ*, и *лог*, и *увал* называются (модель С, тип 1). *Разливной* – это *место, поля, пашня* кругом, а *там* (модель В, периферийный уровень) *болотце* разливается; весной оно есть, а летом нету.

У нас говорят:

– Где?

– В пашне на Разливным.

И *увал такой* есть (модель С, тип 1).

Пихтовый ключ, там пихтач, по нему и названый. И *лог такой* есть (модель С, тип 1).

– Где жерди рубил?

– В Пихтовом логу.

Точильный ключ по Воскущевке (модель А, тип 2). Там камни доставали и точилы делали; раньше же точил не было. И *лог*, и *гора* так же названы (модель С, тип 1). А *ключ Пазушка*, и *лог* такой есть – *Пазушка*, ключ-то из-под гор вышел, вроде как из пазухи (модель С, тип 1). *Васильев ключ* – это *Василия Егорыча Усова пашня* была. И *лог Васильев*, и *увал* (модель С, тип 1). *Левонтьев ключ* – *пашни Левонтия Усова* были (модель С, тип 3). И *лог*, и *увал* по ему названы (модель С, тип 1). *Зырянов ключ* тоже *по фамилии*; какой-то *Зырянов на устье ключа пасеку держал* (модель С, тип 3). И *лог Зырянов* (модель С, тип 1). *Сосновый ключ*, а называли мы его *Подсосновый*. Там гора шла, а на горе *сосняк* был, и *место Подсосновое*. И *увал* (модель С, тип 1). В лесу есть

Рябиновый ключ, потому што в им *много рябины* (модель С, тип 3). *И лог Рябиновый*, и *гора* потому же (модель С, тип 1). А ишо четыре ключа с одной горы бегут, с Большой (она большая). *Большой ключ* – он длинный, далеко идет. И лог есть *Большой* (модель С, тип 1). *Листвянный Первый и Второй* – там *листвени* много. И *лога Листвянные* (модель С, тип 1, 3). И *Пологий тоже с этой же горы* (модель А, тип 2), *туды* (модель В, периферийный уровень) полого выезжать, пологие подъемы. *Лог тоже Пологий* (модель С, тип 1). *Стеновой ключ – там* (модель С, тип 1) лес и гора, как стена крутая, он *с этой горы идет* (модель А, тип 2). *И лог Стеновой, и гора Стеновая* (модель С, тип 1). А *Мельничный ключ* – там мельница была Усова Василия Егорыча. Маленька мельница. У ево кобель здоровый был, так сколь мельница муки намелет за день – кобель все съест. И *гора* есть *Мельничная*, и лог *Мельничный* (модель С, тип 1). Ишо есть *ключ Подорлиный*, и лог *Подорлиный*, а *гора Орлиная* (модель С, тип 1) *там* (модель В, периферийный уровень). На горе большие орлы садились, беркуты; там у их гнезда были, вот и прозвали *место Подорлиной*. *За Канхарой* (модель В, периферийный уровень) был *Маринихин ключ*. Там какая-то *Марина поселилась*, и назвали. *Нифонов ключ – Нифона Егорыча* была пашня в степи, место ровное, логов нету (модель С, тип 3).

На той стороне речки (модель В, периферийный уровень) гора Заталок с лесом. Бела ударение в гору делает, и потом поворачивается и обходит. Я думаю, потому и Заталок, што под ей ветра никогда не было. Гора Долгая Грива, она потому названая, что долгая – на протяжении километров 20, а Грива – это, вроде, конская грива, или хребет. На *горе Ревнюшке* всю жись *ревень* был, да и щас много. А ишо есть *гора Кривой Осинник*; его снегом выдавляет, лес-то, он под накатом, вот и называют. *И лог такой же* (модель С, тип 1). А есть *место Горохова седелка* – это хребет большой, увал, а в им посредине получилось седловина; там земля

всегда сырая, влажная, *горох* всегда сеяли (модель С, тип 3). И *гора Гороховая* (модель С, тип 1). *Гора Вересковая* – там шшебень насыпанный, а на ем *вереск* растет, а ключа там нет (модель С, тип 3). На горе *Алтайчик* весной в первую очередь снег стает, и все на него собираются. Там (модель В, периферийный уровень) раньше мангазея была – общественный склад, а почему Алтайчик – не знаю. Гора Спуск назвата – вниз к Бугрышихе крутой спуск. *А дальше* (модель А, тип 2) гора Большая – она большая. И ключик *там* Озерной (модель В, периферийный уровень), он из Белого озера падает. На *Финоеновом увале Андрей Финогеныча Кузнецова* была *заимка*. А на *Сержихином косогоре* бабушка *Сержиха* сено косила. В *Гусевой яме у Гусевых пашня* была; она как в котловане была (модель С, тип 3). Есть место Суха рытвина – на ровной местности вымыло рытвину, потому и прозвали. А ишо есть место Кырзыские могилки – там кыргызы похоронены. Они приезжали из Семипалатинска. Несколько семей жили, потом обратно уехали.

Лугов у нас немного, потому што все горы, и горы, и горы. Есть *Верхний луг – он выше деревни, на ветер деревни* (модель В, ядерный уровень), а Нижний луг назывался под ветер. Есть Тигирецкий луг – это потому што дорога когда-то на Тигирек шла, вот и прозвали. И есть Каменный луг – на ем камней много по полю. А Сурьев луг по горе Сурьева назватый (на ей сурки жили). Ишо есть Слободчиков лог, но это недавно присвоили, он раньше как-то по-другому назывался.

Пос. Колывань,

Кокорев Василий Яковлевич

1927 г.р., образование — 4 класса

Озеро вот это называется Белое. *За этим озером* (модель В, ядерный уровень) Багрышиха есть село. Почему оно? На это я не могу сам сказать.

Белая речка откуда, как она, не знаю. Белое озеро на Белой речке, попадает она туда.

В Колыван-то в этот я попал, сам не знаю как, из Курьи. Подпалатцы поселок есть *от озера* (модель В, периферийный уровень), а кто его знает почему. Поселок Маяк, это я тоже не докажу, он назват не нами, веками назван. *Тут от Колывана* (модель В, ядерный уровень) Сидоровка поселок. А почему она? В Курье вот сопка Зарод называется. Высокая, длинная-длинная такая. *А недалеко от нее* (модель А, тип 2) сопка Воструха – высокая-высокая. Седло сопка. Там сопка и там сопка, *а посредине* (модель А, тип 2) *Кукуйская сопка*. То же в Курье. Это *Кукуйка* у нас (модель В, ядерный уровень) есть *ключ*, и это *сопка на нем стоит* (модель С, тип 1). Ключ – это не река, ишо родник такой, он течет это одинаково, что ручей, что ключ назови.

Лога тут. Речка *Суетка есть*. *Она из Суетки* бежит из села (Краснощековского района). *Вот направление сюда* (модель В, ядерный уровень) называется Васькин лог, а почему не знаю. *По дороге Воскресенка* есть *на повороте от* (модель А, тип 1) Ручьево, просто ключ бежит и все. Ведявкины лога, *тоже как из Курьи* (модель В, периферийный уровень), а почему – не знаю. *Вот эта* (модель В, ядерный уровень) сопка Будка, кто его знает, отчего будкой называют. Гора Синюха, на ней всегда все сине, она ж огромная. Поселок Черепаниха, а отчего не знаю, счас его нету, они все переехали в Курью. *В Саушинской* (модель В, периферийный уровень) озеро есть (модель А, тип 1) – *село Саушка, там озеро Саушинское*. К Саушке Харьковка поселок, на ключе она сидит.

С. Ново-Фирсово,

Запрягаев Григорий Алексеевич,

1899 г.р., образование – 2 класса

Озер у нас много: *озеро* Ветелка (а кто его знает, почему), Песошное *озеро* (там оно так песок), потом *Криво озеро* (по форме), *Адамово озеро* (скорее всего Адамов утонул), *Купцово озеро*, *Паршивое озеро* (как забредешь, так пот осыпет), Купцово (Купцов утонул), Голенькое *озеро* – человека голого нашли (модель С). Которые никак не называются, – много.

Сопки: Мохановский елбан (а кто его знает), *Кругленький елбанок*, потом *Конска сопка*, *Мохната сопка*, *Зимовье гора*, *Суричьи сопки* (раньше сурики жили, говорят), потом *Каменистая сопка*, потом *Воструха*, над Чарышом нависла, *Верблюжья сопка*, Речиха – ... гора крутая (модель С).

Ну, *речка у нас* (модель В, ядерный уровень) Локтевка, она спускается *к нам* (модель В, ядерный уровень) с ключей, с гор, она взялась с Колывана. Да, вроде логов нету. Речка сюда взять (модель В, ядерный уровень) Чарыш, наша (модель В, ядерный уровень) речка в Чарыш спускается. *А сюда* (модель В, ядерный уровень) опять Грязнуха (это в Николаевке – Пospelихинский район).

Тут у нас (модель В, ядерный уровень) ям, болот нету. Микшиина ляга – тако сырое место, Гладкая ляга (кто их знает, раньше вода стояла *тама-ка* (модель В, периферийный уровень), было болотистое такое место, а сейчас землей затащило). Колки – там кусты растут, такое растение. Тут ляга – этот самый Мохановский елбан.

Забока и забока – звания-то никакого нету им. Согра, название есть согра – *там* (модель В, периферийный уровень) кустарник, баераки (такое неровное место, такие рытвы), воды там нет, сухое место, траву косят. Купцово озеро и Голенькое – они в сограх (модель В, периферийный уровень). А *Бащелак? Бащелакское озеро. Местность Бащелак и озеро* (модель С, тип 1) *там* (модель В, периферийный уровень), значит

Бащелакское озеро. Березовое озеро (модель С). Ключи, родники нету. Один маленький есть на Суричьих. **Сопка Игнашиха** и **Игнашонок** (модель С, тип 1) **рядом стоят** (модель А, тип 2). **Повыше** (модель А, тип 2) Игнашонка ключик идет. Части села: Верхь и Низ, Верхь – как сверху, а то с северу.

Ключевский р-н,

с. Васильчуки,

Шешеня Ефим Назарович

1920 г.р., образование – 4 класса

Село Аймагул по-казахски называлось. Грань была в трех километрах от Казахстана. Разделяла русские земли и казахские. Болот не было. Озеро Яровое было. Озерки еще маленькие, не помню, назывались они как или нет. Ляга – это где трава, сено растет. **Резникова ляга, Бондаренкина ляга, ляга Жиланды. По имени человека** ляга называлась (модель С, тип 3). Большие покосы были там. Озеро Жиланды было, как и ляга называлось. Поля, когда еще единолично жили, то по фамилии хозяина назывались.

Село большое раньше было, 700 дворов. Были озера, где коноплю мочили. Озеро Камышелань было. Толки – это озера, это озера, где коноплю мочили. Большие озера были, глубоко было.

А то еще маленькие есть ляжка, приляжечек – маленькие ляги. Каранбайская ляга была. Это казахская была ляга Не знаю, русские или казахи ее назвали. По форме назвали наверное. Сугур ляга **далеко** (модель В, периферийный уровень) было. Так называли ее. Старалань ляга была. Деревня **там** (модель В, периферийный уровень) была, ну и лягу так называли как и деревню.

Бор никак не назывался. Просто Сосновый бор и все. Бывало, где брали ягоды, да на Сыралани. Так и говорили.

В степи скрозь (модель В, периферийный уровень) покосные ляги были. Да уж не помню. Садыкина ляга была, что за Садыкина не знаю, пойдем на Садыкову легу. Такша лега была. Не знаю, по-какому это. Может, по казацки, может, по-русски. Да много ляг было. Кака деревня, как называется, так и ляга называется. Поскотина – это где скотина ходит. Пасется. Не знаю, никак они у нас не назывались.

С. Истимисс,

Гужва Макар Никитович,

1905 г.р., образование – 4 класса

Истимисс – это по казахски. ***Фамилия это или имя***, не знаю. ***Через два километра*** (модель А, тип 2) ***Истимир по хозяину озеро*** (модель С, тип 3). А в Полтаве – Душно озеро. По казацки ***Мизгирь озеро*** было – ***село Виноградовка*** там. По-ихнему названо. ***Если казах живет, то по ему и название*** (модель С, тип 3). Они жили несколькими семьями. Потом русские их стали вытеснять. Наверное, были у аулов названия. ***Апаевка деревня*** – русские и татары жили (модель С, тип 3).

Каскаим озеро по-казахски: а теперь смешанное село Апаевка, а было село Каскаим. ***Кирей озеро по фамилии казаха*** (модель С, тип 3), ***к Кулунде ближе, от нас 25 км*** (модель В, периферийный уровень). Большинство под озерами жили, как на курорте. Травы были высоченные в дикой степи.

Болото по озеру называется Чекуртуз – белую глину там берут, в строительстве применяют для побелки. Родник был, но он никак не назывался. Соленое озеро стоячее, а ***вокруг*** (модель А, тип 2) болото

Чекуртуз. Парпаяк *наше* (модель В, ядерный уровень) озеро болотистое. **В Каскаиме** (модель В, периферийный уровень) глубокое как лунка озеро и подвид болота разлив большой, а сейчас оно высохло, в Каскаимском озере такой разлив был. А теперь высохло. Сено косили, а теперь посева. Петухи озеро кругом оболочено. Соленая вода и большое раздолье для болотистых мест. Курганы были штук семь, с километр даже. Но их распахали.

Бор есть дикий. Полосы – просто лесные полосы называются и все. В степи низинки были, где специально не пахали с весны, сено росло. Лягами назывались. Максимцова ляга была, Угловая ляга, Парпаяк, где Солено озеро было, там эта ляга. В Чикартусе сено косили тоже. Еще и сейчас эта ляга не распахана. Кислова ляга, по имени русского человека Кислова – она *километрах в двух от села* (модель В, периферийный уровень). Но она и сейчас сено дает.

Между Полтавой и Истимиссом (модель А, тип 2) грива была Новополтава – Душное по-казацки. Кордонов и сторожек не было. Кордоны есть в районе, *на окраине леса стоят кордоны, там* (модель В, периферийный уровень) лесники живут. Когда еще до коллективизации – копали колодцы. Старики называли криницей. Кислов колодец. Два-три человека выкапывали колодец и там сеют хлеб. Заимки – станы назывались. Колодцы продувные были. Одинцовы колодцы, Гужва колодцы назывались.

Улицы были. Рыковка – по фамилии первого поселенца, сейчас Кирова. Верхняя улица, у гривы Стара улица – старожилы сначала жили. Ключевская улица на выезде в Ключи. *За лягами* (модель В, периферийный уровень) – *Алтай, Алтайская улица. За озером* (модель В, периферийный уровень) Мыусовка улица была. Люди приезжали и их мусами называли. Чекмановка улица была, почему так называется, не знаю. Выселок был “Восток Красный”.

**С. Ключи,
Старков Николай Пантелеевич,
1930 г.р., образование – среднее**

(ниже представлена модель С, бытийное квазипространство, хронологическое изложение)

В 1860 г. образовалось с. Северка. В 1881 г. с. Петухово. Образовали его старообрядцы, кержаки. Почему так названы села – не знаю. В 1885 г. образовалось село Покровка. Видимо, первые поселенцы в праздник Покрова прибыли, а раньше оно называлось Тютюнов куст. Там жил казах богатый Тютюн Оранович.

В 1887 г. Ващенко, Глуховым, Кравцовым, Ермоленко образовалось село Душное, назвали его по имени озера Душное, это от душного запаха, что от озера идет. Сейчас это Ново-Полтава. Почему так названо, не знаю. Видимо, с Полтавы люди прибыли.

В 1888 г. образовалось с. Аймагуль, ныне Васильчуки. Основали его Мусиенко, Воронков, Скофилактов, казах богатый там жил Аймагуль. Потом после того, как землемер Васильчиков нарезал здесь землю, село назвали Васильчуково, а сейчас Васильчуки.

В 1889 г. Яшутин поселился около владений богатого купца Каипа, который кочевал у озера Бильдик, Каип, Автагуль, Тулубай, Бульдюк. В 90-х гг. в с. Каип прибыли переселенцы из Оренбургской губернии. В 1898 г. у *озера* Истимир появился поселок Истимис. **На восток от села** (модель А, тип 2) расположено озеро Чекуртуз. Названия все казахские, перевод неизвестен. В 1901–1907 гг. появилось четыре поселка к северо-западу от Ключей, **в 16 километрах** (модель А, тип 2) село Дворянское, или Кекино. Почему так названо, не знаю.

В 1904 г. старообрядцы построили у родников село Красный Яр. Родники называются Маричкины колодцы. По имени богатой казашки – вдовы Марички. Переселенцы Кофанов, Мелихов, Казачков, Бурлаков образовали село Златополь.

В 1906 г. Вахнин, Олешка, Сорокин *к юго-востоку от Ключей, в 6 км* (модель А, тип 2), образовали село Гредали, или Ново-Вознесенка. Гредали названо по той части плуга, которая сломалась у мужика на поле.

В 1907 г. появились села Валки и Сергеевка. Почему так названы – не знаю. В 1908 г. поселки Эстония, Попасный, Екатеринославский, Новопокровский, Безымянный, почему так названы – не знаю. Видимо, по переселенцам.

В 1909 г. торговец Глухов переселил на хутор семь сыновей. Появился поселок Глуховка, сейчас Алексеевское отделение совхоза Ключевской. Были заселены поселки Благодатный, Смиренький, Полковничья слобода, Константиновка, или Большие Ушкали. Почему такие названия – неизвестно. Поселок Курский, или Малые Серьги. Почему так – неизвестно. Село Воскресеновка, или Джеланды, там жили казахи, название не объясняется. Новопетровка, или Чукулды, Семеновка, Ново-Голубино, Писаревка, или Каргосек, Левобережный, Озерский.

В 1909 г. курские переселенцы Кормилины, Панковы основали поселок Ераско, или Платовка. В 1909 г. было образовано всего 15 населенных пунктов. Поселок Петровка так назван потому, что там много жителей, отчество которых Петрович. Село Ульяновка по имени дочери первого поселенца Ульяне. В 1912 г. *Ананьевский, Григорьевка, Екатериновка, Марковка* – эти села названы по именам первых поселенцев: *Ананий, Григорий, Екатерина, Марк* (модель С, тип 3).

В 1911 г. *в двенадцати километрах от* (модель А, тип 2) с. Петухи образовалось селение Кош–Агач, почему так названо – неизвестно, потому что название дали казахи. В этом же году образовалось селение Кош-Каип,

в переводе – березки-близ-нецы. На берегу озера две березки от одного корня. В 1914 г. образовались села Виноградовка, Альглубинский хутор, поселок Кузьминка, хутор Мерзигульский, Джыланды, Левобережный Сорский, Правобережный Сорский, Правобережный Озерский. Объяснений нет. Сейчас многие населенные пункты исчезли: Голубинка, Междукамыш, Карла Маркса, Кекино, Ананьевка, Писаревка. Они вошли либо в другие, более крупные поселки, либо распались вообще.

**С. Ново-Вознесенка,
Кархалев Иван Поликарпович,
1919 г.р., образование – 6 классов**

Ляга была *Тулпай*, была еще *Маянгора*. *Не русские, казахские* это названия (модель С, тип 3). Озера были *Мочалка*, коноплю мочили. Купальное озеро было. Купались там. Оно здоровое было. Камышаное озеро – камыши непроходимые росли. Беленькое было озеро.

Непроходимые в бору болота были – верст двадцать тянулись. Петухово болото. Киргизы жили. И фамилия одного киргиза Петухов была. А сейчас только от болота осталась ляга, она Петуховой называется. По бору ляги были. Сар[ы³]м ляга была. Может она и переводится как, не знаю. *Бирюкелань ляга – киргизы жили*. Кобылкина ляга, не знаю, почему так. *Мэнгара ляга – по киргизскому имени* (модель С, тип 3).

Тулпай озеро – вода хорошая была. А почему так называется, не знаю. Соду ломали в Петуховском озере. Счас воды мало осталось. А был содозавод. Речек не было. Курган на озере есть, где соду брали. Его Волчья сопка зовут. Волки там выпложивались. Кругленькая сопка была. Она на вид такая круглая, вот и назвали.

Были кордоны. Первомайский был кордон. Беленький стоял кордон. **Вот тут** (модель В, ядерный уровень), **за деревьями** стоял Ключевской кордон. **Здесь** (модель В, ядерный уровень) Портной, объездчик жил. А почему так называлось – не знаю.

Роднички в Сиверке были. Скрипун родничок и болото было, прорвало родничок, и киргизы забивали кочмой, чтоб не затопило. Содовое озеро, было здоровое, но уже высохло.

С. Ново-Полтава,

Лышечкова Анисья Яковлевна,

1905 г.р., образование – 3 класса

Истимисс – одно село, Петровка *недалеко* тоже, Озерное *за* Петровкой, Красный Яр *ближе* (модель А, тип 2). Слава, Красный Восток, Макаровка есть.

Писаревки нету, *Ульяновки*, *Федотовка* (модель С, тип 2, 3) есть немного, но тоже скоро ликвидируется. Междукамыш ликвидировался, Большое озеро есть, Лебязье озеро без камышов, только лебеди плавали, Пучина – оно соленое. Соленое еще – Чипуртус.

Большие ляги были: Казенкурай, Прокошена, Дроздова, Каймалы, Тихоновы ямки ляза была. Ляга Междукамыш. **Все вокруг села** (модель В, ядерный уровень) – Пучина. Появились таборы, заимки, ночевали там.

Улица **та** (модель В, периферийный уровень) – Центральная, **дальше** (модель А, тип 2) – Партизанская, Первомайская, Карла Маркса, 40 лет Октября. Берлином называли улицу Гореликова, **там** (модель В, периферийный уровень) немцев много жило. Молодежная улица есть. **К**

ферме (модель А, тип 2) – Черемушки. Советска раньше Стара улица была, на Ключи – та Полтавская была. На выезд на Пучину – Пучиной была. Душное озеро было, и село так называли.

**С. Ново-Полтава,
Лышин Иван Яковлевич,
1905 г.р., неграмотный**

Ну, деревня называлась Душнэ. Озеро Душное было. Сильно пахло. Пучина озеро сильно пахло на дождик пучиной. А потом стала Новополтава.

Улица Полтавщина была – сейчас Красина, по людям называлась улица. Партизанская была улица, почему так называлась – не знаю. Исаковщина – по Исаку богатому улица называлась. Старая улица. Не знаю, почему так называлась. Пучина улица, упиралась в Пучину, в болото. Черненькая улица, озеро дальше, залив был Черненький, вода черная. И улицу так называли. Были и маленькие улицы. Но они никак не назывались. Просто переулки и все. А большие улицы назывались.

Башкуль озеро было, заливчик остался. *Лебединое озеро* – *лебеди велись* в озере. *Рыбное озеро* – *рыба есть* и озеро очень чистое (модель С, тип 3). Кривая пучина – Кривое озеро было *отсюдова туда за Петровку* (модель В, периферийный уровень).

Ляги были, некоторые остались. *Дроздова ляга* – зажиточный *мужик* был. Каймалы ляга – она небольшая, *кай* по-киргизски и малы. *Прокошина ляга по имени* (модель С, тип 3) и *заимка Прокошина* была (модель С, тип 1). Была ляга Козинкурай – переводится Козий рай, рогоза высокая росла.

Тихоновы Ямки ляга – кем-то чем-то накопаны котлованы. *Тихон* (модель С, тип 3) занимал эту территорию. А вообще чистая степь была. Низины незначительные. Ляга Каскак была. Опросина ляга была *ближе к “Славе”* (модель В, периферийный уровень). Не знаю, почему такое название. Горелая ляга – ее когда-то выжигали, много сорняков было. Озеро было Междукамыш, и ляги *эти там у озера* (модель В, периферийный уровень) были.

Колодцы были – *Паньков колодец, Басенков колодец, Захаров колодец. По именам назывались* (модель С, тип 3).

Дроздовские поля были. *Парталины* были поля. Крупные – *Баженовы, Величкины поля. Все по фамилии назывались* (модель С, тип 3).

Дороги не назывались. Просто говорили: “Поехали на Киржаки, в Каип”, Каипская дорога, называлась так.

Заимки, сторожки в лесу были. Синельниковская заимка. Балаганы были, небольшие, а чтоб большие – не были. Ну, так и назывались – *Прокошина балаган, Дроздова балаган. По фамилии назывались* (модель С, тип 3). Курганы были без имени. Шесть крупных курганов вокруг Полтавы. Новополтава почему? Полтава была на Украине и решили назвать Новая Полтава, а там была Старая Полтава. Деревня эта, здесь аул был Коржун-Камыс – казахское название. А еще здесь были и другие аулы казахские, как же, много было аулов. Аул Сигизбай, Жандаки, Октан, Топан, Бускудук, Каскаим. Казахские все названия. Не знаю, как они по-русски будут. Казахи жили у озер. Название не знаю.

Недалеко (модель В, ядерный уровень) еще Кирей был населенный пункт, а сейчас – Сто пятый населенный пункт, называется сейчас. Просто Сто пятый населенный пункт и все. А старое название забыли. *Около Пучины* (модель В, периферийный уровень) грива Высокая, так называли ее. Был аул Каргасек, потом стали Писаревка звать и сейчас село так

называют. Было село Безымяновка *недалеко отсюда* (модель В, ядерный уровень). Нет сейчас.

**С. Петухи,
Костенко Степан Семенович,
1912 г.р., образование – 2 класса**

Была коммуна “Заря” в 1921 г. Когда совхозы стали организовываться, деревня “Пламя” в нее перешла, сейчас называется Западный Угол. Есть у *нас* (модель В, ядерный уровень) озеро соленое, Петуховское называется. Есть озеро Куричье. Место у *нас* (модель В, ядерный уровень) есть, Касалгол называется, там раньше казахи жили. Казачьи заимки – сейчас *там* (модель В, периферийный уровень) село хорошее.

Много скотины имел казак Сергей, три жены у него было, *там* (модель В, периферийный уровень), где он жил, были заимки. Соленые были озера, *там* (модель В, периферийный уровень) Большая ляга была. Дербай озеро было, там (модель В, периферийный уровень) Аксенова ляга была. Кукалина ляга и сейчас, и вода *там* (модель В, периферийный уровень) есть.

Озеро Тулубай соленое. Рядом Очип, Яла, Курукудук и Беспала, и сейчас камыши большие там. Сейчас Большое озеро и Дальнее, там уголья охотничьи хорошие.

Наше отделение Макаровка, там тоже *ляга большая Шанкан. И рядом через бугор* (модель А, тип 2) – *Малый Шанкан* (модель С, тип 1).

Красный Восток – там озеро Чикуртус, соленое оно. Раньше деревце стояло – диво было, сейчас сами все посадили.

Озеро Жалтырь – охотничье озеро, большое. Озеро Пресное.

В Канне (модель В, периферийный уровень) озера есть, много, озеро Каннское, Патпакуль. В деревне озеро Бульдкок, **там** (модель В, периферийный уровень) и рыба есть. **За мельницей** (модель А, тип 2) озеро Артазуль. **Там** (модель В, периферийный уровень) и ляга большая Сухенькая, сенокосы. Шанкан – это уже ляга, сенокос, ее почти всю выкачивают.

Улица наша на несколько частей делилась. Мы жили на краю – Обухи. Почему так называется – не знаю. Потом называлась **Лебединщина**, там **Лебедевы жили**. **Дальше** (модель А, тип 2) **Курищина**, а другой край **Лопотунщина** – **Лопотуновы жили** (модель С, тип 2, 3). Сейчас вся улица Делегатская.

Макаровка – выходили **первые Макаровы** из Могилева (модель С, тип 3). Могилевщина – там кто с Белоруссии жил. Здесь улицы звали Коржи, **Корацубовка** – **Корацубины жили** (модель С, тип 3). Улица **Регайловка** – **Регайловы жили** (модель С, тип 3). Рядом улица Однобочка – селились по одной стороне. Сейчас – Советская.

А сейчас есть улицы Кировская, Комсомольская, Восточная.

Поля были на Беспале, на Курукудуке, на Чинартусе тоже поля были. На Касамаче идешь, качается все под тобой.

Заринский район,

с. Голубцово,

Малышев Иван Семенович,

72 года, образование – 4 класса

Голубцов был богатый мужик, присланный сюда собирать налоги, да тут и остался, на тракте открыл трактир, потом его раскулачили, но название сохранили. Есть в селе мельницы – Воротилкина мельница,

Моторинская мельница. Волковская мельница *8 километров отсюда по реке Зудилихе, Зудилиха идет через Зудилово, Белоярск, Сорочий Лог, Казанский хутор* (модель А, тип 1). Речку Зудилиху назвали по фамилии Зудилова, и Село Зудилово, а рядом, где протекает речка, неподалеку поле тоже называется Зудилиха

– Где пахал?

– На Зудилихе.

Одна речка еще – Черемшанка – идет на плесы, А Плесы – *это в сторону Венеры* (модель А, тип 2), они, если человек рюхнет, уже не достанешь – топкие болота. А Венера – поселок был большой – *2 километра отсюда* (модель А, тип 2). По звезде Венера прозвали, прям под звездой Венера поселок был. *А сюда в низине за деревней* (модель А, тип 2) согры. На лошади не проедешь. *Средь* (модель А, тип 2) Большой согры – болото Шаломок. На Шаломке земля мягкая, бахчи там сажали, а Ваня Стрыгин там просо сеял, там его участок – Стрыгин участок. На Стрыгином участке скот пасут, молодняк. *А как на гору выйдешь* (модель А, тип 2), *там* (модель В, периферийный уровень) Солончаковы горы, солончаки *там* (модель В, периферийный уровень) растут, лошади по всему дню *там* (модель В, периферийный уровень) колотятся. *На этих же горах* (модель А, тип 2) *Косой взвоз*, каждый год либо человек, либо комбайн полетит с северной стороны, а *Прямой взвоз* (модель С, тип 1) счас оврагами разрушен. Жил Герман Бойко в нашем селе, 107 лет прожил, а пахал в том логу, теперича энтот лог Германовым зовут. *На северном же склоне* (модель А, тип 2) Крутой ложок, Крутенький зовется – маленький, да глубокий, берега крутые. Летом ребята настелют солому, а под ней снеговая вода лежит, лед. *Дале* (модель А, тип 2) лога идут. Три лога у нас: Первый к станции Шпагино, в Третьем логе родник есть, а во Втором – колодец. Колодцы большие, как изба, а пробилась сами, вода светлая, холодная, родниковая. Тот родник, что в Третьем логе, зовут еще

Холодным. Третий и Второй логи шибко большие, Первый поменьше. Да еще у нас Широкий лог, *что за Королевским полем* (модель А, тип 2), Волковские лога *далеко отсюда* (модель В, периферийный уровень).

А делилось село на две части, делили на две – Подгорье и Нагорье. На горе люди жили и под горой. Улицы у нас Сибирская, Рязанская, Саратовская. Рязань заимка там рядом была. Рязанские туда понаехали. Борок-заимка была, там кругом борок был небольшой. Старица шла вдоль деревни – старое русло, никак не называли. Старица и старица. Поля у нас (модель В, ядерный уровень) есть *за Первым, за Вторым и за Третьим логом* (модель А, тип 2), их по логам и зовут: Поле за Первым логом, поле за Вторым логом, поле за Третьим логом, а еще зовут Первое поле, Второе поле и Третье поле. Волковское поле есть, где Волковская мельница. А еще *Большой Культурный участок и Малый Культурный участок* (модель С, тип 1). Там раньше стан был у бригады. Дороги у нас называют по селам: как идти в Демино – Деминская дорога, как идти в Инюшово – Инюшовская дорога, а на Зуйково – Зуйковская дорога.

Представленное в топонимических названиях пространство, как видно из материала, неоднородно с точки зрения субъекта, воспринимающего мир сквозь призму ценностей своей жизнедеятельности. “Соизмеряя свое “бытие в мире” (М. Хайдеггер), человек ставит в зависимость собственную сохранность от окружающей природной среды и охранительного слоя культуры, поэтому топонимическое именование происходит в свете осознания бытийных ценностей” (Голомидова, 1998, с. 143–144).

Именно этот фактор определяет построение пространственных моделей, изоморфную организацию топонимической системы, предложенную в данном исследовании. Это означает, что *топонимическая система как экспликация образа топонимической картины мира имеет принципы построения, тождественные тем, посредством которых*

формируется ментальный образ пространства вообще, по которым в процессе познания топонимическая картина замещает собой и представляет в сознании человека онтологическую форму существования ландшафтной реальности.

2.6. Ценностная гамма в построении топонимической картины мира

Выше мы уже отмечали, что формирование топонимической картины мира как системы миропредставлений определяется совокупностью когнитивно-прагматических факторов, традиционно классифицируемых в качестве экстралингвистических и интралингвистических. При этом внешне обусловленная представленность некоторых жизненных параметров (например, условия жизни человека – экономические, политические, социальные) часто является приоритетной. Несомненна актуальность таких компонентов, как возраст человека, профессия, образование и т.д. Но среди прочих формирование топонимической картины мира определяется такими параметрами, как ценностная ориентация (интенциональность поведения человека).

В различных исследовательских традициях в рамках изучения национального характера сложились различные взгляды на сущность и происхождение ценностей. Ценности, с нашей точки зрения, представляют собой как бы точку пересечения индивидуума и общества, а ценностный подход направлен на изучение и объяснение межкультурных вариаций. С такой трактовкой связано понятие ценностной ориентации, которую можно определить как обобщенную концепцию природы, места человека в ней, отношения человека к человеку и отношениях человека с окружающей средой, миром. “При вербальном кодировании обозначение в виде отдельных лексических единиц получает то, что играет важную роль

в жизни человека (нации), что является ценностным для него... Место любой реалии в системе культурных ценностей – независимо от того, принадлежит эта реалия нерукотворному миру или создана руками человека, – может быть определено лишь через ту роль, которую она играет в жизни людей” (Михайлова, 1998, с. 108–109).

Получаемая в процессе познания информация, дифференцируясь в ходе исторического развития практики и самого процесса познания, воплощается в различных формах. Эти формы хотя и связаны, но не тождественны одна другой, каждая из них имеет свою специфику. Топонимическая картина мира предполагает прежде всего концептуализацию такой ментальной сферы, как *представление о географическом пространстве в хозяйственно-бытовом ключе*.

Установка в познании первична: “С возникновением у человека определенной установки особенности его познания, оценки и действия определяются данной установкой... При возникновении у человека установки действия в определенном направлении он под ее влиянием замечает и учитывает лишь те предметы и явления, которые каким-то образом связаны с этой установкой... Предметы и явления индифферентные, не имеющие значения для установки, остаются незамеченными им...” (Лурье, 1997, с. 213).

Ценность как философская категория указывает на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений. Имея внеличный характер, ценности позволяют связывать разные временные планы (прошлое, настоящее, будущее), наделять все элементы жизненного пространства человека аксиологической значимостью, задавать системы приоритетов, строить сложные и многоуровневые системы ориентации в мире, участвовать в формировании картины мира.

Следуя теории иерархии потребностей известного американского социолога А. Маслоу, как мы отмечали выше, можно сказать, что на

низшем этапе человек стремится удовлетворить свои физиологические потребности, например, в пище, в самой примитивной крыше над головой, затем он переходит к удовлетворению потребности в безопасности, как физической, так и психологической, после этого он удовлетворяет свои потребности в привязанностях и любви, в причастности к группе и, наконец, потребности в уважении со стороны других. И лишь затем пробуждаются познавательные и эстетические потребности, тяга к духовной и творческой самореализации. Следовательно, создание высокоразвитой культуры происходит на достаточно позднем этапе, когда удовлетворен целый ряд самых первичных потребностей человека (Маслоу, 1999, с. 390). Сильные потребности канализируют мышление и восприятие, так что индивид сознает только те аспекты Среды, которые имеют отношение к удовлетворению потребностей. “Голодный человек замечает только пищу, нищий – только деньги...” (Маслоу, 1999, с. 389–390).

В точке пересечения понятий: бытие – жизнь – быт – ценность – актуализируется понятие бытийных ценностей, которые, являясь абсолютными, могут быть признаны ситуативными, или, точнее, жизненно ситуативными.

Основной вектор исследования топонимической картины мира в этом разрезе, в частности, может быть задан *актуализацией бытийных ценностей сквозь призму человеческого сознания, интерпретирующего окружающую действительность в плане репрезентации пространства как основного компонента бытия*. На первом этапе восприятия и освоения этого жизненного пространства человеческое сознание акцентуируется на неких жизненно важных ценностных ориентирах. Этот этап в традиции системоцентрической лингвистики был назван дотопонимическим этапом. В это время топонимическая картина мира как таковая еще не

сформирована, но ценностные ориентиры (импульсы) уже определены. Таким импульсом выступают *бытийные ценности*.

Изучение топонимической ситуации начала XX в. на Алтае с использованием архивных материалов позволило нам представить *базовые бытийные ценности*. Типология их на уровне топонимической картины мира (такой вывод позволяет нам сделать проанализированный материал): первичные–вторичные – совпадает с парадигмой: общерусские (общенародные)–регио-нальные.

Первичными *бытийными ценностями* при освоении пространства могут быть признаны:

вода (жизненно важный компонент);

земля (удобная для выращивания хлеба);

лес (необходимый для постройки жилища).

Окружающие географические объекты как бы репрезентируют содержание топонимикона. Но очередность этой репрезентации разная: на первом этапе это именно те географические объекты, которые являются жизненно важными. Знакомство с окружающим незаселенным пространством при образовании сел (так может быть представлена топонимическая ситуация на Алтае, как, очевидно, и на всех территориях вторичного заселения или позднего русского освоения) начинается со знакомства с местностью, географическими объектами. В этой ситуации первичен психологический фактор. Не случайно переселенцы из степных регионов выбирали степные участки, переселенцы из лесных районов предпочитали предгорные участки, богатые лесом, и т.д. (это достаточно подробно описано в работах этнолингвистического и исторического характера). Однако этот фактор *не может быть признан главным и единственным*.

Специфика заселения громадного по пространству, но бедного населением края привела к тому, что на Алтай направились группы

переселенцев из разных районов Европейской России и сами подыскивали свободные для поселения места. Вся политика устройства переселенцев была основана на этом, причем Управление округа только узаконивало выбор переселенцев.

“В соответствии с распоряжением о переселенцах от 1865 года для переселенцев обязателен осмотр свободных участков в отношении *удобства* ведения хозяйства, ознакомления с местными условиями и вообще выбор переселенческого участка” (А).

Переселенцы “занимают лишь самые *удобные* участки”; “естественно, старались захватить *наилучшие* виды угодий”; “захватывали для пользования наиболее *пригодные* места”. Участки выбираются переселенцами по принципу *удобный, хороший, пригодный*. Это отражается и в общей схеме описания переселенческих участков, в которой пригодность участка для проживания определяется совокупностью факторов: воды (“питьевой и достаточной для водопоя”), земли (“удобной сенокосной и пашенной”) и леса (“строевого и березового”).

Вода

Водные источники имеют важное значение в жизни, именно поэтому “русские переселенцы” всегда стремились занять участок на берегу реки или озера с хорошей пресной водой.

1 (*питьевая*) (*пресная*)

“Водою участок вполне обеспечен как в отношении питьевой, так и водопоев имеет ее из речки Боганенок и Курьи;

В первом участке имеется озеро Комарье, во втором – Заливное, оба – с пресною водою...;

В участке Андреев Ракит имеется пресная вода;

Пресной водой обеспечен участок Фионов Ракит – пресная вода в болоте того же названия;

С северо-западной стороны участок омывается озером Хорошим с *отличной* питьевой водой;

Изобилие надземной воды дало возможность разбить всю площадь участка на 34 хутора с достаточным водоснабжением, кроме хуторов 2, 3, 4, 5 и 13, считающихся малообеспеченными питьевой водой, в которых в летнее время воды достаточно, а в зимнее время, возможно, что вода будет вымерзать. Для полного обеспечения водой означенных хуторов необходимо выкопать колодцы;

Хутора №10 и 21 маловодные – все же остальные хутора вполне обеспечены надземной водой;

Несмотря на скудость открытых естественных водохранилищ, всю группу данных отрубов с участком общего пользования в отношении воды надо считать обеспеченной, так как колодцы глубиной 5–6 аршин дают в изобилии хорошую питьевую воду;

Лучшие земли находятся в восточной части участка Средне-Чуманский, так как река Чуман пересекает участок с севера на юг, давая удовлетворительную питьевую воду;

Участок Чебачий примыкает к пресному рыбному озеру Чебачьему и вполне обеспечен водой;

Все 7 хуторов лесного характера ... На хуторе № 14, возможно, что вода в зимнее время будет вымерзать, все же остальные хутора обеспечены надземной водой... Участок №7 орошается несколькими реками, речками и ключами, что дало возможность расположить все 38 хуторов у проточной воды с достаточным водоснабжением;

Дача орошается рекой Жилихой, принимающей слева реку Журавлиху, по соединении с которой носит название Малой Лосихи, с севера по границе с деревней Шпагиной протекает река Чесноковка. Речки протекают в глубоких и широких долинах, главная из них – Жилиха;

Вода для водопоя имеется в урочище Чертов Калач... Питывеой воды на участке нет. Водопои с пресной водой в последнем участке имеются в болотах Согорном и Паршуковом;

Озеро Яровое и Толстиково прекрасно обеспечивают участок водопоями. Водопоев совершенно достаточно в ракитах. Водоснабжение участка обильное, имеется три солоноватых озера, годных для водопоя, и речка Зайчиха с пресной водой” (А).

Земля

Земля воспринимается прежде всего как почва, на которой может вырасти хороший урожай хлеба (плодородная), и пространство, где растут хорошие травы.

1 (пашня для выращивания хлеба):

“Земли Львовских хуторов еще новые, совершенно не подвергались сельскохозяйственной обработке и, судя по отличным результатам, культуры всех хлебных злаков на смежном участке – очень плодородны. Благодаря местности, удобной для землепользования, посеы занимают в этих поселках весьма видное место в хозяйстве и под пашни занято вдвое больше, чем под сенокосы. Угодья отрубов по качеству своему очень хорошие (чернозем мощностью до 1 аршина), и означенная душевая норма вполне обеспечивает хозяйственный быт засельщиков”(А).

2 (сенокосы):

“Покосы имеются только в участке №16 Ермошкин Ракит, именно в северной его части, где пятнами выкашивается низкая, сырая, солонцеватая степь, составляющая 15% всей площади участка, не пригодная к пашне как из-за присутствия солей, так и излишней влажности... Покосы залегают возле озера Голого, к северо-западу от усадьбы в урочище Сухое займище. По всем логам, за исключением южной части участка, находятся сенокосные места с густым травяным покровом, которым в данное время пользуются местные переселенцы” (А).

Лес

“...все участки, вместе взятые, представляют ровную лесистую местность... До 40% общей площади покрыты березовым средневозрастным лесом, вполне обеспечивающим засельщиков строевым и дровяным материалом. Северная часть участка представляет степную местность, вся же остальная площадь участка покрыта мешаным лесом в возрасте от 40 до 60 лет... Породы леса: береза, осина и пихта, к которым повсеместно примешиваются следующие кустарники: рябина, черемуха, калина, бузина, малина и смородина...”(А).

Подтверждают эту ценностную гамму и информативные топоконтексты:

Сначала улиц не было. Селились, как кому больше нравилось. В основном по берегам Чесноковки, потому что она давала людям жизнь. (Первом.);

*Сенной лог – там **всегда сено бывает**, даже когда высыхает в других местах. Сенная дубрава тоже – сено хорошее (Баев.);*

*Пашенный лог – пахали землю, в котором логу ничего и не вырастет, тот сухой, тот болотистый, а **в этом земля хорошая** – на юг... (Баев.).*

Глобальные понятийные сферы *вода, земля, лес* репрезентируются многочисленными топонимами, формирующими “когнитивную карту среды обитания” (Молчанова, 1998, с. 23).

Так, в сфере *вода* присутствуют лексико-семантические группы *пресная, соленая* (Пресное озеро, Соленое озеро);

в сфере *земля* – *мокрая, “сухая* (Мокрое займище, Сухая низина);

в сфере *лес* – *березовый, кустарниковый, высокий* (Березовый околок, Высокий лес, Кустарниковый угол) и т.д.

Перечисленные выше бытийные ценности как составные компоненты топонимической картины мира являются не только региональными, как уже было отмечено выше, они могут быть признаны общерусскими.

Однако каждый объект должен получить еще бытовую оценку. Уровень бытовых ценностей – это второй уровень экспликации топонимической картины мира, они могут быть признаны *вторичными бытийными ценностями*. Здесь репрезентируются иные понятийные сферы, отражающие особенности быта, специфику хозяйства (рыболовство, маслоделие, дегтярное производство и др.).

“Для разведения хозяйства переселенцам разрешается заниматься хлебопашеством, травосеянием, скотоводством, лесоразведением и другими культурными работами... Устраивать с особого разрешения Управления округа сыроваренные, маслодельные, салотопленные заводы, а также скотобойни. Кроме того, разрешается устройство гончарных и кирпичных заводов, предоставляется право устраивать мукомольные мельницы и пасечное хозяйство, смолокурни...;

Для разведения породистых лошадей, овцеводства и коневодства арендуется до 10\500 десятин земли преимущественно...;

Среди земель торгово-промышленного характера встречаются мельницы, заводы: винокуренные, пивоваренные, кожевенные, смолокурение, пристани, перевозки...; пчеловодство в хозяйстве, как населения района, так и примыкающих к нему деревень старожильского населения, играет ведущую роль. В районе имеется 51 пасека...;

...мельницы имеются почти во всех лесничествах, громадное число из них водяные, лишь за последнее время начинают прививаться паровые мельницы или же с нефтяными двигателями... пасеки составляют весьма важную статью дохода, благодаря их большому числу...;

...жители занимаются исключительно скотоводством, пользуясь для пастьбы скота роскошными черневыми пастбищами, пчеловодством, охотой на дичь, лесными работами, заработками по добыче золота” (А) и т.д.

“Чтобы жить, нужно через ГИ обозначать для себя среду обитания, исходя, в первую очередь, из практических в ней потребностей, отсюда направленный прагматизм проприальной номинации Среды обитания, в которой складывается не просто схема, а точная фотокопия активных связей и отношений человека с окружающим миром, о чем свидетельствует содержание ЛСГ, построенных из всех лексем-конституентов ГИ указанной территории. В ГИ человек вносит не только жизненный опыт взаимодействия со средой, но и внутренний мир оценок и суждений”, – отмечает О.Г. Молчанова (1998, с. 238).

Все перечисленные виды хозяйственной деятельности, не всегда обычные для старожильческих сел Алтая, находят отражение в топонимии:

За Маяком жил купец Савилов, он был богатый, и у него на Чумыше стояла мельница. Это место на Чумыше зовем Мельницей (Тог.);

По Гольцовке много было мельниц – Климова, Забродина, Говорова (Зм.);

Дегтярские околки – там до недавнего времени гнали деготь – в стороне от села (Зар.);

Пасечные ложки вдоль по дороге – там одна к другой в околках стояли пасеки (Солт.);

Золотушка – речка – намывали золота сколь-несколь – на жизнь дедам нашим хватало (Кур.).

В процессе функционирования топонимической системы бытийные ценности как бы растворяются в совокупности других ценностных факторов, поэтому целесообразным представляется создание схемы аксиологического построения топонимической системы на начальном этапе, в начальный период ее развития, становления. Впрочем, возможно и экспериментальное моделирование этой системы ценностей, однако в данном случае акцидентный фактор (например, аналогии, ассоциации –

сами по себе необходимые для формирования системы) все же может оказаться более существенным и нарушить исследование естественного процесса формирования топонимической картины мира и топонимической системы. Все означенные положения подтверждаются и изучением динамики одной отдельно взятой микросистемы. При этом ступок ценностных ориентиров находится в ядре каждого субансамбля, что подтверждается и полевыми топонимическими материалами.

Обобщая сказанное выше, констатируем, что доминирующим и основополагающим в топонимической картине мира как фрагменте сознания топонимической личности является пространственный концепт, его ментальная репрезентация и языковое воплощение. Ментальное построение пространственного образа имеет структуру, сходную с моделью топонимической микросистемы, и представляется неоднородным с точки зрения субъекта, воспринимающего мир сквозь призму ценностей своей жизнедеятельности. Поэтому ядро пространственного концепта составляет наиболее широко представленный в топонимических контекстах радиальный, или жизненно-актуальный, пространственный образ, организованный в соответствии с бытийными ценностями человека – носителя языка. Именно этот фактор определяет построение пространственных моделей в логической картине мира региональной личности, изоморфной организации топонимической системы, предложенной в данном исследовании. Это означает, что топонимическая система как экспликация образа топонимической картины мира имеет принципы построения, тождественные тем, посредством которых формируется ментальный образ пространства вообще, по которым в процессе познания топонимическая картина замещает собой и представляет в сознании человека онтологическую форму существования ландшафтной реальности. Периферию пространственного образа в

сознании топонимической личности структурирует сама топонимическая система, образуя уровень ассоциативно развертывающегося бытийного квазипространства.

ГЛАВА 3

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ОРГАНИЗАЦИИ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

3.1. Стереотипные комплексы в топонимической системе и их отражение в языковом сознании носителей языка

Многообразные явления нашего мира есть модификация некоей исходной модели, ее раскрытие, и поэтому все они могут быть строгим образом систематизированы и классифицированы, между ними возможно установить связи и соответствия, показывающие их положение по отношению друг к другу. Событийно-пространственный континуум – неразделимое существование пространства, времени и человека, живого и неживого мира, в котором они создают, поддерживают одно другое и влияют одно на другое. При этом мир воспринимается человеком как многоуровневый: неживой мир (растения, топообъекты); живой мир (животные, человек); Бог; цивилизация (как некая самостоятельная сущность). *Событийный уровень* (поле событий индивидуально в сознании воспринимающего человека, но согласуется, сочетается с другими) складывается из нескольких временных фаз: возникновение – становление – собственно существование – исчезновение. *Пространство* при этом рассматривается как форма существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся протяженностью и объемом. Человек структурирует окружающее его пространство

имеющейся у него информацией. Восприятие и представление *пространства* (как определенного фрагмента мира) у разных народов (и регионов) своеобразно по причине разности *стереотипов* восприятия. Стереотипное наложение перечисленных фрагментов приводит к синхронистичности бытийных точек, при этом точка синхронистичности импульсирует в сознании стереотипные блоки. В точке пересечения появляется тот устойчивый фрагмент представленности знаний, изменяющийся по ходу времени комплекс стандартов восприятия окружающей действительности, *который мы называем ментально-топонимическим стереотипом.*

Одним из системообразующих параметров может рассматриваться ассоциирование. Географические названия потенциально ассоциативны, активизируют ассоциативные связи с другими словами. Возбуждая “сложную систему связей”, топоним актуализирует определенные ассоциативные поля, которые формируют либо всю систему, либо ее фрагмент: “...языковая система представляется нам в виде обширной сети постоянных мнемонических ассоциаций, весьма сходных между собою у всех говорящих субъектов, – ассоциаций, которые распространяются на все части языка...” (Балли, 1955, с. 30).

Восприятие каждого названия сопровождается ассоциациями, но в отличие от апеллятивной лексики, топонимы обрастают ассоциациями, осложненными привязкой топонима к местности – пространству, и изучение только таких ассоциаций дает результат для топонимических исследований. Говорить о чувстве ассоциации в отношении топонимической системы можно только тогда, когда мы имеем дело с ориентированием в топонимическом пространстве, т.е. именно о *топонимической ситуации.* Языковой механизм, структура формирования системы при данном подходе – “опорные слова, которые сводятся в определенные ассоциативные поля” (Березович, 1999, с. 8).

Однако для моделирования несущих конструктов топонимической системы в сознании *более глубинной* является *стереотипизация*, поскольку именно стереотипы связывают единицы всех классов имен и уровней языка между собой и со сферой внеязыкового опыта, *внутренне* организуют топонимическую систему, являясь *формой ментального бытия онтологических структур*. Представляемое стереотипом знание является достоянием каждого члена определенной группы людей. *В языковом сознании личности ментально-топонимический стереотип обладает устойчивостью и воспроизводимостью.*

Понятие ментально-топонимического стереотипа пересекается терминологически с уже существующим в топонимической литературе понятием *топонимического стереотипа*, который рассматривается Л.В. Горожанкиной в структурном плане: “Под топонимическим стереотипом мы понимаем стандартизированную модель, обладающую высокой стабильностью. Процесс образования топонимического стереотипа состоит в упрочении входящих в него топонимических моделей и в объединении их в целостную систему. Сложившийся топонимический стереотип обеспечивает определенную интенсивность и последовательность, а также постоянство реакций топонимической системы на воздействие экстралингвистических факторов. Стабильность топонимического стереотипа освобождает систему от необходимости приспособляться к случайным и кратковременным изменениям экстралингвистических условий” (Горожанкина, 1978, с. 148).

Вопрос о ментально-топонимических стереотипах стоит в одном ряду с вопросом о топонимических универсалиях. В 60-е гг. В.Л. Жучкевичем была сформулирована идея “универсальной” классификации топонимов, которая, с его точки зрения, должна включить 3 исходных основания: 1) характер объекта (что называется), 2) языковые средства (как называется); 3) происхождение названия (почему называется) (Жучкевич, 1968, с. 90).

После названной работы было осуществлено достаточно много попыток создать полную классификацию, однако вопрос универсалий так и не был решен. На его сложность указывают многие ученые. Приведем рассуждение А.К. Матвеева: “Вопрос о топонимических универсалиях отличается большой сложностью. Прежде всего напрашивается членение универсалий на две группы – всеобщие, или полные – приложимы к любому типу географических объектов, так как они обозначают наиболее общие признаки, универсалии второй группы – невсеобщие, или неполные, – прилагаются только к некоторым типам объектов. К универсалиям первой группы относятся, например, обозначения величины и цвета, которые могут прилагаться к любому типу географических объектов, а к универсалиям второй группы – обозначения глубины и высоты. Кроме того, следует различать универсалии хронологически и территориально не ограниченные (ахронические и интеррегиональные) и универсалии хронологически и территориально ограниченные...” (Матвеев, 1986, с. 52).

В топонимической системе также присутствует стереотипное и творческое начало, поскольку топонимия – определенная номинативная реальность, и мы подходим к ней исходя из *существующих ментальных установок восприятия пространства*. Даже не зная объекта, никогда не бывая там, человек может дать полное описание этого объекта, его характеристику, поскольку в его сознании присутствуют патерны, позволяющие на неосознанном уровне осуществлять разного рода схематизацию.

Соотношение стереотипов и креативной деятельности топонимической личности отражает противопоставление принципа свободы и принципа детерминизма (системного – влияния топонимической и языковой системы в целом, языкового коллектива; субъективного – каждый человеческий ум систематизирует, обобщает, устанавливает причинно-

следственные связи между познанными фрагментами действительности). Сознание топонимической личности, как мы уже отметили выше, является одним из “внутренних” факторов развития топонимической системы, установка на систематизацию всегда присутствует в сознании личности, но системность – это не только умение *воспроизвести* стереотипы, но и умение *соединить* их.

Выбор признаков для образования нового названия в значительной степени предопределен и ограничен существующей системой. Имплицируемая пространством информация блокируется системой, существующей в сознании. Здесь и проявляется взаимодействием. С одной стороны, пространство создает образ объекта, с другой стороны, система центрирует сознание индивида. (Например, модель появления в топосистеме названия Сереброполь – Системные факторы: — Златополь; Форма – сложное название; Пространственный образ — ковыль, белый цвет, серебро).

Форма топонимической единицы, репрезентируя сущностные, универсальные свойства и отношения топонимической системы, может быть представлена и через ментальные категории, поскольку когнитивная структура производного слова коррелирует с его словообразовательной моделью, являющейся тем каркасом, той прототипической конструкцией, которая затем наполняется конкретным лексическим содержанием. Следовательно, учитывая при ментальном подходе центральную позицию активного человеческого сознания, мы ориентируемся на *процесс создания слова и анализ всего комплекса связанных с этим процессом условий*.

Процессы *номинации и воспроизведения, использования географических названий имеют различное распределение ролей между когнитивными и прагматическими факторами. В номинации на первое место выдвигаются когнитивные факторы* (при идентификации референта, определении его места в когнитивной системе носителя языка,

его категоризации и субкатегоризации, т.е. сопоставлении с другими членами данной категории), а прагматика нового слова кодирует *намерение* говорящего, *модалность* и *компонент интенсивности*. При употреблении же географических названий *преобладают прагматические факторы*, однако их действие ограничено результатами первоначальных процессов категоризации информации. Действия по категоризации совершаются человеком, принадлежащим к одной из профессиональных, социальных, этнических и родовых групп, и выбор подходящего названия зависит от одного из этих прагматически релевантных параметров. Далее, когда топонимы проходит процесс конвенционализации (усвоение обществом) и лексикализации (усвоение системой языка), оно впитывает в себя дополнительные прагматические черты контекста его повторного употребления. Однако когнитивные факторы также активно вовлечены в процесс конвенционализации. Значение названия инферируется в соответствии с уже существующими в когнитивной структуре стереотипами, ситуационными моделями, т.е. *носитель топонимикона ищет подходящий стереотип, в который необходимо интегрировать новую информацию*. В основе ситуационных моделей лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, как в ментальных моделях, сценариях и фреймах, а *личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции*.

Творческое отношение носителей языка проявляется в осознании мотивированности онимов, вычленении их внутренней формы. Восприятие топонимов осуществляется по некоторым устойчивым параметрам, *через восприятие и оценку топонима репродуцируется процесс номинации*.

Различие номинативного плана и плана восприятия отчетливо представлено в приведенном ниже фрагменте: *Крутиха, Бурла, Чуманка,*

Разбойная, Шелаболиха, Суетка, Панкрушиха и все рядом — что в них общего? Есть что-то. Смотри: крутить, бурлить, чумной, разбойный, шелаболить, суетиться, крушить — все какая-то сила природная, стихийная, значит местность там такая или природа так делает. А как бы еще их назвать, если бы другая была какая характеристика? (Я.Е. Кривоносов, 67 лет).

Та часть названий, которая мотивирована *на уровне реалий*, имеет тенденцию подчиняться, как и всякое мотивированное имя, общеязыковой системе в целом:

Участок *Дресвянка* – почвы серые суглинки с желтоватым оттенком, по хребтам грив в почве *дресва...*;

Участок *Каменка* – водораздельный хребет с системой реки Каменки, высокий, крутой, по гребню *камень*, к использованию не пригоден, составляет наибольшую часть неудобных земель на участке ;

Участок *Сосновка* – река *Сосновка...* Насаждение – не густой, молодой *сосняк* и куртинами – березник ... Лес мешаный, преобладают хвойные породы: сосна, пихта...;

Горький участок – расположены *горько-соленые* озера Чункурсор и Тассор;

Урочище *Соляное* состоит из неудобных земель, есть *солонец*, солонцеватая степь, расположенная пятнами по участку и около урочища *Соляное...* Это обстоятельство стоит в связи с легкой солоноватостью воды, на дне этих озер накапливается пропитанный сероводородом и сернокислыми солями ил (башпак), который при ловле рыбы неводами взмучивает и отравляет воду, а вместе с тем и рыбу...” (А).

Не мотивированные реалиями названия подчиняются исторически сложившимся *номинативным стереотипам*, т.е. принципам выбора признаков и отношений, полагаемых в основу топонимов:

Ведерниково поле – *хозяин Ведерников жил*;

Беспалова протока – Беспалов косил и т.д.

Исследование топонимического материала в антропоцентрической парадигме предусматривает рассмотрение круга вопросов, связанных с *современным функционированием наименований и их ролью в общении людей, с восприятием имени*, при этом за рамками рассмотрения остаются проблемы истории и этимологии названий. Для использования названия восприятие этимологических соответствий не актуально, актуален вопрос о том, какое *содержание реально воспринимается членами данного коллектива*. В восприятии наименования основную роль играют событийно-континуальные факторы, поскольку картина мира, существующая в сознании человека, — это и активное восприятие, включающее в себя действия субъекта, обусловленные представлениями о мире, т.е. “содержит элемент двусторонности: мир воздействует на человека, а человек в соответствии со своим восприятием мира строит свое поведение в нем” (Лурье, 1997, с. 114).

Ясность внутренней формы необязательна для функционирования географического названия, что приводит к ее постепенной утрате. При таком анализе исходят из звучания и семантики названия, причем последнее не есть этимологическое значение – здесь имеется в виду то, *как население понимает и воспринимает имя*, независимо от соответствия или несоответствия данного понимания первоначальному значению слова (что может совпадать и не совпадать). Для пользующихся данным названием людей *первоначальная форма и прошлое семантическое содержание не обязательно являются реальностью*. Собственные географические названия несут информацию гораздо более важную, чем их этимологическое значение, но эта информация может быть воспринята лишь на основе “фоновых” знаний. Событийно-континуальное (или экстралингвистическое, энциклопедическое) значение – это все, что известно информанту о географическом объекте, а поскольку топонимы

ориентированы на внеязыковую действительность, им свойственна повышенная экстралингвистичность, топоним как бы представляет *образ объекта в нашем сознании* (Барнаул - краевой центр, Гальбштадт - немецкое село, Бобровка - находится за рекой Обь и т.д.). “В акте коммуникации, в котором присутствуют онимы, говорящий и слушающий должны обладать общим знанием культурного фона онимов, который могут составить сведения о происхождении (национальное – иноязычное), физическом характере реалии (река, гора, озеро, овраг и т.д.), сфере употребления (официальная – неофициальная), времени возникновения (новое – старое) и т.п.” (Молчанова, 1998, с. 226).

Процесс восприятия топонимов, как указывалось выше, двусторонний: с одной стороны – влияние топонимической системы (устойчивый ментально-топонимический стереотип), с другой стороны, действует так называемый апеллятивный синдром (стремление к мотивационной прозрачности). Ниже приводятся топонимы, которые зафиксированы в документах Государственного архива Алтайского края начала XX в. и в полевых материалах топонимической картотеки кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета.

Такое сопоставление дает возможность выявить и сфокусировать номинативный и ментально-топонимический стереотипы.

Заметим при этом еще раз, что *номинативный стереотип ориентирован на номинацию, на позицию говорящего; ментально-топонимический стереотип существует с позиций воспринимающего.* Изучение соотношения этих стереотипов – очень важная задача, поскольку это как раз и есть *реальное взаимодействие онтологического и ментального бытия топонимической системы.*

Когнитивная картина мира отличается по мере отдаления от точки номинации. *Чем ближе ситуация номинации (топонимическая ситуация), тем более высвечен номинативный стереотип, тем более он приближен к*

ментально-топонимическому, Топонимическая система Алтая – молодая топонимическая система, поэтому уход от номинативного признака очень незначителен, и при полном анализе материала возможно выявление динамики языкового сознания, т.е. движения от объективистского отношения к модели восприятия.

Поскольку жители всегда стремятся к максимальной ясности внутренней формы имени собственного, употребляемого ими в топонимической системе, в топонимическом контексте, то всякий топоним членится на компоненты. В ряде случаев ведущим мотивом в восприятии топонимов является его звучание — пос. Ащигуль – *Первый казах Ащин*; река Чуман – *первые поселенцы ставили чумы*. Однако “узнаваемые” части вычленяются не только в топонимах нерусского происхождения, но и в тех, которые содержат не известные жителям апеллятивы.

Например, поляна Вишвка — (А): “В проект земельного надела крестьян села Михайловского входит поляна Вишвка, находящаяся среди Мало-Гатского и Северного боров... на этой поляне находится озеро Вишвочное..., озеро Вишвочное слилось с горчиною, и до 1910 года они составляли одно озеро...”; “...с начала июня вода зацветает, а к середине июня изобилует массой насекомых и личинок, по местному отзыву, “вишвеет” и становится негодной в употреблении, приносят воду из Борового озера за 2,5 верст”; Совр.: Поляна Вишвка – что ли там какие-то виши были, может, овцы вишвые сгонялись на ту поляну;

место Остожье — (А): “каждое хозяйство раньше имело свое остожье, вокруг которого земли были исключительно в пользовании этого хозяйства”; Совр.: На этом месте всегда стога ставят, а зимой увозят на санях;

Летовошное озеро — (А): “Некоторые киргизы, живущие в степной полосе, могут быть отнесены к числу оседлых жителей, с некоторыми, правда, особенностями: многие из них все еще имеют зимовки и летовки

и заняты, главным образом, скотоводством, впрочем предпочитают держать скот на подножном корме в течение всего года”; Совр.: *Летовошное озеро возле Табунов, казахи жили, вроде Летов какой-то казах был;*

Полуямки – поселок — (А): “Большинство смолокурен представляют из себя небольшие ямы, *полуямки* или маленькие котлы...”; Совр.: *Поселок Полуямки находится на кочковатой местности, сплошь кочки да ямы;*

участок Чертеж (раньше поселок Чертеж) (чертеж – участок леса, предназначенный под вырубку) — (А): “Расположен участок Чертеж на краю поля, возле оврагов”; “Участок Чертище (Чертеж) с малой растительностью, небольшими куртинами кустарники”; Совр.: *Никакого понятия нет, почему Чертеж, может черт какой, но это маловероятно;*

околок Кукуй (Кокуй) (раньше – поселок Кукуй) (кокуй – выселок) — (А): “Поселок Кукуй образован на участке Кукуй, неподалеку от село Малошелковниково”; Совр.: *Околок Кукуй. Место в околке, где было много кукушек; Дорога Кукушка ведет вокруг болота, пока выйдешь – накукуешься.*

В ситуации стремления к мотивационной прозрачности в сознании местных жителей изначально антропонимные названия связываются не с фамилиями поселенцев, а претерпевают народно-этимологические сближения с другими словами, в результате чего осуществляется попытка найти исходный известный апеллатив.

Например, *поселок Свистуново* (А): “Свистунов Павел Андреев”; — Совр.: *Паровой котел на мельнице стоял, свистел;*

поселок Кочетки — А): “Кочетков Сергей Иванов”; Совр.: *Кочетов здесь много. Поют по утрам – будят. Да так громко; когдаходишь к селу, всегда куры кудахчут;*

Филин камень – место — (А): “Аверьянов *Филимон*, Иван, Григорий”;
 Совр.: *Филин камень – охотник убивал там филина*;

Русаково озеро (озеро Русаки) — (А): “...На краю участка колодец хозяина – арендатора *Русакова*...”; Совр.: *оз. Русаки – может быть, зайцы водились; наверно русаков много*;

Солдатова заимка — (А): “В деревне Солдатовой три семьи *Солдатовых*”; Совр.: *На этой заимке участок, там останавливались солдаты на учения*;

озеро Калачики — (А): “Алексей Иванович *Калачиков* на заимке Ячменюха...”; Совр.: *Это озеро по форме напоминает калачики – круглое*;

поселок Ложкино — (А): “Косихинская волость. Федор *Ложкин*”;
 Совр.: *И озеро там Ложкино, по форме ложки; В этом селе ложки делали*;

пос. Конюхи — (А): “...крестьянина села Борового Форпоста Александра Денисова *Конюхова* (общество Форпостовское)”; Совр.: *Что ли там коней держали для военных, база была*;

река Шумилиха — (А): “*Шумилин* Егор, Федор”; Совр.: *Шум большой был, как с Крюкова выселяли, не хотели*;

Коновалиха – лог — (А): “Участок поселенца *Коновалова* Игнатия”;
 Совр.: *Коновалиха – крутой лог, ехать по боку склона – лошади падали. Коней валит набок*;

Петухи – поселок — (А): “заимка *Петухова*”; Совр.: *Стало называться село Петухами по случаю: ехал богатый купец в соседнюю губернию и проезжал как раз через эти места, услышал петушиный крик и заехал в этот разъезд, а до этого разъезд не имел названия*.

Под влиянием наиболее частотного антропоцентрического ментально-топонимического стереотипа происходит противоположный процесс – восприятие как отфамильных названий другого плана. Антропонимность в

сознании – связь с человеком, антрополокальное единство – главное, что способствует соединению географического объекта с антропонимом, а через него – с человеком. Иногда эта связь является явно *ситуативной, сиюминутной, разовой* (придуманной):

Поселок Убиенный почему так прозвали – а слухами пользовался, сам я не знаю, что какой-то Убиенный туда заезжал, так по фамилии...;

Поселок Яровской: Яровской ключ и увал под ветер деревни, а прозвали деревню так, что приезжал мужик, он зимовку поставил, его фамилия Яровской;

Таловка: наверно, какой-то Талов заселял;

Тополев ключ называется так, потому что там Тополев лог имеется, а Тополев лог – мужик жил Тополев там, вот и прозвали;

поселок Белый: Говорят, первый крестьянин по фамилии Белый;

село Луговское: Первый из России Луговской приехал, по нем и назвали.

Определение реального набора стандартов – стереотипных блоков, вычленимых языковым сознанием, позволяет моделировать компоненты современной топонимической картины мира и структурировать организующие механизмы топонимической системы.

3.2. Стереотипные комплексы в топонимической системе Алтая

Универсальной классификации топонимов, принятой топонимистами всего мира, как мы отмечали выше, нет, и проблема ее создания остается

актуальной, универсальной классификации стереотипов, очевидно, тоже создать невозможно, поскольку единство языкового сознания состоит в одинаковости *принципиальных* критериев оценки, присущих языковому сознанию говорящих и пишущих на данном языке. *Конечная классификация стереотипов невозможна*, как невозможно конечное познание действительности. Оно всегда на данный момент конечно и бесконечно, предельно и беспредельно.

Вслед О.Т. Молчановой, которая отмечает, что “когнитивная карта среды обитания... создается, в первую очередь, с помощью единиц языка, репрезентирующих такую глобальную понятийную сферу, как “Человек”,... “Живая и неживая природа” и т.д. (Молчанова, 1998, с. 238), мы считаем возможным выделить в топонимии Алтая следующий ряд наиболее продуктивных, функционально сильных стереотипных комплексов, организующих топонимическую систему. Это стереотипы:

- 1) антропоцентрический;
- 2) временного соположения;
- 3) пространственного соположения;
- 4) отражения внутренней структуры.

Антропоцентрический стереотип реализуется чаще всего через модели отантропонимного суффиксального образования. Это связано с непосредственной закрепленностью хозяйственно важных географических объектов (как переселенческих участков на начальном этапе заселения региона, так и участков, пригодных для заготовки дров и строительных материалов, выпаса скота, посева злаков и других культур) за их хозяевами.

Стереотип *пространственного соположения* определяет положение одного географического объекта относительно другого. Ограничение на образование географических названий этого типа – гиперстереотип, допускающий одноименность смежных разнотипных объектов, но

разноименность смежных однотипных объектов. Стереотип пространственного соположения может оформляться при помощи топонимической конверсии (чаще всего – переносом названия с гидрообъекта на смежные с ним объекты). Названия, входящие в данный стереотип, отражают объективные, нейтральные свойства пространства.

При реализации *стереотипа отражения внутренней формы* в основе топонима лежат конкретные физические признаки именуемого объекта, такие как цвет, форма, размер, флора, фауна, характер почвы, температурный фактор, количество влаги и др., которые в конечном итоге определяют пригодность объекта к хозяйственному использованию.

Стереотип *временного соположения*, как правило, реализуется в микротопонимии шире, чем в топонимах. В последнем классе названий он используется в основном в ойконимии и отражает событие, с которым связан именуемый объект: возведение церкви, переселение; хозяйственная деятельность жителей села и т.д.

Не ставя целью представить полную схему стереотипизации топонимии Алтая, на приводимом ниже материале мы развиваем исходные теоретические положения, которые нами заявлены., *попытаемся определить соотношение номинативного и ментально-топонимического стереотипов на некоторых фрагментах русского топонимического материала региона.*

3.2. 1. Антропоцентрический стереотип в топонимической системе.

К числу наиболее представительных в количественном отношении и ценных в культурно-историческом аспекте относится антропоцентрический стереотип, ибо “...все в этом мире приобретает

значение, смысл и ценность лишь в соотношении с человеком, как человеческое. Все возможное бытие и весь возможный смысл располагаются вокруг человека как центра и единственной ценности...” (Бахтин, 1986, с. 509).

Центральное место в языковой картине мира, в культуре народа занимает образ человека. Это не случайно, поскольку человек – активный элемент формирования собственного бытия и бытия мира. Какое-либо разделение между миром и человеком проводить нельзя, и оно недопустимо, потому что мир и человек изначально сотворены один для другого и в каждом из них заложено начало и исток другого. Образ человека является важным фрагментом топонимической картины мира, и попытка моделирования на топонимическом материале позволяет глубже понять специфику национального сознания: отношение к религии к себе подобному и к обществу (структура концепта “человек” по Ю.С. Степанову).

Связь “человек” – “место” у того или иного народа не является случайной. Традиционно эта связь рассматривается как отражение хозяйственно-экономического уклада, общественных отношений. Каждый из регионов имеет свои особенности социально-исторического развития, поэтому причины проникновения фамилий, имен и прозвищ в топонимическую систему различны. Но дело не только в общественном укладе и специфике истории заселения. Вполне закономерно, что главным критерием является общественно-экономический фактор, однако не последнюю роль при этом играет языковое сознание жителей, которое, в свою очередь, определяется *спецификой восприятия окружающей действительности*. При этом среди категорий, характеризующих познавательную деятельность, в первую очередь необходимо отметить пространственное ориентирование познавательных актов относительно субъекта – человека. В парадигме отношений “человек” – “система”

первичными являются отношения *человека* с окружающей средой. Связь человека и места настолько сильна, что *можно говорить о некоем антропоцентричном слое в топонимической картине мира*. Человек “не только принял предлагаемые природой обстоятельства и адаптировался к месту настолько, чтобы удержать ряд существенных параметров в определенных пределах, но и сумел от адаптивной формы своего бытия перейти к активизму, к “осваивающе-захватнической” деятельности... Быть только объектом окружающей природной Среды для человека было мало: в той мере, в какой человек полагал свои цели, действовал в соответствии с ними и изменял Среду в своих интересах и в свою пользу, он выступал и как субъект этой Среды” (Топоров, 1993, с. 39).

Всякое топонимическое пространство можно рассматривать как результат совокупной, навстречу друг другу устремленной деятельности человека и природы. В топонимической картине мира отражается “человеческая доминанта”, отсюда и – антропоцентричность результатов этой ономатетической деятельности. Многие десятки названий топографических объектов отсылают к человеку, к людям, находящимся по обе стороны акта имянаречения, ранее его – основатели, родоначальники... и позже его – жители данного места... отдельные персонажи, прославившиеся здесь...” (Топоров, 1993, с. 40). Высокий “антропный” коэффициент этих названий на общем топонимическом фоне является универсальным.

“Все эти виды языковой соотнесенности места и персонажа и лежащий в ее основе ономатетический принцип не только дополнительно “гуманизируют” (очеловечивают) пространство, но и реализуют в “языке земли” то единство места и человека, взаимопроникновение локального и антропного и равновесие этих начал в целом...” (Топоров, 1993, с. 43).

Обжитость пространства человеческими элементами на топонимическом уровне представляется преобладанием антропонимных

названий на всех уровнях топонимической системы и во всех регионах, и это должно быть признано общей характеристикой русских топонимических систем, в том числе и русской топонимической системы Алтая.

Антропотопонимы встречаются в топонимических системах всех регионов, поэтому топонимисты, давая лексико-семантическую, словообразовательную и иную характеристику топонимии или выявляя принципы номинации, всегда выделяют группу топонимов, отражающих связь с человеком. Топонимическую номинацию этого типа можно отнести к топонимическим универсалиям. На этот же факт указывала и И.А. Воробьева, анализируя ойконимию Алтайского края (Воробьева, 1983, с. 137– 158). К таким же выводам приходит и автор при изучении русской ойконимии Кулунды (Дмитриева, 1988б, с. 66) и при исследовании различного типа топонимических микросистем Алтая как компонентов региональной языковой картины мира (Дмитриева, 1998д, с. 156–159).

Отметим тот факт, что “во всех без исключения микросистемах Алтая связь микропонима с антропонимом для жителя данного села очевидна” (Дмитриева, 1998д, с. 158). По нашим подсчетам, на Алтае в настоящее время функционирует 52% ойконимов, отражающих связь с человеком, и тысячи названий официально исчезнувших сел, но функционирующих в топонимической системе в устном варианте.

Так выглядит топонимическая ситуация в сознании жителей:

Начали в губернии давать названия селам. Спросит:

– Как тебя звать? Александр.

– Будет твой участок Александровка;

Один из основателей – Коханов Михаил – поставил ведро водки и назвали Кохановка;

Был сбор села и решали, как называть, кому где поселиться: кому за озером, кому на этой стороне, голосовали или кричали, кто кого перешумит... организовал переселение Макаров, решили – быть Макаровке... ;

Люди сами давали названия и селам и улицам. Сами решали, как что назвать. Тятя рассказывал, что, когда приехали, в документах было написано “занять участок такой-то номер”, а взрослые мужчины решали, как звать. Если уважаемый человек, по его фамилии называли, или по озеру, или как. Но голосовали, собирали собрание, по-старому сход. А уже потом оформляли документы и посылали утверждать имя. У нас в районе и в Баевском, и в Табунах, как я знаю, так называли... а реки и озера? Они уже были названы, имели имя...

Событийно-континуальный фактор преобладания антропооиконимов – русская топонимия Алтая имеет “селенческую” и “владельческую” направленность (термины А.В. Суперанской). Несущими компонентами антропоцентрического стереотипа являются *смысловые блоки*:

- первый поселенец;
- владелец;
- царская династия.

Остановимся на них более подробно, представив онтологический аспект (подтверждаемый историческими документами) и ментальный (отражающий восприятие ситуации жителями).

Первый поселенец

Архивными данными подтверждается (XVIII в.): деревня Тюменцева (Кулундинская слобода) – Петр Алексеев Тюменцев, сыновья: Елисей, Осип, Иван, брат Петра Григорий Алексеев Тюменцев, сыновья Григория: Иван, Михаил, Лаврентий, Егор;

деревня Заковряшина (Чарышская слобода) – Марко Заковряшин;

деревня Беспалова (Барнаульская слобода); Яков Васильев Беспалов, дети его Иван, Михаил, Дмитрий ;

деревня Залесова (Чумышская слобода) – Иван Иванов Залесов, братья его: Акинфий, Григорий, Ерофей .

В Чумышской слободе отмечена группа названий, в основе которых фамилия Титовы и имена родственников: деревня Дмитро-Титова – Иван Дмитриев Титов, деревня Ларионова-Титова – Ларион Титов, Евдокимова-Титова – Евдоким Титов, Семенова-Титова – Семен Титов.

Подобная ситуация продолжается и в первой половине XIX в.:

деревня Полковникова (Белоярская волость) – Петр Афанасьев Полковников, Степан Никифоров Полковников; деревня Баюнова – Павел Семенов Баюнов;

деревня Казакова (Бийская волость) – Дмитрий Григорьев Казаков, брат Дмитрия Варфоломей (А).

В некоторых селах до настоящего времени сохранились фамилии, которые положены в основу названия: Тюменцевы, Залесовы, Беспаловы, Заковряшины и др.

Как правило, первым поселенцем являлся человек уважаемый, известный, потому что он выбрал это место для поселения: *Как приезжали – все поселки по фамилиям называли, вроде как в память или в благодарность – вот Рубцовск город ведь тоже по Рубцову назван, и не семьей даже, а как первый ходок, он говорил – найти местность дело трудное, но одно условие – назвать поселок моим именем, так сход и решал – мы еще малые были, но наши отцы все помнили.. хоть и трудности здесь большие были* (Зав.)

Это был человек, как правило, грамотный, что для переселенцев Алтая начала XX в. было редкостью (переселялись большей частью бедные крестьяне, не имевшие возможности получить какое-то образование и даже, как свидетельствуют документы, не умевшие писать):

Село называлось Мысы, потом из Киприна приехал первый поселенец Евстафий Завьялов. Ему было 46 лет, он умел читать, писать, лечить коров. Земляки уважали его, шли к нему за советом, даже приезжали из других сел. Говорили: “Поехали к Завьялову”. Так и стали называть село Завьялово” (Зав.);

Записывали желающих, и те переезжали, каждый ломал свою постройку и перевозил в Макаровку. Назвали село потому, что инициатором переселения и первым переселенцем сам был Макаров, мужик мастеровой, грамотный...” (Ключ.).

Характеристика “большое количество фамилий” часто реально пересекается с данным блоком. Топонимическая ситуация воспроизводится самими жителями:

Первые в селе были Ожогины, Тукоевы, Овечкины. Собрали сход – решать, как назвать . Все кричат , каждый – свое “Ожогино, Тукоево, Овечкино”. Овечкиных больше было, погорластее, перекричали всех, вот Овечкино и назвали (Зав.);

Знаю такую деревню одну. Мой дед переселился, а отец еще помнит, и я знаю, названа она потому, что помещица была такая, она своих всех крестьян за свой счет перевезла из... Она их здесь всех поселила, землю выкупила, крестьян своих не била, потому и назвали деревню в честь ее – Антаевка, но зовут и Александровкой (Рубц.);

Алексеевка названо по имени, был, наверное, какой-то известный человек, в честь его и назвали (Петроп.);

Паутово – там много фамилий Паутовых, в честь их и назвали (Петроп.);

Я вот в Ивановой живу. Здесь Ивановых была раньше тьма. Что ни двор, то все Ивановы (Зм.).

Владелец

Принято считать, что для русского сознания преобладающим является рассмотрение человека как члена определенной социальной группы с присущими ему особенностями внешности, характера, поведения, поступков, а также внутреннего мира.

На Алтае помещичьего землевладения не было, количественное преобладание этого блока (66%) связано с образованием заимок: “заимки образовывались в Сибири в связи со стремлением отдельных крестьян уйти из общества в поисках свободной земли”; “заимки не представляют собой чего-нибудь исключительно присущего Алтайскому округу. Эта форма хозяйства вызвана самой жизнью и для многих удаленных, еще мало населенных мест, – это единственно пока целесообразная и возможная система земельной эксплуатации” (А). Заимочное хозяйство почти всегда связано со скотоводством, а в больших селах понуждала к этому отдаленность угодий, заставлявшая переносить жилище ближе к пашне и сенокосу. В некоторых случаях играли роль и религиозные мотивы, так как среди заимочников было много старообрядцев: деревня Стукова заимка (Шадринская волость), деревня Феклистова заимка (Белоярская волость), деревня Дорогина заимка (Легостаевская волость) (А) и др.

Почти все поселки образовывались из заимок, где первоначально селились по 1–2 домохозяев, а впоследствии к ним приселялись другие. Например,

“Участок Куратовский. В имеющихся на участке колодцах крестьянина Куратова вода найдена на 8–10 аршинах. Участки Ускачевский и Булыгинский одного характера... на участках имеются пашни и сенокосы проживающих на них арендаторов Ускачева и Булыгина; участок Архиповский – на участке живет один арендатор Архипов;

...участок Яковлевский – в колодце на заимке крестьянина Яковлева вода очень обильная;

...крестьянин Пензенской губернии Михаил Маркелов Костин поселился на участке, который впоследствии назван Костиным Логом ;

Разрешение на поселение давалось управляющим имением – Бартен, в честь него переселенцы называли поселок Бартеновкой – пос. Бартеновка; Ивановка — Илье Емельянову Шипулину с сыном Иваном и остальным семейством дозволяется перечислиться и заселиться в новую деревню Ивановку, Алейской волости;

...заселок при урочище Куяушка, деревня Полтава (у Душных озер), заселок при урочище, где была заимка крестьянина Симона Назарова, заселок при урочище Родина” (А).

Указанный стереотип **устойчиво представлен в сознании жителей, в их восприятии:**

Гилевку так называли, потому что первый тут Гилев пришел из России, заимку нанял, от него пошел Гилев лог, а потом село Гилевкой называли; Антоновка – названа в честь зажиточной семьи Антоновых (Петроп.);

Околок Кировский – по фамилии владельца (Баев.);

Было дело, как вам сказать, отрубями. Из России приезжали – кому отруб дали, того давно уже нет, а место зовется Афанасьева грива по имени. Афанасий там работал, Герасимова грива была, Герасим зажиточный был, Илюхина грива по Илье называется, хозяин раньше был Илья (Тог.);

Кто владел логами, так и называют. Корниловы лога, Бобков лог, Самойлов, Семенов, Шахов лог, Зинков; пашню держал (Ельц.);

Воробьев лог – наверняка здесь Воробьев какую-нибудь заимку держал, где скот стоял, пашни были (Алт.);

Названий, конечно, много. Разные. Обычно у нас называют по тому, кто первый там селился, заимку или пасеку имел там (Алт.);

А названия у нас так и дают: если, значит, Пашин лог, то какой-то Пашин жил, если Козлов лог – то Козлов. Просто так не назовут (Солон.).

Царская династия

Во второй половине XIX в. на Алтае, наряду с другими названиями, появляется большое число однотипных названий: Александровка, Алексеевка, Николаевка, Романовка и пр., причем некоторые из них встречаются в нескольких волостях, вряд ли можно появление таких названий связывать с фамилиями или именами переселенцев (часть таких названий – перенесенные из европейских губерний). Устойчивость этого типа названий, распространенность в разных регионах заставляют искать иные пути именованья, связанные с царской фамилией;

“...крестьяне вновь образованного сельского общества ввиду исполнившегося 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ 2 желают назвать новую волость Александровской, поселок Александровкой 5 августа 1911 года”(А);

“...волостной сход Барнаульского уезда 20 февраля возбудил ходатайство о переименовании Литвиновской волости в Романовскую в память 300-летия царствования дома Романовых... Общее присутствие постановляет Литвиновскую волость переименовать в Романовскую, а поселок Литвиновка в поселок Романовка... 8 марта 1913 года” (А);

“Государь император на всеподданнейшем докладе МВД ходатайства крестьян Поперечно-Искитимского сельского общества о переименовании села Поперечный Искитим в честь его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича в село

Алексеевское собственноручно соизволил начертать “Благодарю и согласен“(А);

“7 января 1898 г. Господину Начальнику Алтайского округа... Вследствие ходатайства крестьян Жуланихинской волости, Барнаульского округа означенная волость согласно распоряжению Министерства императорского двора и Внутренних дел, основанному на Высочайшем повелении 6 ноября 1897 г. *переименована в “Маршинскую” в честь вдовствующей императрицы Марии Федоровны* (выделено нами. – Л.Д.)” (А);

“...ввиду исполнившегося 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости Императором Александром II желают назвать новую волость Александровскою... Решение: образовать из 12 селений новую волость под названием Александровской... 5 августа 1911 г.” (А).

Этот перечень можно продолжить. Едва ли такую связь ойконима с царской фамилией можно назвать случайной. *В переименовании, даже самом объемном, стремительном, не следует снижать роли коллективного языкового сознания.* Переименование часто идет с учетом мнения сельского общества (коллективизм – особенность русского менталитета) , яркий пример тому – наименование села Александровка Чумышской волости (топонимическая ситуация восстановлена по архивным документам), где в качестве одного из аргументов несогласия с названием местности Парамонов Лог жители села говорят о “неизвестности”, “незнаменитости” предложенной им в качестве ойконима фамилии.

В сознании жителей *параллельно сосуществуют все блоки*, частотность их может меняться, но удивительная “вековая” (с конца XIX в.) и даже “двухвековая” (с конца XVIII в.) устойчивость не только ойконима уже исчезнувшего села, а основных параметров топонимической ситуации может быть объяснена высокой степенью присутствия в сознании

индивида и коллективном сознании этой связи с человеком. Для функционирования антропотопонима в системе важна связь “человек – имя – место”, то *антрополокальное единство*, о котором мы говорили выше, поскольку каждое название, даже ойконим, может реализовать свои потенции только в пределах микросистемы или близких микросистем (субансамблей). Итак, можно говорить о наличии представленной смысловой доминанты в топонимической картине мира.

3.2.2. Связь пространств в топонимической системе.

Алтайский край, как известно, является территорией позднего заселения. Начавшийся активно в XVIII в. процесс переселения на Алтай жителей европейских губерний был завершён только в 1911 г. Наибольшее количество переселенцев, как показывают исторические данные, прибыло на Алтай в конце XIX – начале XX в. В период с 1897 по 1916 г. население Алтайской губернии возросло более чем в два раза, на что указывается, например, в отчетном докладе по итогам сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Сибири: “Что касается вопроса о движении населения, то некоторые представления об этом даёт сравнение данных о населении 1916 года с результатами переписи 1897 года. Из этого сравнения видно, что наиболее сильно возросло население... Алтайской губернии – 115%” (А). С 1907 по 1911 г. в Алтайский округ переселилось около 500 тысяч человек, т.е. более половины переселенцев, прибывших сюда в 1884–1911 гг. В этот период в переселенческом движении на Алтай приняло участие около 60 губерний, но более всего прибывало переселенцев из южной и средней полосы России, а также с Украины и Белоруссии: Курской, Орловской, Тульской, Тамбовской, Калужской, Самарской, Екатеринославской, Киевской, Черниговской, Могилевской, Минской, Смоленской, Витебской, Волынской губерний. Совершенно очевидно, что

такой поток переселенцев в короткий период времени не мог не оказать существенного влияния на формирование русской топонимической системы Алтая.

В своих работах мы уже указывали ранее на наличие перенесенных ойконимов в западной части Алтайского края (Дмитриева, 1986, с. 49–50), на появление параллельных названий результате переселенческого движения (Дмитриева 1997, с. 58–61). В настоящее время изучены документы, в которых зафиксированы названия переселенческих участков территории современного Алтайского края, и это позволяет сделать некоторые обобщения. Проанализировано 4,7 тысяч названий, извлеченных из материалов Государственного архива Алтайского края (см. Список источников).

Обычно анализ итогов переселенческого движения ограничивается констатацией появления перенесенных ойконимов. В некоторых исторических работах встречаются замечания о том, что на Алтае возникло огромное количество поселков с необычными для Алтая названиями. “Появились совершенно необычайные названия поселков: Мариенбург, Денгоф, Фризенгаз, где прочно обосновались немецкие колонисты-земледельцы из южных губерний России с культурным укладом жизни и приемами хозяйств” (Очерки... 1925, с. 24).

Обширная группа ойконимов Алтая указывает на прежнее место жительства переселенцев: поселки Украинка (Украинский), Кострома (Костромской), Курск (Курский), Самара (Самарский), Саратовка (Саратов, Саратовский), Тамбовский, Таврический, Черниговский, Харьковский, Киевский, Екатеринославский, Херсонский. В целом же путем перенесения наименований с прежнего места жительства на Алтае образовано около 20% ойконимов, причем основная доля этих названий приходится на степные районы Кулунды – западная часть Алтайского

края. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что именно степные районы Алтая заселялись компактно в конце XIX – начале XX в.

Появление перенесенных с другой территории ойконимов – логичный результат всякого процесса переселения. Основная причина – стремление переселенцев сохранить прежнее название села, но, как верно отмечает Т.А. Аниканова, “...нельзя ограничиться учетом ностальгических эмоций людей, которые дают старые названия новым территориям... необходимо признать, что перенос названий, связанных с языком и его носителями, является средством языковой, социальной и культурной идентификации определенного человеческого коллектива, не является минутной прихотью, случайностью, а закономерное проявление преемственности культуры” (Аниканова, 1980, с. 53).

С позиций географического детерминизма определяющее значение в историческом развитии культур играют природные условия. В соответствии с образом своей жизни на разных этапах развития человек выбирал места проживания с различными природными условиями: время, способ и интенсивность заселения какой-либо определенной территории в известной мере связаны с типами ландшафта, характером растительности и почвы. “Весьма важную роль в возникновении поселков сыграло безусловно разрешение переселения в Алтайский округ в 1865 году, хотя несомненно, некоторые поселки существовали и ранее. Это разрешение, имевшее в виду необходимость заселения громадного по пространству, но бедного населением края, привело к тому, что на Алтай направились группы переселенцев из разных районов Европейской России и подыскивали свободные места для поселения. Вся политика устройства переселенцев была основана на том, чтобы предоставить *самим переселенцам право находить удобные места для поселения и самим именовать поселок* (выделено нами. – Л.Д.). “ (А).

“В известной степени “передвигаются” и “неподвижные” города, горы, реки, ибо память о первой родине заставляет “переносить” ее дальше, по мере следования пути, в ее предполагаемом конце. Родину нельзя унести “на подошвах башмаков”, но ее имя можно взять с собой, спрятать его (и,значит, родину) в своем сердце и им наречь первый клочок твердой земли, показавшийся надежным и окончательно выбранным, и тем самым ономастически восстановить общие очертания родины и получить надежду переживания своей “старой” родины на чужом “новом” месте”, - замечает В.Н.Топоров. (Топоров, 1993, с. 48). В топонимии Алтайского края определенную часть таких названий, связывающих в сознании переселенцев пространство “первой” Родины и “новой” Родины, составили ойконимы, прототипы которых находились на территории Европейского региона. Определенные районы Сибири были закреплены за отдельными губерниями России. Выходцы из этих губерний расселялись только в строго ограниченных районах: “поселки раскинуты по всему пространству Алтайского округа, имеются во всех естественно-исторических районах его, захватывают в сферу своего влияния и степь, и лес, и горы, и холмы, и реки, и озера... По своему положению в округе поселки могут быть объединены в три основные группы. Одни поселки (и таких большинство) расположены среди черневых лесов или же в пределах боров... другую группу составляют поселки, расположенные в степных местах... третья группа занимает среднее место, поселившись между лесом и степью...” (А).

Переселенцы *сами принимали решение о сохранении имени своего родного села*, что подтверждается архивными документами: “28 сентября 1908 года. М.Ф. Дорохов доложил, что ходоки и сопровождающие агенты земств просили о соединении №№ 23, 24, 29 и 38 с 71, 123, 124, 119, 120 в один участок ввиду того, что эти группы участков заняты односельчанами и *они решили назвать их по названию села на их родине...* (выделено

нами - Л.Д.). Комиссия, заслушав это, постановила соединить все означенные группы участков” (А).

Для выявления достоверности переноса ойконима был проведен сопоставительный анализ полного списка населенных мест Алтая за 1907–1914 гг. и списков населенных мест Европейской России и Украины конца XIX в.; использованы архивные данные по заселению региона, в частности, выявлены места выхода переселенцев. Значительные данные получены из “Анкет сельскохозяйственной переписи 1918 года”, в которых указаны фамилии поселенцев, регион выхода, время обоснования в селе; учтены замечания старожилов этих сел о наименовании.

На основании исторических фактов констатируем перенос названий:

пос. *Бубны* – Полтавская губ – Славгородская вол.;

пос. *Кана* – Самарская губ. – Славгородская вол.;

пос. *Пирятино* – Полтавская губ. – Славгородская вол.;

пос. *Самбург* – Екатеринославская губ. – Троицкая вол.;

пос. *Звонарев Кут* – Самарская губ. – Славгородская вол.;

пос. *Кременчуг* – Полтавская губ. – Златополинская вол.;

пос. *Златополь* – Херсонская губ. – Златополинская вол.;

пос. *Новый Раковец* – Херсонская губ. – Ореховская вол.;

пос. *Чистополье* – Херсонская губ. – Знаменская вол.;

пос. *Новый Буг* – Херсонская губ. – Чернокурьянская вол.;

пос. *Павлоград* – Екатеринославская губ. – Славгородская вол.;

пос. *Николайдар* – Херсонская губ. – Славгородская вол.;

пос. *Елизаветград* – Херсонская губ. – Златополинская вол.;

пос. *Юсковцы* – Полтавская губ. – Златополинская вол.;

пос. *Яготин* – Полтавская губ. – Златополинская вол.;

пос. *Яблоновка* – Полтавская губ. – Златополинская вол.;

пос. *Валки* – Харьковская губ. – Златополинская вол.;

пос. *Аджамовка* – Херсонская губ. – Подсосновская вол.;

пос. *Ольшанка* – Херсонская губ. – Славгородская вол.

Села с немецкими жителями получили в большинстве своем немецкие названия:

пос. *Александркрон* – Таврическая губ. – Орловская вол.;

пос. *Александрфельд* – Херсонская губ. – Орловская вол.;

пос. *Алексейфельд* – Херсонская губ. – Орловская вол.;

пос. *Блюменфельд* – Херсонская губ. – Богословская вол.;

пос. *Блюменталь* – Екатеринославская губ. – Романовская вол.;

пос. *Гедельберг* – Таврическая губ. – Романовская вол.;

пос. *Гнаденгейм* – Таврическая губ. – Орловская вол.;

пос. *Гнаденфельд* – Херсонская губ. – Орловская вол.;

пос. *Гнаденталь* – Таврическая губ. – Подсосновская вол.;

пос. *Гольбштадт* – Таврическая губ. – Орловская вол.;

пос. *Гофенталь* – Самарская губ. – Славгородская вол.;

пос. *Гофнунгсталь* – Херсонская губ. – Подсосновская вол.;

пос. *Гохгейм* – Таврическая губ. – Златополинская вол.;

пос. *Гохштедт* – Таврическая губ. – Орловская вол.;

пос. *Грюнфельд* – Херсонская губ. – Орловская вол.;

пос. *Клейнфельд* (Клеефельд) – Таврическая губ. – Орловская вол.;

пос. *Кронау* – Херсонская губ. – Троицкая вол.;

пос. *Ландау* (*Линдау*) – Херсонская губ. – Славгородская вол.;

пос. *Либенталь* – Херсонская губ. – Романовская вол.;

пос. *Лихтфельд* – Херсонская губ. – Подсосновская вол.;

пос. *Найгейм* – Херсонская губ. – Орловская вол.;

пос. *Райнфельд* – Таврическая губ. – Романовская вол.;

пос. *Райхенфельд* – Таврическая губ. – Орловская вол.;

пос. *Тиге* – Таврическая губ. – Орловская вол.;

пос. *Фриденсру* – Таврическая губ. – Подсосновская вол.;

пос. *Фриденталь* – Херсонская губ. – Орловская вол.;

пос. *Шенау* – Таврическая губ. – Орловская вол.;

пос. *Шенвизе* – Екатеринославская губ. – Орловская вол.;

пос. *Шензе* – Таврическая губ. – Орловская вол.;

пос. *Эбенфельд* – Херсонская губ. – Орловская вол.;

пос. *Ямбург* – Екатеринославская губ. – Троицкая вол.

В сборнике “Переселение в Сибирь из 8 губерний, входящих в состав южно-русской областной земельной переселенческой организации” за 1907–1912 гг. указаны места выхода и устройства переселенцев, а также их количество. Даже с использованием этих исторических данных установить точный перенос ойконимов из конкретной губернии сложно в том случае, если не указано село выхода, а на территории Кулунды в одноименном селе живут переселенцы из разных губерний. Например, в селе Городок, Знаменской вол. поселились жители Херсонской и Екатеринославской губерний (ойконим отмечен и в той, и в другой губерниях), аналогична ситуация с названиями: пос. *Райгород*, Славгородская вол.; пос. *Белоцерковка*, Златополинская вол.; пос. *Пришиб* (*Ново-Пришибский*) Романовская вол.; пос. *Городецк* – Славгородская вол.; пос. *Хортица* – Подсосновская вол.; пос. *Кохановка* – Златополинская вол.; пос. *Мариуполь* – Златополинская вол.; пос. *Александрополь* – Славгородская вол.; пос. *Баронский* – Добровольская вол.; пос. *Красный Кут* – пос. *Звонарев Кут*, пос. *Веселый Кут* – Славгородской вол.; пос. *Найдорф* – Орловской вол.; пос. *Найгейм* – Романовской вол.; *Александргейм* – Романовской вол.; пос. *Блюменорт* – Орловской вол.; *Розенгоф* – Орловской вол.; пос. *Розенвальд* – Орловской вол.; пос. *Ольгафельд* – Романовской вол.; пос. *Николайфельд* – Романовской вол.; пос. *Розенфельд* – Орловской вол.; пос. *Шенталь* – Орловской вол.; пос. *Шенфельд* – Романовской вол.; пос. *Кронштадт* – Златополинской вол.

Воспоминания жителей до настоящего времени подтверждают перенос некоторых названий с территории прежнего места жительства

не случайно: “Обращает на себя внимание такой феномен, как привязанность к месту, определяемый как “аффективные связи между индивидом и его непосредственным окружением”. Это явление играет далеко не последнюю роль в формировании характера человека, в его отношении к окружающему миру” (Белик, 2000, с. 169).

Приведем некоторые высказывания жителей, *отражающие восприятие данной стереотипной топонимической ситуации:*

В 1911 г. Ямбор уже был, а тут еще ничего не было, приехали сюда с Украины, там жили в Самбурге, поэтому и здесь так назвали. Народ сам здесь называл, как ему нравится. Был здесь у участка какой-то номер, но я его не помню (М.Н. Лупешко, с. Самбор, Таб.);

Раньше село называлось Барское, а по-немецки Райхенфельд. На Украине было село Райхенфельд, оттуда все наши приехали, вот и взяли это название (В.А. Лаук, с. Красноармейское, Славг.);

Кусак и Александркрон – одно и то же. Мои родители с Крыма приехали, вот оттуда и идет это название Александркрон (Д.Д. Вольф, с. Кусак, Славг.); Центр колхоза – село Орлово. Так всегда и называли. С Украины много немцев приехало, когда заселяли тут. Там у них село так называли, оно и здесь Орлово, в память как бы (И.П. Левен, с. Дворское, Хаб.); Новоромановка раньше называлась Гедельберг. На Украине тоже был свой Гедельберг. Оттуда мы и взяли название (Р.Г. Гаер, с. Нововознесенка, Славг.);

Циберманово – на Украине село, и все почти выехали из Циберманова, когда мы приехали, то было написано Госкаево, по речушке, но мы назвали по-своему (Н.С. Ткачук, с. Циберманово, Благ.);

Когда мы приехали с Екатеринославской губернии, здесь был участок, его называли Дегтярка, а мы назвали по-своему: Шенвиз, как было на родине (И.П. Штоль, с. Дегтярка, Хаб.);

*А деревни здесь все так получили свои названия. Переселенцы ведь все с Украины. Там села свои бросали, а здесь, в Сибири, называли их теми же именами. Так вот такие села **Николаевка, Марьяновка, Баронск, Кохановка, Звонарев Кут** и получили свои названия (М.Д. Родионов, с. Михайловка, Бурл.).*

Перенесенные названия, даже претерпевая структурно-словообразовательные модификации, в восприятии населения остаются *привнесенными*, частью прежней территории (пространства):

*Белая Церковь, Белоцерковск, Белоцерковка – все одно, не наше название, **наши деды привезли с собой** (Таб.);*

*Каждое название что-то разъясняет. Если это привезли с собой — значит все знают, **оно как бы выделяется из всех** (Ром.);*

*В наших степных районах нет-нет да и встретишь такое имя, что со старого места жительства привезено — вроде как **старикам родное, а нам-то как память...** Внуки знают, а как же (Ключ.).*

При преобладании перенесенных ойконимов закономерно возникает вопрос – не была ли перенесена к нам топонимическая система южнорусских губерний? На возможность этого указывает Ю.А. Карпенко: “...при переселении могут возникать не только новые топонимы, а и новые топонимические системы, а если переселение шло из какой-то одной территории, то возможно было бы не создание новой топонимической системы, а перенесение старой” (Карпенко, 1980, с. 53). Если учесть, что наряду с перенесенными в топонимии Алтая начинает функционировать обилие отантропонимных названий, характерных и для топонимической системы южно-русских губерний: “Названия городов и сел по личному имени в Малороссии очень многочисленны, особенно в восточных ее частях, в губерниях Екатеринославской, Харьковской, Воронежской и других” (Сумцов, 1886, с. 14), то можно заметить, что в топонимии этих двух регионов проявляется очень много сходных черт.

Таким образом, одним из факторов, повлиявших на формирование топонимической системы Алтая, является сложный миграционный переселенческий процесс, Результат этого — *присутствующая до настоящего времени в сознании жителей связь территории прежнего места жительства и современного места жительства* — можно считать *одним из наиболее устойчивых ментально-топонимических стереотипных блоков.*

3.2.3. Отражение мифологического сознания в топонимической системе.

В топонимии всякого региона имеется обширное разнообразие мест и селений, гор и рек, названия которых, помимо своего функционального назначения именовать, воплощают также различные отношения носителей языка к природе, являются не просто именем, а и своего рода символическим языком, в терминах которого народ воспринимал и интерпретировал окружающий мир, общество и себя самого. Географические названия отражают мифологические представления, а также религиозные верования и являются ценным источником для изучения духовной культуры народа. По этим данным можно предположить или судить о своеобразном характере мироощущения и особенностях мышления и сознания народа и их философских взглядах, морально-этических нормах поведения, о практическом опыте и религиозных воззрениях, знаниях и созданном народном целостном образе мира.

Тема мифологического сознания, в частности религиозного, долгое время была закрыта для исследователей. Изменения, происходящие в последнее время в общественном сознании, “приводят к возрождению интереса к тому, что забыто, отринуто, поругано. Появляется желание найти в прошлом то, что может помочь разобраться в настоящем и бросить

луч света на будущее, иначе говоря, возобновить права наследования, от которых столь поспешно отказались ранее, и взять с собой это наследие в дальнейший путь“ (Топоров, 1995, с. 7). Отражение элементов мифологического сознания на русском топонимическом материале также долгое время не рассматривалось. Здесь следует отметить счастливое исключение — богатейшее по материалу и уникальное по детализированности анализа исследование Е.Л. Березович, выполненное в этнолингвистическом ключе на материале топонимии Русского Севера (Березович, 1998), которая в одной из своих работ отмечает: “Расширяя количественно и качественно (в тематическом плане) языковой материал, можно получить более развернутые выводы о закономерностях трансформации образов христианской религии в русской народной языковой среде” (Березович, Родионова, 1996, с. 36). Исследование этого пласта топонимического материала, представление о ментальном бытии топонимической системы, ментальных моделях и образах топонимической картины мира, с нашей точки зрения, может быть существенно дополнено описанием элементов коллективного мифосознания русских жителей региона.

Воссоздание элементов мифологического сознания жителей потребовало обращения к источникам различного типа. Текстовый материал представлен такими элементами духовной культуры, как поверья, заговоры, гадания и под. Богатый материал для раскрытия мифологических представлений дали беседы студентов с близкими людьми: бабушками, родственниками, соседями, женщинами, которые в селе занимаются лечением (“знахарками”). Достоверность материала обусловлена и доверительностью отношений с информатором (*помнишь, Оксана, у тебя летучий огонь был, а я тебя лечила* (Благ.)). Содержательный материал представлен в зафиксированных нами топонимических преданиях.

Мифологическое сознание, фокусируя представления об окружающем мире и месте в нем человека, является одним из способов обобщения мира в форме наглядных образов (ментальных компонент). Связанные между собой, такие компоненты представляют мифологическую картину мира. Следует присоединиться к тем ученым, которые считают, что мифологическое мышление – это не просто безудержная игра фантазии, а своеобразное моделирование мира, позволяющее фиксировать и передавать опыт поколений. “Миф, возникнув в первобытную эпоху и отразив некоторые черты первобытного мышления, навсегда остается частично элементом коллективного сознания (что доказал и 20 век, на который мы теперь можем оглянуться), так как он, миф, обеспечивает “уютное” чувство гармонии с обществом и Космосом” (Мелетинский, 1998, с. 426).

Мифология составляет почву и арсенал ранних форм религии, хотя взгляды ученых на миф и религию заметно расходятся. Одни исследователи их отождествляют, другие противопоставляют. Присоединимся к точке зрения тех исследователей, которые не различают религиозное и мифологическое сознание, учитывая, что “связующим звеном между ними является деятельность воображения и вера в созданные фантазией образы” (Кессиди, 1972, с.50), а также то, что “непререкаемое сходство мифологии и религии заключается в том, что обе эти сферы суть сферы бытия личностного” (Лосев, 1991, с. 91).

В рамках мифосознания выработаны определенные знания о природе, Космосе, о самих людях, их условиях быта, формах общения. Современные взгляды на Бога, на устройство Мира, Вселенной, представление о Хаосе и Космосе, зафиксированные нами в беседах с жителями сел, показывают, что в настоящее время говорить о разделении мифологического и религиозного сознания можно только весьма и весьма условно. И то и другое – это своеобразное видение мира, это особое

представление об окружающей действительности, это и вера, и фантастика. Дополнение религиозных верований знаниями научными создало некий комплекс воззрений:

Вмешиваются в основном планеты. Кому тут еще вмешиваться? И люди, и земля, и климат – все же от солнца идет. Все войны, все катаклизмы, все засухи, землетрясения. Как там чуть активность повысилась, и все. Тут обязательно что-нибудь стряется. Не знаю, как там что другое действует, но вот солнце точно влияет, и на разум людей влияет. А может, Солнце – оно и есть Бог? Поклонялись же раньше Солнцу (Егор.).

Миф и магические действия тесно переплетаются, Бог, таинственные силы и демоны, ангелы и солнце в сознании современного жителя находятся в одной парадигме – парадигме строения Вселенной. Мифологическое сознание, отражая исторически определенный тип ментальности и культуры в целом, свойственно массовому сознанию во все времена. В мифосознании наших современников, жителей Алтая, присутствует определенная модель строения Вселенной, Мира. Восстанавливаемая из отдельных компонентов, эта картина оказывается довольно стройной. Тема творения Мира (Космоса) из Хаоса – одна из главных тем мифологии, описание строения Мира в мифосознании представляется как повествование о происхождении мира. Объяснение природных явлений, а также Мира в целом сводится к рассказам об их происхождении:

Господь создал мир для добра из хаоса и темноты. Создал, как мы создаем ребенка, чтобы он жил, радовался жизни, чтоб он наслаждался жизнью, чтобы он веселился до самой смерти, веселились, замуж выходили и детей рожали. Воздух, вода, солнце, из них состоит мир (Кул.); Мир создал господь для жизни: размножение всего земного и растительного. Окружающий мир состоит из частей света, из

животного и растительного мира, как таковых и рая и ада нет. Они на земле оба: рай – кто сделал хорошо, ад – плохо (Посп.).

В описание модели мира отражается глобальная идея вечности мира и вечности жизни:

Еще Иисуса не было, а мир уже был создан. Никто не знает, как создан мир. Какая-то эра была, и кто-то там руководил этой эрой до Бога. Мы умрем, а мир будет (Рубц.).

Миф есть некоторое особое объяснение строения мира:

Мир состоит из белого света, из ночи. Земля, вода — часть нашего состояния жизни... Бог управляет ветром, солнцем, водой... (Егор.); На небесах и рай, и ад. Самая верхняя часть – рай, самая нижняя часть – ад... А после смерти все в Космос уходит, на тот свет... (Род.); А из чего мир состоит? День и ночь, солнце, месяц, ветер, буря. Всем управляют из Космоса... (Егор.); Мир состоит из четырех частей: восток, запад, север, юг. Ад – он в преисподней Земли, а рай – в небесах, там красота... (Посп.).

Мир мыслится как живое, одушевленное существо, человек переносит на окружающую действительность собственные черты, очеловечивая таким образом природу и не выделяя себя из окружающей Среды:

Все силы небесные – на солнышке, на наших светилах небесных. От них зависит вся наша жизнь... Силы земные – наша матушка Земля, матушка Природа – как человек, человек делает разумное и неразумное, так и природа... (Тальм.).

Идея жизни как особой природной силы связывается с богами. Рассуждая о теле и душе, о преобразовании мира, за первоначало всего берут божество – “живое одушевленное существо” – “хозяин вселенной”:

Вот хозяин. Дом, двор, хозяйство – все отлажено, все в сохранности, а уйди хозяин и обветшает все, развалится. Так и земле хозяин нужен, и этот хозяин – Бог (Благ.); Нас создал Бог, он нами и распоряжается, хочет – нас возвысит, хочет – унижит, хочет – зальет водой. Он нами

правит, дает жизнь, дает смерть. Он знает все обо всей Земле (Первом.); Силы Господние управляют всем миром (Кул.); Христос просто сильный был человек. Умер ради людей. Ведь не выдумали же его, раз до сих пор верят (Панкр.); Высшая сила существует. Руководят человеком все-таки другие какие-то существа. Существа подвид людей, выше которые нас намного ступеней: не черт, не дьявол, не бог... (Зар.); Человек и Бог имеют такое же тело, только человек не обладает такой силой... (Бийск.).

Таким образом, в сознании жителей существует целостная картина мироздания, представления о единстве всего мира и его связи со Вселенной, с Космосом. В современных концепциях такое представление может быть названо космизмом, который, как известно, изначально присущ культурному самосознанию человечества и является одним из глубинных архетипов русского сознания. Исследователи связывают это с тем, что в России языческое мироощущение не было уничтожено христианством. Более того, русское православие также представляло космос как живой организм, находящийся в непрерывном взаимодействии с Творцом, говорило о важной роли человека в этом взаимодействии.

Мифологическое сознание русских наполнено в первую очередь общечеловеческими ценностями (добро и зло):

Бог представляет добро, а Сатана зло, но мы не видели и не знаем, ангелы охраняют Бога (Первом.); Добро идет от Господа, а зло от Сатаны (Кул.); Добро представляет нам Господь Бог, а зло представляет нам темная сила (Тальм.); Добро представляет нам Господь Бог, а зло представляют нам темные силы, нечистая сила. Добро идет от Господа Бога, а зло от Сатаны. Кто уподобляется Сатане, у того больше зла и больше ненависти. Кто уподобляется Богу, тот добрый человек (Кул.).

Оппозиции Светлых и Темных сил осознается самими жителями:

Раз есть святая сила, то есть и темная сила. Чтобы противостоять друг другу. Светлая сила несет людям добро, темная сила – зло (Благ.); Темная сила – это черти, колдуны, это нечистая сила, оборотни и прочее такое все. Эти только все вредят. Ну, темна сила – это она черна сила. Добра никогда не делают. Она потому называется темная, черная сила... (Зар.); Темные силы – это зло, бес. Мы боялись всего этого. Темные силы – волшебники, колдуны, леише... (Егор.); Сатана – темные силы, черти мы называем. Это все темные силы. А светлые – это Бог, Мария (Кул.).

Темные силы – силы заземленные, более всего приближенные к человеку. Именно “темные силы” – участники различных легенд, преданий, рассказов. С помощью этих образов создается мир условной реальности: они живут и действуют в условном (нереальном) времени и условном (нереальном) пространстве, являясь воплощением сил хаоса на Земле. Хаос олицетворяется с неорганизованной, враждебной человеку силой. Для языкового сознания жителей (особенно мифологического) характерно отсутствие различия между человеком и животным. Оно их отождествляет, представляет возможность взаимопревращений (Топоров, 1995). В представлении жителей такие люди либо общаются с нечистью, либо сами являются ведьмами, колдунами, они, надеясь “демоническими свойствами”, способны менять облик и превращаться в животных и зверей (кошек, собак, свиней). Во всех преданиях действие обычно происходит ночью (ночь – время, связанное с нечистью), в центре действия – женщина, с женщиной связывается несчастье, зло (на отрицательное значение именно женского компонента указывает В.Н. Топоров (Топоров, 1995, с. 176)):

Раньше снаряжались и свиньями делались. Свинья как-то замучила, а ее палками исписали, а наутро видят – кума избита” (Кам.); Еще колдуны были. Я слыхала: женщина в свинью превращалась и ходила куда-то. А соседка моя давняя, слыхала, что собакой становилась. И не знаешь –

верить этому или нет. Видеть-тот я не видела, а вот слыхала (Усть-Калм.); А ведьмы... она... есть лечит днем человек, а ведьма обычно ночами, днем она не действует (Кул.); Со мной случай был такой, когда молодая была: шла из клуба, кошка бежит.. Я иду по дороге, а она мне ноги путает. Я думаю: щас я ее палкой, а она уже мне на плечи запрыгнула и к шеи подбирается, а я думаю: щас я к огню подбегу и сброшу ее, а она как рывкнет... Были тогда ведьмы, ох, были. Смотришь – идет корову доить, а потом раз – и свинья: хрю, хрю... идет (Усть-Пр.).

На обширной территории Алтая повсеместно повторяются одни и те же легенды, имеются в преданиях общие действия и даже общие компоненты –

“уши оторвали”, “уши отрезали”:

Есть колдуны, они превращаются и в кошек, и в собак, и в свиней – их называют ведьма. Вот это самая черная сила. Они ведают ими. Все вот эти порчи, все вот эти наговоры, все вот эти болезни нечисты. Я не видела, а слышала тоже от старых. Также одна у нас тут превращалась в свинью, и тоже так ее стапорыли, так и говорили, что она никогда платка не снимала, ходила все время в платке, ей ухо оторвали, свинья бежала, и ей ухо оторвали (Зал.); Колдуны есть, даже на себе испытала. Колдун от обычного человека ничем не отличается, такой же человек. Была у нас в деревне колдунья. В церкви замок на дверях был, а она лезла его целовать, а кто церковный замок целует, значит ведьма, колдунья. Мужики увидели, поймали и уши ей отрезали. Так она потом в платке ходила, уши закрывала и на гулянки никакие не ходила, боялась, что платок сорвут (Егор.); Наша соседка – бабка Базериха ведьмой была. Она ходила всегда в длинной холщовой рубахе, волосы распущены. Ребята с танцев шли, их свинья озорновала, они ее поймали, уши отрезали, меня отправили к ней, посмотреть, что с ней сделалось. Говорю: “Сито

дайте”, а сама на Базериху гляжу. Она на пече лягла, стонет, и уши повязаны платком (Посп.);

“лапы отрубили”, “лапы повыкрутили”:

Нам дедушка рассказывал, к одной женицине кошка с черпаком забежала, муж этой женицины поймал эту кошку и лапки передние отрубил, у одной женицины на следующее утро пальцы были отрублены... (Посп.); Мама рассказывала. Старуха была у их. Людей пугала ходила. И вот один раз мужик решил испытать. Пошел и слышит: за ним бежит собака, повизгивает и на его кидается. Он ее изловчился и поймал ее за лапу. И взял ей лапу отрубил... Пошел к ней... – Да дома она на печи, говорит сноха ее..., но что-то заболела – А что с ней? – Да не знаю, что-то не слазит с печи. Сноха ушла, а он взял, да и говорит: Что, рука болит? И взял ей лапу и закинул на печку. – Больше не ходи, не делай людям че попало. Ну вот эта женицина вроде без руки и осталась (Зар.); У второй соседки было так... через несколько дворов... Как встанет утром, во всех кринках с молоком сливки сняты... В двери была прорезана дырочка, чтоб кот лазил... Дед взял и подкараулил: залазит желтая кошка... Он взял и повыкрутил все четыре лапы... и вынес в переулок, в канаву бросил. Утром выгоняют бабы скот, а соседки нет. Зашли, а она лежит на русской печке и воем воем на всю хату, руки и ноги повыкручены. Это она и была ведьма. Превращалась в желтую кошку (Кул.).

Прямая проекция легенд в топонимию прослеживается в названиях:

Темные силы – это зло, бес. Мы боялись всего этого. На Липуновом озере парня молодого охмурила одна русалка и защикотала, слышать было, как вода плещет, и смеялись там. Так и не вернулся. Ну, на Липуновом озере нечистое место. Есть еще Шапкин огород. Это кладбище наше. Так зовут, что раньше бабка жила Шапкина, а возле ейного домишки уже могилки пошли... она когда выйдет за луком из дома,

то в собаку превратится, то в кошку, нам все казалось, что она с могилки лук рвет... Мы смеялись, а самим все страшно было (Кам.);

Поймал он ту кошку, отрубил лапы... Забросил в это болото лапы, и не нашли... – Авдотьино болото” (Тог.);

Ведьм раньше много было... Дунюшкина протока. У соседней Дунюшка Медведева в полночь книгу черной магии читала... Превратилась в кошку и в трубе у соседней мяукала. Хозяин вышел и бил кошку. А потом как зашел к старухе, а она вся избитая (Усть-Калм.).

С легендами о “превращении” связаны “собачьи”, “свинные”, “кошачьи” названия: *Собачий лес, Собачья забока, Собачий околок, Кошачья забока, Кошачье болото, Кошачья грива, Кошачья ляга, Кошачий лог* и др.

Часто эти топообъекты воспринимаются окружающим населением **наряду с представленностью реальных признаков,**

во-первых, “находятся, живут”: *Вдали от поселка околок – собаки живут (Благ); “много”: Кошачий лог – говорят, что там было много кошек (Панкр); “бросовое место”: Когда убивали собак, туда возили (Благ.); как непроходимые места: Раньше оно было Собачьи ямки. Собак было много, непроходимое было место (Ром); Кошачья забока. Это просто так называют грязное место, непроходимое, где ямурина (Бийск); Было раньше Свиное болото... непроходимое место, пешком ходить нельзя было (Зал.).*

Во-вторых, как места, связанные с “нечистью”: *Собачий околок – Рассказывали. Что-то тут одно время болтали, что тут одна тетенька бегала. То-от собакой делается, то кошкой, то еще чем-нибудь... (Зал.).*

Прямая связь с “превращением” реализована в названиях:

Кошачье болото – поймали того кота, отрубили ему хвост да бросили в болото (Павл);

Жена обмывала кошку в логу и поила мужа для присушки. Сама была ведьма. Потому так и названа Кошачья забока... (Кур.);

Свиное болото – Ведьмы там собираются, только и слышишь “хрю-хрю” (Тог.);

Слышала, но сама не сталкивалась. У отца случилось: шел ночью (парнем еще был), дошел до лога, свинья откуда взялась, встала между ног и не пускает его, так до дома и шел с ней... А потом уж узнали, что Лог Свиной потому так и зовут, что сыздавна там нечисти водятся (Усть-Пр.).

В этих же названиях реализуется идея заколдованного круга:

Собачья забока – если кто зайдет, редко сам выйдет. Кружит, кружит. Говорят, что раньше одна женщина от печальной любви в собаку превращалась, да выла на том озере. Кто зайдет – а выйти не может. Такая ведьма была... (Тальм.).

В топонимии, конечно же, отражены не все элементы, зафиксированные в преданиях, а общая схема противопоставлений. В представлении о борьбе темных и светлых сил, присутствующем в сознании носителей топосистемы, эта борьба активно ведется на земле, где эти темные силы представлены в образах людей. Географические объекты, особенно в конкретных микросистемах, очень близки – жители “вступают с ними в контакт” ежедневно, поэтому связать нечисть с каким-то локусом проще. Стремление заземлить ситуацию, подтвердить ее правдоподобность проецирует ее в топонимическую картину мира, внедряет в топосистему. Противопоставленность “святых” и “нечистых” мест должна быть признана для русской топонимии Алтая системной. Двуплановость восприятия мира и устройства этого мира – это особенность русского языкового (культурного) сознания, где “отсутствие связи с сакральным, Божеским в принципе означает связь с противоположным, дьявольским началом” (Успенский, 1996б, с. 40). Как

основную, “центральную оппозицию народной религии” рассматривает противопоставление “нечистой силы”, отрицательного духовного начала, и “крестной силы”, божественной и преисполненной святости” и Е.Л. Березович (Березович, 1998, с. 179, 187). В топонимической картине мира это проявляется двояко: во-первых, повсеместно, как показывают наши исследования, в каждом селе есть “темное, нечистое место”. Всякое пространство, которое представляет для человека опасность, и прежде всего опасность, связанную со смертью, с болезнью, с несчастными случаями соединяется в мировоззрении жителей с проявлением нечистой силы и вмешательством потустороннего мира:

Знаешь, в каждом селе есть такое место, где что-то такое вроде черта или ведьмы, или нечисть какая-то живет, или обязательно легенда какая-то есть. Ребятишек этими местами пугают... Даже вот, например, на Чертовом болоте и ягод и грибов много, а никто туда не ходит — боятся ходить... (Тальм.).

Во-вторых, в наличии обязательного противопоставления святого (“чистого”) и темного (“нечистого”) места в пространстве, даже если реально нет объекта (“околок был”, “было болото”). Из обследованных нами 476 микросистем только в 98 мы не отметили подобных названий. Отсюда столь явный выход на бинарную семантическую оппозицию, например, Чертово болото – Святой ключ. Осознанность противопоставления очевидна:

За нами Святой омут, потом дальше идешь, сворачиваешь круто – а там Чертов омут (Тальм.).

Такое устойчивое в пространстве и во времени противопоставление может быть признано системным, все точки “сгущения” устойчиво существуют в сознании жителей, гармонизируя пространство, уравнивая добро и зло. Стремление к такой гармонии — еще одна особенность русского менталитета.

“Нечистое” место обозначается часто как “черное” или “чертово”. *Восприятие этих мест жителями более разнообразно, нежели, например, восприятие цвета, размера, глубины и т.д., т.е. реальных признаков.* Совокупность характеристик, которые репрезентируются объектами и которыми обладают все названия, может быть представлена как общее и частное. В сознании жителей наряду с общими имеют место и специфические характеристики. Это относится и к “нечистым”, и к “святым” местам. Компоновка материала по микросистемам высветила следующую закономерность: специфические (дополнительные, условные, нереальные) характеристики представляют ту базу, где и возникают легенды, где “оживают” темные силы. Общее представление о “нечистых” и “святых” местах проецируется на “непонятное”, “таинственное”, но через восприятие реальных признаков. В этом фрагменте картины мира (и в отражении темных сил, и в отражении светлых сил) *связаны реальное и нереальное, каждый реальный признак является стимулом для нереальности.* Представим имеющийся у нас материал в данном ключе.

Основным в названиях “черных” мест является признак цвета, потому что наиболее зрим именно этот внешний параметр. Причем это может быть:

цвет воды (для названий водных объектов): *так называлась потому, что в ней была темная вода (Крут.); вода там темная, черная (Рубц.); Ну, наверное, вода темная, черная, грязная была (Алт.); Черная вода в том омуте (Панкр.); Там вода всегда черная, так пятном и стоит (Перв.);*

цвет животных, зверей, птиц: *Черный околок – черный весь от грачей. Они там гнезда вьют, так от этих грачей темным-темно (Усть-Пр.);*

цвет растительности: *ягод в Черном доле много, там голубику собирали (Благ.); Черная старица – там черемуха росла (Рубц.); там черемуха росла – Черный омут (Панкр.); Одна осина, как зайдешь как ночью (Кам.); Там голимый пихтач, черный прямо стоит (Чарыш.); Так зовут, потому*

что ягоды там много – черной смородины (Зав.); Черный колок – было много крушины, посмотришь – черный, вот и прозвали Черный околок (Бийск.);

цвет камня: Черный камень – место на сопке кончается обрывистой скалой в виде темного, черного, заросшего мхом камня – отсюда название (Зм.);

цвет почвы: впадина называлась Черный дол, так как земля была черная (Славг.); Черный ров под буераком, земля в нем черная, а красной нет (Калм.).

Все черные локалии, являющиеся лесными насаждениями, имеют и реальный признак

“густой, труднопроходимый”: *Очень густой – отсюда ощущение черноты (Панкр.); слишком густой лес, в него зайдешь – темно-темно, ничего не видно (Баев.); Черный околок – густой черный лес (Благ.); Густой, завесистый, темный (Тюм.); Лес был очень густой и в нем было темно (Зав.); Черный околок – там очень лес густой – (Баев.); Черная дуброва – густая, черная, она даже зачернела (Шип.); Густой сильно, трава сильно разрасталась (Топч.); Сильно густой, темный. Зайдешь – така гушиина (Хаб.).*

Реальные признаки являются стимулами для появления характеристик, связанных с несчастными случаями, бедой, смертью –

“дикий, страшный, потому что труднопроходимый”: *Черная забока чаща там, темно, страшно (Локт.); Черная забока, потому что там дубы были большие, бродяги с тюрем бежали, всегда там находились, страшная и непроходимая местность (Шип.); Все заросшее и непроходимое болото Черное, местность болотистая (Тог.); Черный сток – крутой овраг, заросший кустарником. Дикое, страшное место. Раньше туда боялись ходить (Калм.); Черная забока – труднопроходимое место в лесу (Тальм.); Черная Курья – страшное место, вода в ней*

кажется темной, черной (Благ.); черные оковки – темноватые, густые, в них темно и страшно (Кам.).

Цвет воды связан с характеристикой глубины, более того, обе характеристики существуют в сознании параллельно – “черное, потому что глубокое”: *Оно глубокое, поэтому вода темной видится (Кытм.); Глубокая очень забока, потому и Черная (Рубц.); Черный омут называется, вода в нем черная аж, до того глубокое место (Солт.); ...глубокий был, там вода мутная (Косих.).* Повсеместно глубина водоема рассматривается как источник беды, несчастного случая: *Черный омут – большой он, глубокий, люди тонут (Солт.); В Черном озере три человека утонуло, опасное это озеро (Цел.); Черный лог – там кого-то убили (Бийск.).*

Названия “черных” мест на Алтае пересекаются с названиями “чертовых” мест во всех перечисленных реальных параметрах.

глубина: В устье было сильно глубоко, называют Чертова яма (Петр.); Дна в этом озере еще никто не доставал (Локт.); Чертов омут – там шибко большая глубина (Зал.); Озера Чертово, Чертова яма – за их большую глубину (Калм.); Это очень глубокий омут (Ребр.); Представляют, что глубокий очень, там никто не купается, вроде провальной ямы (Крут.)

непроходимая местность: Там еще есть лог Чертова яма. Там было черт ногу сломит не пройдешь (Солон.); Чертова яма – Глушь такая страшная, непроходимый лес (Алт.); Чертово озеро, наверно, потому, что трудно добраться (Кам.);

вызывающий страх: там много зверей жило – волки ходили, и лис много было. Страшно там было (Топч.); Чертова старица – небольшое круглое озерко, заросшее осокой и камышом. Находится севернее села в лесной глуши. Одному там бывает жутковато, поэтому и назвали Чертовой (Троиц.); Место Чертова яма – глухое очень, страшное (Кур.);

несчастный случай, смерть: *Раньше тут мельница была и рядом омут был очень глубокий. И прозвали тот омут Чертов бездонным. Утонет человек, и говорят, что сгинул в Чертову яму (Рубц.); В нем три человека утонули (Тальм.); Водоворот, крутит, вертит, там людей утонуло много (Рубц.); Как купались, так тонули вроде, еще никто не измерил его глубину (Крут.); там одни проезжали, тонуть стали (Волч.); Здесь происходят часто поломки машин, аварии, трудности передвижения, потому и прозвали Чертовым (Панкр.).*

Нейтральность восприятия отмечена только дважды: *Чертов лог и Чертов – ничего особенного (Перв.); Чертов городок – старица – не знаю, почему так. Все там как везде (Солт.).*

Субъективными характеристиками являются “дикий, страшный” и подобные, они весьма условны. В каждой микросистеме эта условность, “нереальность” инспирирует обилие легенд, реализацию тех или иных мифологических домыслов, идей, например, уже названной выше идеи “порочного, замкнутого круга”:

Есть на земле такие места, куда попадешь, так с места не сойдешь. За селом озеро высохшее Чертово место называется. Как-то с вокзала шла да решила через озеро, чтобы быстрее, да на одном месте от кочки до кочки до обеда и кружила, пока люди не заметили и не окликнули. Потом слышала, что не я одна на той пустоши кружила чертом (Благ.);

Чертово место – Как зайдешь туда – крутишь, петляешь кругом, а все в одно место приходишь (Усть-Пр.);

В Метелях есть название Чертова яма. У нас был человек Еремеич. Ему приходилось в этой яме крутиться (Шип.);

Чертов лог – блудят в том овраге, зайдут, а выйти не могут, кружат кружат (Перв.).

Мотивы, объединяющие нечистые места, вызывают негативные ассоциации, и этот негатив, в свою очередь, поддерживается наличием в

мифосознании легенд. Представление об обитающей в названном объекте “нечисти” самими жителями воспринимается как

“предание”: водилось у нас в селе поверье, что в Чертовом логу водились черти (Усть-Пр.); Легенда гласит, что под мостом жил черт. Как кто идет потемну через мост, привидение выскакивает (Панкр.);

“предположение”: Там дальше в тайге есть Чертово озеро – не скажу почему – то ли черт жил (Тог.); там черт водится, считают (Калм.); Большая яма это, рыбаки шутят, что черти что ли там живут на дне, может, правда (Усть-Пр.); Озеро есть Чертова яма называется. Оно самое глубокое в округе, Раньше говорили, что там черт водится, пугали, чтобы там не купались (Локт.); Старинные люди говорили, что видели там, в Чертовой старице, русалку когда-то (Троиц.); Чертова яма – говорят, что там водились русалки когда-то. Может, и водились (Павл.).

Вторая компонента противопоставленной парадигмы – “святые” места: Святая горка, Святой ключ, Святой ключик, Святой омут, Святой лог, Святой родник, Святой край, Святое озеро (названия распространены повсеместно). “Святыми” на Алтае являются только водные источники. Названия других типов географических объектов системно связаны (обязательно присутствие в пространстве этого локуса водного источника, как правило, ключа):

Святой Лог – там ключик Святой (Мам.); Святой край – в нем ключ Святой (Перв.); Святая гора – из нее вытекает Святой ключ (Солт.).

Главная из внешних характеристик, общая для всех объектов (в отличие от “нечистых” мест), —

красота окружающего пространства:

Святой ключик – там красиво, на горе, все вокруг видно, и летом, и зимой все кругом чисто (Топч.); красота неопишная, попьешь воды, сядешь на траву, а кругом березы, птицы поют, прямо хоть стихи сочиниай (Благ.); Там, в этом месте даже художник рисовал, говорит,

натура у вас хорошая, красивая (Солт.); Святое озеро – красивое озеро, тишина и вода журчит, и чисто кругом, там уж никто не бросит мусора, так уж принято (Павл.); чисто на роднике том, как будто святое место, кто с женой поругается или пьет сильно, их туда бабки посылают, посмотри, говорят, на воду-чисту да на закат-зарю-красоту, душе и легче станет (Петр.).

Из реальных характеристик отмечается прежде всего качество воды – “чистая”:

Святой ключ – гора, где Святой ключик, родник прямо на горе – вода чистая (Солт.); В лесу место, родник бьет. Он называется Святой родник, ходят туда за святой водой. Вода там чистая, как слеза, холодная, сладкая (Павл.);

“прозрачная”, “хорошая”:

Святой ключ – вода очень хорошая, не портится (Цел.); Унас есть Святой ключ, хорошая вода (Тог.); Святой родник – раньше старухи туда ходили, молебня была, просто хорошая вода. Все зайдут в Святой ключ, наберут и в поле идут (Бийск.).

“Хорошая” вода признается целебной:

Святой ключ – там брали воду и считали целебной (Тог.); А в Гузеевой забоке есть Святой колодец. Говорят, что вода там целебная. Раньше из других деревень приезжали (Локт.); Святое озеро и оттуда брали воду, лечили людей (Кам.); Святой ключ у нас был, старухи туда молиться ходили, вроде пользительная, лечебная вода была (Бийск.). Целебные свойства воды подтверждаются рассказами: У дочери аллергия была, Варвара сказала надо водой из Святого ключика умывать – и все прошло. В этом случае вода признается “святой”: В бору есть у нас ключ – Святой ключ и все. Там водица святая шла (Топч.); Первые поселенцы там вроде ключик нашли, из него брали святую воду (Солт.); Святой ключ. На Крещение из него брали святую воду, находится он на самом вершине сопки

(Локт.); *Святой ключ – умаешься, хоть святой воды напьешься – легче, а то с ног валишься* (Зар.).

Объяснение “безрелигиозного” сознания (в наших материалах таких объяснений несколько) тоже присутствует:

Святой ключ – вода там хорошая, никогда не цветет, всегда остается светлой. Наверно, ключ этот проходит через серебряный рудник (Локт.); *В народе говорят, что там пролегают серебряные жилы, и вода там не цветет, всегда остается светлая* (Петр).

Но эта реальность разрушается, а нереальность, условность поддерживается различными легендами об исцелении:

На Песчанке, на лугу ключ есть Святой. А от него одна баба исцелилась, а потом валом валил народ, из других деревень сюда молиться приходили (Усть-Пр.);

Святой ключик – он из земли бьет, глаза заболели у одного человека, а он этой водой лечил глаза и стал видеть... там глаза лечили, даже дети, кто плохо видит (Петр.);

Святой ключ – это известное по всей округе место. Говорят, что одна баба долго и тяжело болела. Вылечить ее никто не мог, и будто приснилось ей, что вылечится она на этом ключе. Пошла она и попила той воды, а вскоре и выздоровела. И стали сюда ходить верующие по церковным праздникам. Сделали там часовенку, старухи ходят на тот ключ и сейчас (Троиц.);

Говорят, что там есть родник и будто старик помыл глаза и прозрел (Красн.);

Чума или холера ходила, в этот день, в девятую пятницу много людей умерло, а кто пил воду из этого ключика – спаслись. И поклялись они приходить к этому ключу молиться и называли Святым (Бийск.).

Со “святыми” местами связываются и другие “чудесные” события” – “видение Богородицы, Бога”:

Святой ключик – там раньше церковь стояла, молились, говорят, будто там бог показывался, а вода там и сейчас святая – целебная, так и врачи говорят (Солт

Там Святой ключ – родник бьет из-под земли, а от него течет ручеек – Святой ключ. Увидел там богородицу (Красног.); Болото в Дудином краю, в этом болоте – Святой ключ нашли, там старухи видели Богоматерь, вот и назвали Святой (Бийск.);

От горы ров, в нем со дна стал бить родник, монашки обнаружили. Вода очень чистая, прозрачная. Увидели в нем портрет Богоматери. Вот и пошло паломничество (Рубц.);

А вот сюда, за Бурановкой, Святой ключик. Не скажу... вроде изображение казалось Божеское, потому Святой. В конце деревни. Старухи ходили молиться (Солт.);

“видение святых”:

У Брусенцевой появился ключ, Святой назвали. Лужок был, а тут ключ пробился, вода появилась, идет и идет. Люди говорят, святых там видели. Я не видел, не знаю. И посейчас туда за водой больные ездят (Топч.);

Видели старые люди изображение святых, показывается по воде, песку (Красног.);

“видение иконы”:

Говорят, когда-то это был сильный родник, а в нем появилась икона. Люди ее выловили. Потом священник это место освятил, и стали сюда приходить молиться. А место назвали Святой ключ (Троиц.).

Всем эти чудесам безрелигиозное сознание тоже пытается найти объяснение:

Святой ключ здесь есть за рекой. Вода чуть сочится, а на дне коряги переплелись. Говорят, что там видно богоматерь, да это ветки переплетаются, я думаю... (Бийск.); Святой ключик – потому что вода

промывает породу и выкристаллизовывает на дне узоры, а кажется, что портрет, лицо (Солт.).

Святые места наделяются неземной, божественной силой:

Святой ключ – светлая вода, хорошая для здоровья, Солярку лили, а он все равно пробивался (Бийск.). Чистая вода, святая, божественная, и ведь какой силой владеет – забивали землей, деревянными затычками, а он все равно пробивался (Солт.); Святой ключ был, там молились, а как без религии жить стали, молиться перестали – вода ушла (Нович.).

Поскольку все необычное, чудесное связывается в мифосознании с богом, то наличие элементов религиозного культа возле святых мест признается вполне естественным. Чаще всего возле “святых” ключей стояли церкви, часовни (что подтверждается не только воспоминаниями старожилов, но и архивными материалами):

Святой ключ – была часовня построена, туда съезжались все паломники. Он и сейчас действует, из него течет артезианская вода, и бьет из-под земли” (Перв.);

Святой ключ. Были монахи, жили в горах, церковь рядом. С городов ездили и ездят (Зар.);

Святой колодец. Там церковь была там в нем родник. Сейчас он заброшен давно (Алейск.);

Ключи есть – Святой ключ, возле построили часовенку, поставили крест, чтобы кто хотел – копеечку бросил (Тог.); На Святом ключе раньше часовенка была с крестом (Петр.).

У Святых мест молились, сюда приходили просить Бога о дожде, об урожае:

Есть родник хороший, вода там хорошая, Святой ключик. Когда единолично жили, дождя долго нет, старухи собираются и с иконами ходят, иконы в святой ключик макают и молятся, чтоб дождя бог дал, и прозвали Святой (Троиц.);

Во втором логу был ключ, который звали Святым. Он был чистым, сюда ходили молиться с иконами, просили за урожаем (Егор.);

Святой ключ у нас есть, в Сорочьем логу находится. Туда старухи молиться ходили, так и прозвали Святой ключ (Перв.);

Был такой Святой ключ, туда ходили каждый раз на Николу (Нович.);

Есть родник, Там церковь была. Родничок появился, вода идет и идет. Ходили богу молиться туда, кланяться, происть Бога (Калм.).

Итак, ментальный образ “святого” и “нечистого” места представлен в топонимии Алтая сочетанием реальных и нереальных признаков. Мифологичность отражения в топонимической картине мира поддерживается присутствием в сознании образов светлых и темных сил. Устойчивость противопоставления этих образов определяется ментальной структурой русского сознания: противопоставлением темных и светлых сил, добра и зла.

Топонимическая система, таким образом, в своей основе имеет набор базовых стереотипов, которые связывают единицы всех классов имен и уровней языка между собой и со сферой внеязыкового опыта, внутренне организуют элементы топонимических систем. В организации топонимической системы, с нашей точки зрения, могут быть представлены четыре основных стереотипа, действующих в топонимической ситуации. А именно стереотипы: антропоцентрический; временного соположения; пространственного соположения; отражения внутренней структуры.

Что касается первой рассмотренной нами ситуации, то она достаточно распространена в топонимии Алтая. Подтверждением устойчивости, стереотипности данной модели ситуации могут служить названия всех топонимических классов, зафиксированные в данном топонимическом пространстве и зачастую имеющие антропоцентрическую структуру.

Вторая ситуация очень характерна для начального этапа формирования онимии региона с вторичным заселением, о чем свидетельствует широкое распространение этого ментального топонимического стереотипа в названиях ойконимических блоков.

Третий ментально-топонимический стереотипный комплекс устойчиво присутствует в сознании жителей как отражение характерного для русского менталитета противопоставления добра и зла, светлых и темных сил.

О существенной роли прагматических факторов в процессе концептуализации неязыковой действительности носителями языка также свидетельствуют и названия, прямо или косвенно характеризующие существенные внешние параметры именуемых объектов: размер, форму, цвет, флору и др. Подобные названия (за редким исключением) содержат в своей глубинной структуре информацию о хозяйственной пригодности объекта, важную для носителя языка и доминирующую в его видении окружающей природной среды.

Однако не во всех топонимах и микропонимах можно определить положенную в его основу структуру ситуации, установить степень влияния когнитивно-прагматического контекста, выделить онимические универсалии, характерные для данного региона.

Указанные стереотипы *непосредственно наблюдаемы в топонимических микросистемах как наиболее приближенных к сознанию языковой личности.*

ГЛАВА 4

РЕГИОНАЛЬНОЕ БЫТИЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ МИКРОСИСТЕМЫ

4.1. Топонимическая микросистема

(к проблеме определения)

4.1.1. Ономастическое пространство одного села.

Языковым коррелятом когнитивно-прагматического пространства является ононимическое пространство региона. Традиционно ононимическое, или ономастическое, пространство рассматривалось лингвистами как *совокупность ономастических единиц всех классов определенной территории.*

Так, А.В. Суперанская, используя этот термин, имеет в виду ононимический континуум, имеющий разнообразное наполнение в разные эпохи и у разных народов, условно разделяемый: 1) на имена реальных предметов, 2) имена вымышленных предметов, 3) имена гипотетических предметов (Суперанская, 1973, с. 148); “Совокупность всех имен собственных, употребляющихся данным социумом в определенную историческую эпоху, составляет ономастическое пространство. Объем и характер его связан с составом объектов, ономастизируемых данным языковым коллективом в тот или иной период” (Суперанская, 1976, с. 9).

Аналогична позиция О.Т. Молчановой: “Сам топонимический тезаурус территории складывается из топонимической лексики, то есть строевых элементов ГИ, и ЛСГ, сконструированных из всех единиц топонимической лексики. Проприальная номинация (апеллятив – топоним) строится на значимых единицах языка как билатеральных языковых знаках, представляющих собой единство плана выражения и плана содержания. Эти единицы языка (цельно- и отдельнооформленные) образуют топонимикон какой-то территории, в цельном виде представляющий собой набор определенных страт, разноязычных и разновременных, составивших ономастическое пространство” (Молчанова, 1998, с. 231).

Иной подход к ономастическому пространству у В.И. Супруна, который устанавливает границу между ономастическим пространством и полем: *“Ономастическое пространство – совокупность имен собственных как таковая, безотносительно к ее внутреннему устройству, ономастическое же поле предполагает наличие системно-структурных отношений и связей, выступает как упорядоченная, иерархизированная совокупность имен собственных. Эта структура достаточно устойчива, стабильна, однако обладает также чертами переменчивости, функциональной подвижности”* (Супрун, 2000, с. 9).

Важным для нас в перечисленных работах является указание на связь онимического пространства с когнитивно-прагматическими установками личности носителя языка: *“Естественно, что наиболее расчлененная часть словесной субстанции соотносится с кругом предметов, наиболее близких и необходимых человеку. Членение реального и нереального мира в ономастическом плане так же определяется в первую очередь значением предметов для человека и потребностью в специальных индивидуализирующих обозначениях для них”* (Супранская, 1973, с. 142).

Онимическое пространство – это *комплекс имен собственных всех классов, употребляемых в языке и речи для именованя объектов определенной территории, поэтому онимическое пространство одного села отражает и общие тенденции развития онимии региона в целом, и своеобразие функционирования имен в пределах одной конкретной микросистемы, а также фиксирует особенности формирования языковой картины мира данного региона.* На формирование узкорегionalной, известной, как правило, в одном селе, микросистемы имен собственных влияет данный микромир, в частности, местный диалект, географические условия, этнический состав населения, исторические события, мировоззрение жителей и т.д., – т.е. все то, что

обуславливает и составляет когнитивно-прагматический контекст функционирования языковой и топонимической системы.

В онимическом пространстве *представлена не только формальная связь топонимов и антропонимов*. Их взаимоотношения помогают установить истоки принципов и способов топонимической номинации, процессы перехода имени нарицательного в собственное, а также определить степень влияния когнитивно-прагматических условий на номинацию и функционирование географических названий. Наряду с топонимической микросистемой онимическое пространство способствует изучению языковой картины мира через выделение ментальных моделей, которые организуют и сохраняют результаты совместных когнитивных и речевых усилий; позволяет выделить онимические универсалии региона, т.е. закономерности, наблюдаемые во всех именах собственных изучаемого региона в данный период, свидетельствующие о единых принципах номинации выделяемых объектов и о единстве эволюции именных систем.

Ономастическое пространство отдельного села представляет собой *фрагмент топонимической картины мира, поскольку в это пространство входят не только имена собственные как таковые, но и парадигматические и синтагматические связи, а также восприятие их носителями языковой системы*. По этой причине обязательным элементом пространства являются показания носителей языка, тех, кто пользуется ономастической системой.

На основании проведенного ранее анализа материала (Дмитриева, 2001) можно сделать определенные обобщения относительно несущих параметров ономастического пространства.

Между топонимами и микропонимами, с одной стороны, и антропонимами, с другой, в ономастическом пространстве существуют словообразовательные связи, основанные на единстве когнитивных

структур, ментальных топонимических стереотипов. Это обуславливает *целостность эволюции именных систем онимического пространства.*

Чаще всего в процессах категоризации используются категории владельческой принадлежности (посессивный стереотип сохранился в сознании носителей языка на протяжении более чем ста лет) и ориентации относительно жизненно важного объекта. Однако мы можем наблюдать некоторые изменения в наборе категорий, связанные с потерей актуальности ситуации принадлежности.

Существенную роль в процессе концептуализации действительности играют прагматические факторы, такие как географические условия, этнический состав населения, исторические события, связанные как с заселением региона, так и с последующей его историей, мировоззрение жителей и т.д..

Есть основания предполагать, что *ономастическое пространство является открытым* относительно не только новых конкретных названий, но и целых классов “ономастизируемых” предметов, если только они занимают соответствующее место в системе ценностей мировоззрения носителей топонимии региона.

Поскольку микротопонимы отличаются от собственно топонимии тем, что экстралингвистические факторы проявляются здесь с наибольшей силой, то на базе именно этих топонимических единиц возможно обращение к сознанию человека, в котором объединяются как языковые, так и адаптационно-деятельностные модели и происходит связь лингвистических и экстралингвистических факторов (таких как внешние условия жизни человека, профессия, пол, образование, возраст, культурный уровень общества носителей топонимикона). Поэтому именно на материале микросистем следует рассматривать механизм взаимодействия системно-языковых, когнитивных и прагматических факторов, влияющих на организацию топонимической системы.

4.1..2. О понятии топонимической микросистемы.

Многоярусность топонимической системы обусловлена тем, что она включает множество функциональных единиц. Такими единицами в традиционном понимании могут быть признаны *топонимические микросистемы*.

В научной литературе начиная с 1960-х гг., со времени выхода сборника “Микротопонимия” (1967), существовало множество определений топонимической микросистемы и микротопонима, поскольку они признавались центральными понятиями теории топонимической системы. Накопленный топонимистами значительный фактический материал, некоторые теоретические обобщения позволяют по-иному взглянуть на содержательную сторону терминов “микротопоним” и “топонимическая микросистема”.

Некоторые исследователи считают микротопонимами названия земельных участков – полей, пастбищ, урочищ и т.д., принадлежность к микротопонимии определяется *характером* соответствующих *географических объектов*. Представители другой точки зрения основным критерием выделения микротопонимов считают *размер* именуемого объекта: “к микротопонимам относятся все названия мелких географических объектов” (Карпенко, 1967а, с. 15); “микротопонимы – это мелкие объекты” (Никонов, 1964, с. 7). А.К. Матвеев отмечает, что термин “микротопоним”, “о значении которого давно идут споры... точно определяет семантику: микротопонимы – названия малых объектов” (Матвеев, 2001, с. 83).

При этом исходя из *величины* называемых объектов все топонимы делят на макротопонимы – названия *крупных* природных или созданных человеком объектов и политико-административных объединений и микротопонимы – названия *малых* географических объектов,

особенностей ландшафта (Бондалетов, 1983, с. 163). Размер объекта, с точки зрения Н.В. Подольской, влияет и на “длительность существования” названия в системе: “Как правило, чем мельче объект, чем незначительнее, тем скорее исчезает и он, и его название, если только оно не становится с течением времени названием более крупного объекта” (Подольская, 1961, с. 173).

Функциональный подход И.А. Воробьевой, основанный на степени известности как факторе, разграничивающем уровень “микро” и уровень “макро”, в определенной мере дополняет позицию Н.В. Подольской. К микропонимам относятся только те названия, которые употребляются в одной микросистеме: “названия, функционирующие лишь в пределах одной микросистемы и неизвестные в другой” (Воробьева, 1973, с.19). Таким образом, в данном определении соединяются два понятия: *микротопоним – микросистема*.

Критерий малой степени известности микротопонима, известности в пределах одного села поддерживается многими исследователями: “существуют топонимические “микросистемки”, центром которых является название поселения. В их состав входят названия самых разнообразных микрообъектов, находящихся в пределах земельных владений данного поселка, то есть лесов, ручьев, болот, полей, покосов, дорог и т.д. Таких “микротопонимических систем” существует столько, сколько поселений в данном районе” (Подольская, 1967, с. 43); “Микротопонимия – это совокупность географических названий, известных только ограниченному кругу людей, живущих рядом с называемыми небольшими объектами – выгонами, пашнями, угодьями, болотами, балками, урочищами, оврагами, курганами, колодцами, излучинами небольших рек, зимовьями, ручьями и т.п.” (Мурзаев, 1974, с. 23).

Обобщив основные выводы исследователей, мы смогли резюмировать, что микротопоним – название “определенного типа географического объекта”; “небольшого объекта”; “с низкой степенью известности”; “известное в пределах одной микросистемы”. Однако такие критерии выделения микротопонимов и микросистем *недостаточны* и во многом *противоречивы*. Указанные принципы не всегда подтверждаются данными, полученными в ходе полевого сбора топонимического материала. *Степень известности микротопонима зависит не от величины объекта, а от важности объекта в жизни человека.*

Границы территориально-административного деления региона не всегда совпадают с границами жизненно важного пространства жителей села и каждого носителя топонимикона в отдельности, что подтверждают и сами жители:

Наше село Куяча находится недалеко от сел Куяган и Тоурак. Названия есть, много есть. Вот не знаю, к нам их отнести или к нашим соседям, куячанцам, ведь мы недалеко друг от дружки (Алт.).

“Локальность топонима не следует... механически отождествлять с локальностью называемого географического объекта. Топоним локализован только в момент своего образования, в дальнейшем же, в процессе развития топонима, его локальность исчезает, растворяясь в *сфере известности* называемого им географического объекта. Сфера эта, естественно, может быть весьма различной, в том числе и очень малой. Ее размеры определяются не названием, а объектом, его общественной значимостью... Получается, что единичность, локальность объекта не обеспечивает локальности названия, а наоборот, разрушает ее”, – справедливо замечает Ю.А. Карпенко (Карпенко, 1980, с. 49).

Как показывает целенаправленное изучение функционирования микротопонимов в пределах нескольких рядом расположенных сел, совсем не обязательно, что малый объект не известен за пределами одной

микросистемы. Более того, на Алтае, например, нет ни одной микросистемы, где все топонимы были бы известны только в пределах одного села.

Например, в Завьяловском районе одну из наиболее многочисленных групп топонимов составляют названия озер, из них названия озер: *Артельное, Батово, Кривое, Грачиное, Горькое, Соленое, Домашнее, Куликово, Курневатое, Старинное, Чернаково* известны на территории всего района (Дмитриева, 2000, с.), причем известно не только название озера, но информаторы в разных селах дают довольно подробную характеристику-описание объекта.

Рассмотрим некоторые из них. Озеро *Артельное* известно на территории *всего* Завьяловского района района, причина наименования связывается всеми жителями со словом “артель”: *В сторону Александровки там есть большое озеро Артельное, на нем рыбу ловили бригадами из трех деревень – Камышенки, Александровки, Чистоозерки.* Со всей определенностью можно сказать, что название озера *Бакланье* (вариант *Баклан*) определяется наличием на берегах озера в прошлом птицы баклан: *Это большое озеро. Баклан – птица такая, ее там, наверно, много было, в камышах.*

Название озера *Батово* связано с диалектным словом “бат” – “долбленный из колоды челн”, которое функционирует в языковой системе региона: *А возле перешейка место, куда переплывали на батах, на лодках.*

Наименование озера *Грачиного* обусловлено обитанием на его берегах большого числа грачей, это подтверждают все без исключения жители: *На его берегах селились грачи. Облепят так, что даже озера не видать – все черно.*

Этот перечень можно продолжать. Аналогичная ситуация в Курьинском районе. Нами был составлен полный список всех географических названий

с указанием времени фиксации, частотности по всем селам района. Наложение этих сведений показало, что за пределами одного-двух сел известны и активно используются такие названия, как: *Абакшина сопка; Алехины ямки; Балакин колодец, Балакина пашня, Барсучья долина, Батунная согра, Батунная сопка, Бацелакское озеро, Белая глина гора, Березка - речка, Березки - место, Березовка речка, ключ Березовое озеро, Ближний ключ, Ближняя дубрава, Ближняя пасека, Богатое – остров, Большая гора, Большой затон, Большой ключ, Большой луг, лог Васильев, ключ Васильев, Васильев увал, Васькин лог, Верхний лог, Веселое место, Видявкины лога, Видявкин лог первый, Видявкин лог второй* и т.д. (См. Приложение 4)

А название улицы *Парижской*, известной далеко за пределами района, связывается всеми жителями с легендой:

Улица Парижская – старинное название. Мастер Протопопов. Александр I Наполеону решил преподнести подарок. В Колывани была изготовлена ваза в форме шара, который заканчивается ножкой и стоит на постаменте, которую Александр направил в Париж, с ней был послан мастер Протопопов, чтобы собрать ее, который жил на этой улице. Протопопов явился из Парижа и при разговоре с соседями говорил: “У нас в Париже”, и по этой причине прозвали эту улицу Парижской, хотя, конечно же, реальная причина именованья иная – в начале XX в. многие села и улицы были названы по наименованию ТОЗов и коммун.

Все приведенные примеры *разрушают тезис о известности микропонима в пределах только одного села.*

Таким образом, в настоящее время *единого, не содержащего внутренних противоречий определения микросистемы в топонимической литературе не существует.* Многочисленные попытки после работ И.А. Воробьевой, Ю.А. Карпенко, А.В. Суперанской дать такое определение микросистемы не выходили до настоящего времени за рамки

традиционного системного аспекта. Для определения языковой сущности микропонимии исследователи использовали в основном внешние, экстралингвистические факторы, более того, не применимые ко всем без исключения микропонимам.

На необходимость теоретической разработки вопроса указывают и авторы монографии “Теория и методика ономастических исследований”: “Оставляя в стороне спор о правомерности применения термина микропоним, будем его здесь употреблять в традиционном смысле, *сознавая нечеткость его дефиниции и желательность теоретической доработки тезиса о типах топонимов и именуемых с их помощью объектов* (выделено нами. – Л.Д.)” (Теория и методика... 1986, с. 52).

Исследование микропонимии, с нашей точки зрения, должно быть теснейшим образом связано с изучением глубинных характеристик топонимических систем. Будучи элементом топонимической системы, топонимическая микросистема должна представлять собой *упорядоченное* множество, блоки микропонимов, которые организованы в единое целое для наиболее оптимального выполнения ими прямой номинативной, дифференцирующей и идентифицирующей, социальной и коммуникативной функций.

До настоящего времени ситуация неопределенности в исследовании топонимических микросистем кардинально не изменилась. В работах последних 2–3 лет, ориентированных на современную лингвистическую парадигму, *господствует терминологическая разобщенность*. Однако исследователи уже начинают обращать внимание на противоречия понимания микросистемы исключительно в рамках системного подхода. Ставится проблема необходимости нового подхода.

Степень известности имени определяется не только (и не столько) спецификой географического положения и истории, а особенностями *ментально-языкового освоения* окружающего пространства. Тезис о

степени известности как факторе, разграничивающем уровень “макро” и уровень “микро”, может быть дополнен прагматическим компонентом (коммуникативно-определяющего характера): кому известен? (возраст, пол, профессия и т.д.), как долго известен? (сегодня, вчера, всегда). При таком подходе внутренняя связь элементов системы обеспечивается не только парадигматическими и синтагматическими отношениями, но и так называемым единством личности. *Для моделирования организации топонимических микросистем необходимо обращение к сознанию человека, в котором объединяются как языковые, так и адаптационно-деятельностные модели, и в котором происходит связь лингвистических и экстралингвистических факторов. Исследование микросистем переходит от совокупности названий небольшой территории к пересечению индивидуальных представлений людей об окружающей местности.* Противопоставление общего и индивидуального в топонимической системе исходит из философской идеи о многоплановости бытия, из онтологических различий бытия – общего и единичного, общего и индивидуального. В антропоцентрической научной парадигме многие проблемы бытия решаются через обращение к человеку, современная философия направлена в область существования человеческой сущности, человеческого бытия, которое “сбывается в языке”. Принимая тезис о том, что “признак, сходный с признаками всех предметов фиксированного класса”, является общим признаком, а это общее выражается в единичном, индивидуальном, мы признаем, что наряду с языковыми системами как частью универсума существуют и индивидуальные лингвистические системы, дислоцированные в головах отдельных индивидов, а *системные изменения в онтологии осуществляются в ментальном бытии языковой личности.*

Как онтологическая сущность топонимическая микросистема обладает характеристиками, присущими всем системам: целостность, единство,

оппозиция (реально это выражается наличием бинарных оппозиций топонимов, топонимических системных рядов с оппозицией по топооснове и тождеством форманта и под.) – наличие парадигматических и синтагматических противопоставлений. Однако изучение топонимической системы в когнитивно-прагматическом аспекте предполагает взгляд на топонимию с позиции человеческого сознания, учитывает связь речемыслительной активности с фондом языкового и неязыкового сознания, с прагматическими установками.

Суммируя сказанное, можно дать определение топонимической микросистемы, согласно которому *топонимическая микросистема – это совокупность взаимодействующих субансамблей, где субансамбль – совокупность топонимических единиц, присутствующих в сознании личности (как типа).*

Топонимическая картина мира – это первый уровень сканирования субансамблей, именно топонимическая картина мира (как представленность сознания) формирует субансамбли. В ходе анализа конкретного материала были определены основные факторы, в зависимости от которых могут различаться системы миропредставления (традиционно эти характеристики рассматриваются и как параметры языковой личности), это: 1) пол; 2) возраст; 3) национальная принадлежность; 4) профессиональная принадлежность; 5) степень языковой компетенции, обусловленная уровнем образования носителя топонимикона. Взаимодействие этих факторов определяет специфику каждого субансамбля.

Синтезируя микросистемы по указанным признакам, получаем *синхронную статическую модель микросистемы*, в которой достаточно явно проявляется ядерная и периферийная части.

Полевое структурирование ономастического пространства, как мы отметили выше, рассматривает В.И. Супрун. Он, в частности, отмечает:

“Несмотря на сложности определения сущности полевого структурирования ономастического пространства, на разнообразии подходов к рассмотрению русского ономастического континуума, можно в целом констатировать, что ономастическое поле является реально выделяемой языковой структурой, обладающей такими едиными для всей совокупности входящих в него единиц характеристиками, как: *наличие ядерно-периферийных отношений, семантическая общность, предполагающая сходную семантическую структуру слова (наличие/отсутствие дифференциальных и потенциальных сем), частотность, стилистическая окрашенность, словообразовательная активность*. Эти признаки поля действуют совместно, дополняя друг друга; некоторые из них могут активизироваться или нейтрализоваться” (Супрун, 2000, с. 11) и указывает на специфику ономастического поля: “В топонимическом пространстве действуют *иные основания выделения ядерно-периферийных отношений, определяющиеся известностью, величиной обозначаемого объекта, частотностью употребления онима*. Практически все топонимические разряды способны выделять из своего состава конститuenty, обладающие общеязыковой и общекультурной известностью, получающие коннотативные приращения, ассоциативные связи” (Супрун, 2000, с. 48).

При последовательном наложении субансамблей возможно *выделение зон их пересечения, которые составляют ядро топонимической микросистемы*. При этом в ядерную часть входят названия *не столько ближайших, сколько важнейших объектов*. Единицы, не имеющие пересечений с другими субъединицами, составляют периферию микросистемы. Ядерными компонентами для микросистемы села Кашкарагаиха (Тальменский р-н), например, являются названия: *Бараба – часть села, Боброво – часть села, Журавлевский хутор – часть села, Тамба – часть села, Табор – земельное угодье, Забока – место, Затон –*

участок, Сухая елань, Гордиенковская согра, Лысая гора, Катюшина гора, Зайцевская дорога, Речкуновская дорога, Озерская дорога, Хомутина – болото, Старица – болото. Эти названия представлены в ядре всех типов субансамблей. Периферийными для указанной микросистемы являются: *Восьмерка – озеро, Мульково озеро, Шадрина пашня, Займище – пашня, Никитинский покос, Гнилой угол, Солдатская ямка, озеро Холодненькое, Черемуховый куст – околос.* (см. табл. “Микросистема с. Кашкарагаиха”).

При этом компоненты ядра одной микросистемы могут быть периферийными для другой микросистемы и наоборот (подобная структура предлагается Е.Л. Березович) (см. Березович, 1992, с. 22). Через периферию каждая микросистема пересекается и постепенно переходит в пределы других систем, и так они образуют целостную *топонимическую сеть*. В структуре конкретного субансамбля важно выделить не только ядро, но и предцентральную часть (ближайшую к центру системы область пересекающихся точек), поскольку она, во-первых, указывает на частотность единицы в индивидуальных топонимиконах, а во-вторых, при наложении субансамблей возможен переход единицы из ближайшей к центру части предцентральной области в ядерную сферу.

Целенаправленное исследование функционирования географических названий микросистемы села Тогул Тогульского района позволило выявить, что известных всем жителям названий – 25%; названий, известных старожилам – 23%; названий, известных людям среднего возраста – 48% , названий, известных молодежи и детям – 4%. Такое распределение с некоторым количественным варьированием может быть признано нормой для региона.

Диаграмма микросистем, сформированных на основе *уровня образования*, практически совпадает со схемой *профессиональных микросистем*. Здесь мы фиксируем ситуацию одновременного влияния двух факторов: и образования, и профессии (см.4.3.).

Разнообразие типов микросистем позволяет представить иерархию микросистем: они могут находиться в отношениях пересечения (АБАБ); параллельности (ААББ); включения (АББА).

Топонимическая микросистема при означенном подходе может рассматриваться как чрезвычайно *устойчивый* организм. Утверждение об исчезновении микротопонимов основано на смешении (что, к сожалению, и наблюдается в современных работах) двух принципиально разных понятий: микротопоним – объект. Ю.А. Карпенко справедливо отмечает: “само по себе устранение объекта вовсе не приводит к устранению его названия” (Карпенко, 1988, с. 7). На устойчивость микротопонимии указывает и А.В. Суперанская: “...принадлежность названий к микротопонимам определяется, следовательно, не только их размерами... добавляется еще и социальный момент – роль объекта в жизни человека, с чем связан и фактор известности объектов и их названий. Микротопонимы обычно узколокальны... Как представляется из наблюдений, на территориях длительного пребывания определенного контингента жителей микротопонимы могут быть весьма *устойчивыми*” (Суперанская, 1973, с. 167).

Микротопонимы обладают особенностями как языкового, так и неязыкового плана, и те и другие заслуживают внимания исследователя. К неязыковым особенностям микротопонимов, по мнению ученых, относится непродолжительность их жизни в сравнении с собственно топонимами. Однако топонимическая система “не терпит пустоты”: исчезает название – появляется другое. Но с исчезновением объекта не всегда исчезает его имя, часто оно еще долго функционирует в системе – фразы типа: *был околоч раньше, а место так и называют* – обычны в топоконтестах. Устойчивость микросистемы осознается и самими жителями:

К северу от Орлова тоже село было, Чертеж называлось. Сейчас одни холмики остались на месте бывших хат – жутковатая картина, не знаю, откуда немцы такое название для села взяли. Села нет, а все места так и зовут Чертеж, Чертежские поля... Здесь никаких рек или озер не было – Степь. – Почему? Да потому, что иначе остались бы здесь названия, ведь название всегда остается, долго живет, даже если озеро высохло... А откуда им взяться, если названий не сохранилось? Там, за огородами орловскими, бывшая пасечная изба стоит. Зовут место просто Пасека, так просто и говорят: “Возле старой пасеки”, а пасек-то давно уже и нет (Нем.);

Ручьи из родников берут начало. А сейчас родники ушли, и речки пересыхают. Позаросли родники. Сейчас они углубились, рукой не достанешь, как колодцы стали. Колодцы называют по именам, вот Петров колодец. “К Петру Ивановичу на колодец”. Колодцев сейчас нет, позаросло все, колодцев давно нет, а место называют (Тог.);

Васькина пасека – раньше там содержал пасеку некий Васька, который давно умер, и пасеки давно нет, а место так называют по-прежнему (Краснощ.).

Так, в селе Курья, где сбор материала проводился 11 раз в течение 27 лет (со средней периодичностью), опрошено 36 информантов, зафиксировано 218 названий. Из этого количества 76 топонимов (более 30%) являются названиями мест, на которых раньше находился какой-то географический объект. Все эти названия из года в год воспроизводятся информантами, что говорит о “жизненности” имени в сравнении с топообъектом:

Было озеро Очаровательное на сопке (очень красивое было) это до революции. И называлось Очарованное, а потом стало Очаровательное. Сейчас озерко высохло, названья ему нет, а место так и называют; Кривой осинник – звали околки, какие там тополя росли, а звали почему-

то осинник, но потом все на дрова вырубали, новых не выросло, а место все зовут по-старому – Кривой осинник и т.д.

Причины устойчивости названий, с нашей точки зрения, наряду с длительностью существования – его общественная значимость объекта; связь названия с историей, отражение в названии каких-либо значимых событий; персонификация; активное употребление названия жителями (хозяйственная значимость).

Об устойчивости микротопонимов свидетельствует и сопоставление материалов архивов начала XX в. с современными полевыми топонимическими материалами. Названия претерпели внутренние изменения – в сознании жителей нарушилась связь с антропонимом, появилось иное содержание имени, однако название сохранилось. Приведем некоторые примеры (более полно этот аспект представлен в “Ойконимическом словаре Алтая” (Дмитриева, 2001в).

Коровинский хутор (1914 г.): “На хуторе 4-й год проживает арендатор-заемщик Андрон Матвеев Коровин, который подал прошение о водворении его на означенный хутор” (А) – Коровник – место (совр.). *Наверно, там скотный двор был;*

На отрезке деревни Хорошавки проектированы переселенческие участки Карасевский – господина Карасева, Фионов Ракит, при озере Черненьком, Ягодный колок, Свиные колки (А) – Карасевское озеро (совр.). ... *карасей много;*

На участке Стыровском арендатора Стырова – непросыхающее болото Стырово (А) – Старовское озеро (совр.). ...*самое первое, самое старое озеро;*

с. Ненинка – Ложников Прокопий (по реке Карабашке), Бурмистров Петр Степанович (в 4 верстах по реке Нене), Саламагин Захар, Ликонцев Петр... – Бурмистрова протока (совр.). *Очень бурное там течение, мелко, но бурлит, это возле Мирного, километров пять по реке и т.д. (см. гл. 3);*

Проанализировав динамику нескольких микросистем Алтая в течение XX столетия, мы пришли к выводу: топонимическая микросистема чрезвычайно *устойчива*. Эта устойчивость микросистемы объясняется, с нашей точки зрения, *устойчивостью представлений личности о геопространственной реальности*, т.е. устойчивостью топонимической картины мира: *Раньше старики каждую сопочку, каждый бугорочек называли Старики назвали, и мы так зовем; Раньше выдумали, так и осталось сейчас*.

Можно, однако, говорить о *функциональной* неустойчивости (прежде всего о вариативности) всякой микросистемы, что и является одним из неперенных условий стабильного и динамичного развития общей топонимической системы. Для рассмотрения *динамизма* микросистемы, на наш взгляд, важны два плана: в течение какого времени известны названия и известны одному-двум (индивидуальная проекция) или многим-всем (коллективная проекция). Только получение совокупности ответов может дать, как нам видится, представление о реальном функционировании и развитии топонимических микросистем. При данном подходе топонимическая микросистема представляется *фокусом* бинарных оппозиций, поскольку реально системными должны быть признаны только те противопоставления, которые существуют в сознании носителей языка, а не зафиксированы на карте (иногда это результат случайного совпадения):

Туда Прилавок Большой и Прилавок Маленький;

А за ним Маленькая Аскуровка речка и Большая Аскуровка;

У нас вот тут остров Большой и Маленький остров, вода заходит вдоль него;

У нас Большая Курья и Малая Курья озера;

Туда дальше Большое Седло, потом Малое Седло;

Дальняя пасека – там когда-то была пасека ... и есть место Ближняя пасека;

Продольное и Поперечное озеро – Поперечное оно идет поперек ветра, ветер чаще дует с южной стороны, а Продольное – вдоль;

Грязный лог, потому что там вода грязная, скот там. А рядом с ним Сухой лог, сухой абсолютно, ложбина хорошая, сухая (материал топонимической микросистемы села Курья).

В настоящее время на Алтае существует более полутора тысяч сел – они отличаются национальным составом, географическим положением, временем заселения, при этом границы топонимической микросистемы, функционирующей в каждом селе, не совпадают с территориальными административными границами. Построение типологии топонимических микросистем в заявленном аспекте позволит сделать обобщения и выводы, выявить особенности иерархии региональной топонимической системы.

Таким образом, топонимическая система может быть представлена в двух аспектах своего существования – *онтологическом (как компонент региональной топонимической системы) и ментальном (как совокупность пересекающихся субансамблей).*

4.2. Топонимическая микросистема – компонент региональной топонимической системы

Изучение топонимических пространств отдельных населенных пунктов представляется весьма перспективным, так как это позволяет, с одной стороны, зафиксировать все географические названия разных регионов России, с другой – обобщив региональный топонимический материал, сделать теоретические выводы.

Всякая топонимическая система состоит из отдельных блоков – топонимических микросистем, каждая из которых развивается, во-первых, по своим внутренним законам, а во-вторых, по законам общей региональной системы. Они обладают общими признаками: единым набором словообразовательных средств, общими устойчивыми семантическими признаками. Кроме того, микросистемы одного региона обладают совокупностью факторов, индивидуализирующих всякую микросистему.

Функциональная характеристика топонимических микросистем Алтая разнообразна, различия обусловлены национальным составом (русские, украинцы, немцы и др.); географическим положением (степная зона, лесостепь, лесная зона, горная местность). Характеристика микросистем различается и в зависимости от времени заселения. Территория Алтая благодатна в этом отношении – диапазон более 200 лет, историки традиционно выделяют несколько этапов русского заселения Алтая: начало XVIII в. – начало XX в.

Остановимся на анализе топонимической микросистемы села Бугрышиха, Курьинского района.

Влияние региональной топонимической системы на топонимическую микросистему на онтологическом уровне проявляется прежде всего в том, какие словообразовательные типы и модели используются для образования. Тот факт, что в топонимии для создания новых названий модели используются не хаотично, а лишь определенный их набор, образуя при этом упорядоченную по структуре совокупность, говорит о системности топонимии. Как уже указывалось, географические имена возникают в определенном ряду. Такие ряды создают, например, названия, образованные по определенной модели (наиболее устойчиво-частотной): *Алехины ямки, Гурина яма, Гусева яма, Афанасьев увал, Макаренкова пашня, Гурьянов ключ, Максимов лог, Слободчиков луг.*

В тот или иной промежуток времени продуктивность разных типов, способов, моделей может быть различной. Однако “история может разрушить парадигму”, в которой находится название, появляются топонимы вне ряда, и система стремится “втянуть” эти названия в продуктивные в данный период парадигмы.

Так, для топонимии Курьинского района совершенно непродуктивными являются суффиксы *-иц*, *-щина*. Поэтому географические названия — место *Гороховица*, *Казеницина* стоят вне топонимического ряда. И в настоящее время жители с. Бугрышиха часто называют объекты *Гороховым*, *Казенным*, т.е. система начинает “втягивать” топонимы *Гороховица* и *Казеницина* в продуктивные парадигмы.

Еще более выразительно подтверждается системность тем, что совокупность топонимов одного класса противопоставлена совокупности топонимов другого класса. В топонимии района выделены как основные три класса объектов: ойконимы – названия сел и их частей, гидронимы – названия водных объектов, оронимы – названия возвышенностей.

Влияние топонимической системы сказывается в том, что названия, принадлежащие к разным классам объектов, образованы часто по различным словообразовательным моделям. Так, для ойконимов более всего характерна аффиксация. При этом названия большинства сел образованы с помощью суффиксов *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*: *Романово*, *Трусово*, *Казанцево*, *Брусенцево* и т.д., а названия частей села чаще используют суффикс *-к(а)-*: *Нахаловка*, *Бурановка*, *Орловка* и т.д.. Менее характерны для ойконимов безаффиксные образования, словосочетания, почти не встречаются предложно-падежные конструкции.

Другим классом объектов, который разграничивает система, являются гидронимы. Сюда входят названия ключей, рек, озер, болот и других гидронимических объектов: ям, рвов, заполненных водой, заводей, прудов.

Для названия рек территориальная топонимическая система чаще всего использует аффиксацию. Преимущественное количество таких географических имен образовано с помощью суффикса *-к(а)-*: *Каменка, Камышенка, Курейка, Сосновка* и т.д. Безаффиксные образования в названиях рек менее распространены, встречаются они только в форме существительных: *Чарыш, Курья, Старица* и т.д. Причем нужно отметить, что названия рекам даны с учетом их размеров. Суффикс *-к(а)-* используется тогда, когда речка небольшая. В данном случае система разграничивает не только географические имена различных объектов, но и названия одинаковых объектов, учитывая их размеры. Для рек не характерно использование словосочетаний, а также предложно-падежных конструкций, кроме речек: *Нижняя Канхара — речка, Верхняя Канхара — речка, Большой Затон — речка, Малый Затон — речка.*

Нужно отметить то, что жители Курьинского района зачастую смешивают понятия “река” и “ключ”. Один и тот же объект некоторые из них называют рекой, а другие ключом: *Бугрышишка - речка — Бугрышишка - ключ; Гороховица - речка — Гороховица - ключ; Нифонов ключ — Нифонова речка; Пазушка - ключ — Пазушка - речка* и т.д. В словообразовательной структуре этих топонимов нет принципиальной разницы. Среди них одинаковое количество занимают аффиксальные образования и безаффиксные. Безаффиксные топонимы этой группы гидронимических объектов встречаются только в форме прилагательных: *Верхний ключ, Зверобойный ключ* и т.д.

Третьим классом объектов, который разграничивает система, являются оронимы. Это прежде всего названия логов, гор, сопков, увалов. Среди оронимических названий аффиксальные топонимы встречаются в том же количестве, что и безаффиксные топонимы – большинство из них в форме прилагательных. Так, среди названий грив и логов 73% – топонимы-прилагательные: *Вострая сопка, Долгая грива, Крутой спуск.* Для

обозначения оронимических объектов употребляются и словосочетания, но их значительно меньше, чем безаффиксных топонимов: *Горохова седелка - гора, Пологие релки - гора* и т.д.

Таким образом, топонимическая микросистема стремится разграничивать названия трех классов объектов по их словообразовательной структуре.

Подобное разграничение проводится и в семантике. Так, в основе большинства ойконимических названий лежит указание на связь с именем человека. Количество таких топонимов около 60%: *Трусово, Быково, Казанцево* и др.

Несколько по-иному распределяются по семантическим группам гидронимические названия. Например, у рек чаще всего подчеркивается какой-либо их признак: *Песчанка, Грязнуха, Каменка, Сосновка* и т.д. В основе же названий ключей очень часто (43%) лежит указание на связь с именем человека: *Зырянов ключ, Маринихин ключ, Макаренков ключ, Шестаков ключ* и т.д.

Для третьего класса объектов, оронимов, топонимическая система также выбирает определенные семантические группы. В основе 50% всех названий грив и логов лежит указание на характерную форму и размер объектов: *Долгая грива, Долгая сопка, Крутой лог, Воструха — сопка* и т.д.

Таким образом, в топонимах разных классов подчеркивается определенный признак, который является важным для этого объекта. Здесь, конечно, влияют прежде всего экстралингвистические факторы (историческая обстановка, условия жизни и быта и т.д.). Система же вступает в свои права тогда, когда появляются одинаковые по форме и содержанию топонимы, она разграничивает их, упорядочивает и организует.

Итак, топонимическая микросистема с.Бугрышиха разграничивает классы объектов. Эти разграничения проводятся как в структуре, так и в семантике. Самым ярким примером такой дифференциации является то, что омонимичные названия разных классов различаются. Здесь можно говорить о парадигматических противопоставлениях:

лог Писарев — гора Писаревская;

село Тигирек — Тигирецкий луг;

Крюкова гора — Крюковский лог — Крюковский родник;

*Синий утес — Синюха гора — Синюшка речка;
река Суетка — село Суетка — лог Суетинский— увал Суетинский
— Суетинская гора.*

Каждая противопоставленная пара имеет общий знаменатель – корень, но система действует на эти топонимы таким образом, что они различаются по своей словообразовательной структуре. Чаще всего в парадигматические отношения вступают ойконимические и гидронимические названия; *река Курья — с.Курья, речка Суетка — село Суетка* и др.

Чтобы дифференцировать одноименные село и речку, система находит для них знаки отличия. В парадигматические оппозиции вступают также омонимичные названия разных классов, у которых отсутствует дифференцирующий элемент. Топонимия с.Бугрышихи иногда дает такие парадигматические противопоставления:

*Васильев ключ — Васильев увал, Вонючая гора — Вонючая речка,
Зырянов ключ — лог Зырянов. ключ Пазушка — лог Пазушка, Провальный
ключ — Провальное поле, Прокопьев ключ — Прокопьев лог, Солдатка -
гора — Солдатка - речка, Яровская гора — Яровский ключ, Рябиновый
ключ — Рябиновый лог.*

Встречаются противопоставления не только двух, но и трех названий:

*Сурий ключ — Сурий увал — Сурья гора;
ключик Палынский — гора Палынская. — лог Палынский;
ключ Быковский — гора Быковская — увал Быковский;
Волчий ключ — Волчий лог — Волчья гора;
Левонтьев ключ — Левонтьев лог — Левонтьев увал;
Стеновой ключ — лог Стеновой — гора Стеновая;
Мельничный ключ — гора Мельничная — лог Мельничный;
Степанов лог — Степанова пашня — Степановы ямки;
Саватеева гора — Саватеев ключ — Саватеев лог;*

Волчий ключ — Волчье поле — Волчья гора;

Мельничная гора — Мельничный брод — Мельничный ключ;

Полынская ключ — Полынский лог — Полынский гора;

и даже четырех : *Прокопьев ключ — лог Прокопьев — гора Прокопьева*
— увал Прокопьев;

Максимов ключ — Максимов лог — Максимова гора — Максимов увал
и т.д.

И все же более показательными, чем этот вид оппозиций, для топонимической системы села является разграничение одинаковых топонимов разных классов с помощью дифференцирующего элемента, о котором уже говорилось выше.

Значительно ярче оппозиции выражены тогда, когда они различают топонимы одного класса. В дифференциации этих топонимов прежде всего проявляются индивидуальные противопоставления географических имен, которые и составляют организующую основу топонимической системы. В топонимии Курьинского района ясно выраженные системные отношения внутри одноклассовых названий проявляются в следующих случаях, когда одноименные названия дифференцируются с помощью аффиксов и дифференцирующих прилагательных.

Как и названия разных классов, топонимы внутри одного класса могут дифференцироваться при помощи различных аффиксов. Географические названия в данном случае стоят в отношении производности друг к другу. Такие противопоставленные пары имеют общий корень, но отличаются по модели. Топонимическая система стремится разграничить одноименные названия одного класса, и дифференцирующим элементом здесь, как уже указывалось, является использование разной словообразовательной структуры:

река. Курья – Курейка; река. Каменка — река Каменная, речка Камышенка – речка Камышная ; речка Песьяна – речка Песьянка;

Другим видом разграничения названий внутри одного класса в топонимии села является зависимое употребление двух или нескольких топонимов, образующих, по сути дела, элементарную топонимическую систему. Одноименные названия, находящиеся внутри класса, обычно не выполняют своего назначения, поэтому система разграничивает их. В качестве дифференцирующего элемента ею используются *бинарные оппозиции*. В топонимии района различаются одноименные названия

логов, рек, сел и т.д. Дифференцирующим элементом здесь оказывается указание на размеры объектов, их местоположение, форму:

Верхняя Канхара - речка — Нижняя Канхара - речка;

Большой ключ — Маленький ключ;

Верхний луг — Нижний луг;

Большая Аскуровка - речка — Маленькая Аскуровка - речка;

речка Затон Большой — речка Затон Маленький;

Нижняя Моховая речка — Верхняя Моховая речка;

Крутой спуск — Пологий спуск;

Пологие релки - Крутые релки.

Количество противопоставлений может не ограничиваться парой. Их иногда бывает столько, сколько одноименных названий на территории села, района:

Большой. Листвяжный Первый ключ — Большой Листвяжный Второй ключ — Большой Листвяжный Третий ключ;

Первый Зеленый увал — Второй Зеленый увал — Третий Зеленый увал; Малый взвоз — Средний взвоз — Бошенький взвоз;

В некоторых случаях в бинарные оппозиции вступают топонимы, у которых нет ясно выраженной поляризации: *Большой остров — Остров, Правый Заворот — Заворот*. В этой топонимической паре определения *Большой* и *Правый*, как и в других случаях, является дифференцирующим элементом.

С другой стороны, разграничителями могут быть не только слова с антонимическим значением, но и любые другие определения, которые дифференцируют названия одинаковых объектов. В системные связи вступают, например, следующие топонимы:

Васильев ключ — Сурий ключ — Волчий ключ;

Зырянов лог — Прокопьев лог — Мараков лог;

Мельничная гора — Орлиная гора — Вересковая гора и др.

Таким образом, географические имена в пределах одного класса объектов противопоставляются так же, как и топонимы разных классов. Но таких оппозиций в одном классе значительно больше, они ярче подчеркивают системный характер топонимии села.

Топонимический контекст регулирует отношения между географическими названиями, если возникает нарушение их топонимического значения. Так, например, около пятидесяти лет назад на территории Курьинского района существовало рядом две деревни: *Усть-Таловка* и *Таловка*. Постепенно они расстроились и слились. Новый населенный пункт получил название *Усть-Таловка*. Таким образом, выпадение одного элемента привело к “типовому процессу перераспределения топонимического поля, что является выразительной приметой системности” (Карпенко, 1967б, с. 4). Из двух названий исчезло одно (*Таловка*), другое изменяется тоже: оно расширяет свое содержание.

Итак, синтагматические отношения реализуются в совокупности названий географических объектов, имеющих на территории села, и они являются весомыми в организации топонимической системы.

Обобщая приведенный материал, сделаем вывод, что топонимия с. Бугрышиха в целом носит системный характер. Организуют топонимическую систему парадигматические и синтагматические отношения. Более существенно и ярко выражено влияние парадигматики, оно сказывается в противопоставлении друг другу названий разных классов объектов, а также в разграничении топонимов внутри одного класса. Большое влияние оказывают на топонимию района и синтагматические противопоставления. К территориальной системе относятся все названия не только данного села, но и соседних, и их объединяет синтагматический контекст.

4.3. Топонимическая микросистема как совокупность субансамблей

Внутренняя связь элементов системы обеспечивается, как отмечалось выше, не только парадигматическими и синтагматическими отношениями, но и так называемым единством личности. Для моделирования организации топонимических микросистем необходимо обращение к сознанию человека, в котором объединяются как языковые, так и адаптационно-деятельностные модели и происходит связь лингвистических и экстралингвистических факторов (таких как геоморфологические условия жизни человека, профессия, пол, образование, возраст, культурный уровень общества носителей топонимикона). А значит, исследование микросистем переходит *от совокупности названий небольшой территории к пересечению индивидуальных представлений людей об окружающей местности.*

Индивидуальный топонимикон определяется сферой культурно-деятельностных интересов носителя. В ходе анализа материала были определены 5 основных факторов, в зависимости от которых могут различаться системы миропредставления (традиционно эти характеристики рассматриваются и как параметры языковой личности), это: 1) пол, 2) возраст, 3) национальная принадлежность, 4) профессиональная принадлежность, 5) степень языковой компетенции, обусловленная уровнем образования носителя топонимикона. Взаимодействие этих факторов определяет специфику каждого субансамбля, *т.е. присутствующих в сознании отдельной личности (как типа) топонимических единиц*, при последовательном наложении этих субансамблей возможно выделение зон их пересечения, которые составляют *ядро* топонимической микросистемы, понимаемой как *совокупность взаимодействующих субансамблей*. Единицы, не имеющие

пересечений с другими субъектами, составляют *периферию* топонимической микросистемы. При этом компоненты ядра одной системы могут быть периферийными для другой: через периферию каждая микросистема пересекается и постепенно переходит в пределы других систем, и так они образуют непрерывную и целостную *топонимическую сеть*. Эта модель поддерживается сходством отношений в языковой структуре и нервных связей коры головного мозга. Именно в этих связях непосредственно объединены впечатления от предметов и явлений действительности с языковыми знаками. В каждой диаграмме, отражающей структуру конкретного субансамбля, важно выделять не только ядро, но и предцентральную часть (ближайшую к центру системы область пересекающихся точек), поскольку она, во-первых, указывает на частотность единицы в индивидуальных топонимиконах, а во-вторых, при наложении субансамблей возможен переход единицы из ближайшей к центру части предцентральной области в ядерную сферу.

Покажем такое взаимодействие субансамблей на примере топонимических микросистем, расположенных в разных географических зонах Алтая:

степной — с. Титовка (Ново-Егор.), время образования – 1886 г. Описание участка: пос. Титовский (совр. с. Титовка) упоминается впервые в документах ГААК в 1887 г.: “Поселок Титовский находится от Змеиногорска в 120 верстах, от села Шелковниково – 50 верст. Участок находится у кромки Барнаульского бора. Местность степная, ровная, удобная для хлебопашества и выгона. Грунт земли песчанистый. Встречаются солонцы. Сенокосов на степи недостаточно, и поэтому жители пользуются сенокошением, с особого разрешения, на полянах в Барнаульском бору. Лесных угодий в дачах нет. Находится при озере около Барнаульского бора. Поселок Титовский относится к Шелковниковской волости наряду с другими селами: Сростинское, Ново-Егорьевское,

Лебяжье, Кормиха, Озерно-Кузнецкое, Угловая, Ляпунова, Топольное, Беленькая, Первое Коростелевское, Кругленькое, Шелковниково, Шадруха”(А);

лесо-степной – с. Кашкарагаиха (Тальм.), время образования – 1721 г. Описание участка: “Кашкарагаиха... образовался при мельнице на реке. Поселок расположен по обе стороны небольших склонов, между которыми протекает река Кашкарагаиха. Почва песчаная, с небольшим количеством глины. Почвенный покров лесной и густо-травянистый. У поселка на реке стоит мельница, плотина которой задерживает много воды – от чего происходит заболачивание покосов и вымирание кормовых трав вблизи поселка Болотная же растительность не только губит покосные травы, но и лес” (А);

лесной – с. Панкрушиха (Панкр.), время образования – 1759 г. Описание участка: “...село образовано в 1758–1759 гг. при речках Паньшихе и Крутихе. Местность лесная, с большим количеством лесных куртин и сплошного лесного массива. По большей части лес хвойно-березовый с осиновыми прожилками. Местность изрезана оврагами и логами. Водой обеспечен участок достаточно – вода пресная, без примесей. На свободных от леса ровных долинах имеется хороший густо-травяной покров, так что покосами и травами участок вполне обеспечен” (А);

предгорной – с. Бугрышиха (Кур.), время образования – 1812 г. Описание участка: “Участок Бугрышиха, заселенный в начале XIX века, местность бугристая, с большим количеством каменных и глиняных склонов. Рядом расположены горные массивы, но они не мешают произрастать обильно хвойным и лиственным лесам, сплошь покрывающим все склоны и горные впадины. Ложбины прорезываются речками и ключами, вода пресная, в достаточном количестве. Местность обещает быть

плодородною, при хорошем уходе земельные угодья могут давать хороший урожай. Леса вполне обеспечены зверьем и птицей” (А);

горной – с. Кызыл-Озек (Горный Алтай), время образования – 1910 г. Описание участка: “Участок свободен от переселенцев. Местность горная, с большим количеством логов и ущелий, но способная при хорошем подходе давать урожай. Богатая лесами и, следовательно, охотой. Переселенцы из средней полосы вполне найдут для себя пригодные условия для жизни. Покосы возможно образовывать на южных и восточных склонах. Водой обеспечен.” (А).

Тип местности (реальное географическое пространство) определяет специфику топонимикона и его количество: преобладание названий покосов и пашен в с. Титовка, многообразие названий околков и озер в с. Кашкарагаиха, большое число названий возвышенностей, логов и ключей в с. Бугрышиха и т.д.

Все информанты по национальности – русские, поэтому группировка и сопоставление субансамблей проведены только по 4 параметрам – фактор национальности исключен за отсутствием коррелятов, т.е. соотносительных элементов системы, различающихся по этому признаку. В указанных селах информанты живут более 10 лет, некоторые здесь родились и выросли, поэтому они считают, что хорошо знают окружающую местность и все географические названия: *Окружающую местность знаю хорошо, столько лет проработал лесником. Бывало, что и председатель не знает. Скажет – где этот-то участок или где это озеро? Покажешь и расскажешь. Молодежь, она, конечно, уже и не знает* (И.Г. Горелов, лесник); *Эту территорию сами всю проходили ногами. Раньше изучение на собственных ногах проводилось, каждый кустик, каждый бугорок узнаешь* (Т.Д. Климанов, ездовой).

Большинство названий воспринимаются как мотивированные. Например,

с. Панкрушиха:

озеро Белая Глинка – дно озера из белой глины;

озеро Боровлянское – находится в бору;

река Бурла – вода в реке бурная;

колок Вольчья дубрава – когда-то в этом колке водилось много волков;

бор Головин – участок в бору – хозяином участка был Головин;

колок Грачевня – в этом месте много грачей;

озеро Епишкино – по фамилии Епишкин;

Змеиное – место в бору, где водятся змеи;

болото Комарьево – было много комаров;

болото Моховое – Моховушка – место в бору, где берут мох,

озеро Русаки – место, где были зайцы-русаки;

Самойлова грива – по фамилии Самойлов;

река Солоновка – вода в реке соленая из-за солонцов;

озеро Стекло – вода в озере прозрачная, чистая;

колок Цыганский – место, где часто жили цыгане;

колок Черный – место в лесу, где даже днем темно, как вечером из-за густых зарослей;

болото Черный омут – вода в болоте черная.

Не имеют ясной мотивации в современном восприятии жителей:

озеро Бабинское – Бабинка; озеро Бурхан, болото Ступино, озеро Лебяжье, река Черемошная, Гурьева дорога, Гурьево озеро.

Прежде чем представить пересечение индивидуальных топонимиконов, покажем некоторые подготовительные компоненты проведенной работы на материале с. Кашкарагаиха. Зафиксированные в микросистеме названия сводились в общую таблицу. Для характеристики материала было опрошено 23 информанта, проживающих в селе:

Горелов И.Г. 1927 г.р. (73 г.), образование 7 классов, лесник;

Борзенкова Т.Р. 1932 г.р.(68 л.), образование среднее спец., фельдшер;

Гордиенко Г.М. 1937 г.р. (63 г.), образование 8 классов, кассир;
Мирошкин Д.И. 1936 г.р. (64 г.), высшее образование, гл. инженер;
Сальникова В.А. 1940 г.р. (60 л.), образование 7 классов, тракторист;
Бородин С.И. 1923 г.р. (77 л.), образование 4 класса, лесник;
Однодворцева Е. И. 1922 г.р. (78 л.) образование 7 классов, пенсионер (почтальон);
Рычков А.М. 1929 г.р. (71 г.), высшее образование, бывший председатель колхоза;
Макаров С.П. 1969 г.р. (31 г.) образование высшее, учитель истории;
Русниченко Е.А. 1963 г.р. (37 лет), образование 10 классов, разнорабочая;
Гордеев С.С. 1954 г.р. (46 л.), образование среднее, лесник;
Гаврилова Л.В. 1959 г.р.(41 г.), высшее образование, библиотекарь;
Калинин В.А. 1962 г.р. (38 л.), образование высшее, инженер;
Соболева Т.Н 1983 г.р. (17 л.), образование среднее, студентка;
Саенков О.Н. 1975 г.р. (25 л.), образование 8 классов, разнорабочий;
Черепанова И.А. 1981 г.р. (19 л.), образование среднее, студентка;
Хамцова О.А. 1982 г.р. (18 л.), образование среднее, продавец;
Колесникова Ю. А. 1982 г.р. (18 л.), образование среднее, студентка;
Гордиенко Н.С. 1990 г.р. (10 л.), ученик 3 класса;
Гаврилов В.В. 1986 г.р. (14 л.), ученик 8 класса;
Соболев М.С. 1986 г.р. (14 л.), ученик 8 класса;
Соколов В.Н. 1992 г.р. (8 л.), ученик 2 класса;
Хортова О.Н. 1989 г.р. (11 л.), ученица 5 класса.

Информантами были названы 70 названий, функционирующих в данном селе: Бараба – часть села. *Переселенцы с Барабы селились.*

Боброво – часть села. *Раньше было отдельное село Боброво там, а потом осталась только улица.*

Журавлевский хутор – часть села. *Там было рядом озеро Журавлевское.*

Тамба – часть села. *Жители с Тамбовщины образовали и селились там.*

ПМК – часть села. Там находится мехколонна (ПМК).

Табор – поле. Такое непонятное название, как будто там цыгане жили.

Затон – околоч. Как бы рекой окружен – затончик такой

Старица – озеро – старое русло реки.

Речкуновская дорога – дорога на село Речкуново.

Озерская дорога – дорога на Озерки.

Зайцевская дорога – дорога на село Зайцево.

Катюшина гора – совсем неизвестное название, что-то связано с женщиной.

Лысая гора – совсем ничего на ней не растет.

Могилки – склон горы – там расположены могилки.

Забока – околоч. Такое название как забока без названия.

Хомутина – озеро. Озерко хомутом расположено, загибается.

Сухая елань – околоч. Там воды совсем не бывает.

Берлиха – болото. Какая-то женщина там жила – Берлиха.

Бобровские пески – место на реке. В сторону села Боброво.

Илюшкины озера – Какой-то случай произошел с человеком по имени Илюша.

Савельевская мельница – место. Раньше была Савельева хозяина, сейчас нет, а место зовут.

Западный поселок – место. — Раньше был поселок Западный, в сторону от дороги.

Терешацкое озеро. Терехина хозяина участок.

Черненькое озеро. Вода там черная.

Пиявошное озеро. Водились пиявки.

Старый котел – место. Такая впадина, как котел.

Крутой яр. Этот яр очень крутой.

Гордиенковская согра. Был участок Гордиенкова хозяина.

Кирпичная гора. *На той горе был Кирзавод.*

Котячья заимка. *Раньше туда свозили скот больной, но назвали почему-то Котячья.*

Разрыв – склон горы. *Она идет как бы на две части – в разрыв.*

Балуиха – околок. *Принадлежал Балувевым.*

Страшный околок. *Там жуть такая – не пройдешь.*

Масляный лог. *В этом логу, я знаю, маслят много было.*

Шаховский околок. *Какой-то Шахов жил.*

Бородинский околок. *Принадлежал Бородину.*

Водяной околок. *Много в нем воды.*

Долгий околок. *Очень длинный.*

Гореловский околок. *Этот околок горел.*

Грива – место. *Просто возвышенное место.*

Водяник – болото. *Воды много и трясины.*

Восьмерка – озеро. *По форме как восьмерка.*

Каменушка – речка. *В ней каменное дно.*

Лабзайтое озеро. *В нем лабза плавает, трава такая, кочками.*

Моховое болото. *В нем всегда брали мох для постройки.*

Мульково озеро. *Рядом место было, принадлежало Мулькову.*

Загорская мельница – место. *Там была раньше мельница за горой.*

Детдомовские поля. *Поля принадлежат детдому, они там хозяева.*

Сазонова поляна. *По фамилии Сазонова.*

Займище – место в лесу. *Такое мокрое место среди леса — Займище.*

Никитинский покос. *Там Никитины косили.*

Пос. Заря – место. *Раньше там был колхоз “Заря”, сейчас уже нет.*

Смолокурня – место. *Когда-то стояла там смолокурня, но сейчас мало кто знает.*

Гнилой угол – место. *Гиблое место – болото, низина, топь.*

Рогулишное озеро. *По форме как бы загнутое рогулькой.*

Солдатская ямка – озеро. *Там каждый год проходят полевые учения Озерской зоны.*

Чертова ямка – озеро. *Ничего необычного там нет, глубоко очень.*

Чумышнонок – озеро. *Отросток от реки Чумыш.*

Шадрина пашня. *Принадлежала Шадрину.*

Пос. Боровой – место. *В бору поселок.*

Хомутина большая – озеро. *По форме хомута, но побольше первой Хомутины.*

Холодненькое озеро. *Ключ бьет из-под земли, холодная вода.*

Ямки – озеро. *Там небольшие озерки — ямками.*

Средняя дорога. *Между главными трассами.*

Седьмовская дорога. *Дорога на Седьмое поле.*

Савельев обрыв – место. *Савельева дом стоял.*

Черемуховый куст – околос. *Растет там много черемухи.*

Чириканов переезд – место. *По фамилии Чириканов.*

Березовая согра. *Много берез в этой согре.*

Крутой лог. *Очень крутой.*

Коноплянка – озеро. *Мочили коноплю.*

Кораблик – озеро. *По форме как кораблик.*

Кукурек – луг. *Там у Ивана Фролыча было прозвище Кукуреков, так и прозвали Кукурек, но это мало кто знает.*

На основе таблиц (см. табл. 1) выстраивались индивидуальные субансамбли. Далее приведены схемы трех микросистем (представить полную схематизацию микросистем автор планирует в следующей работе). Обобщения проведены по всем микросистемам.

4.3.1. Возрастные субансамбли.

На схеме 1 (рис. 1–3) отражено пересечение *возрастных субансамблей*. По параметру “возраст” выделено 4 группы:

- 1) до 16 лет – “младшая”;
- 2) от 16 до 30 лет – “средневозрастная”;
- 3) от 30 до 60 лет – “старшая”;
- 4) от 60 лет – “старейшая”.

Возрастные субансамбли выделены на основании общих типологических черт, которые предопределены тем, что люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нем, сколько о субъективных моделях явлений и ситуаций действительности (этот тезис является важным следствием идеи о фундаментальной роли ситуационных моделей в познании, выдвинутой Т. ван-Дейком). Поэтому индивидуальные и групповые различия в обработке социальной информации могут быть объяснены на основе различий ситуационных моделей.

В отличие от информантов других возрастных микросистем жители *среднего* возраста используют названия улиц, “старейшие” – только названия краев села, а “старшие” – и то, и другое. Это определяется тем, что официальное административное деление населенных пунктов на улицы происходило в данном регионе лишь в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

При существовании вариантов названия в “средневозрастной” группе используется тот, который содержит информацию о более поздних событиях, если эти названия связаны с потребительскими или историческими ценностями (иными словами, с практическим использованием и владением объекта либо с неординарными событиями современности).

Если село имеет смешанное население, и на раннем этапе его существования наблюдалась ситуация билингвизма, то сейчас при существовании русских вариантов иноязычных названий только они используются в “средневозрастных” микросистемах.

В “старейших” возрастных микросистемах микропонимания *не потеряла связь с мотивационным признаком* (т.е. внутренняя форма географического названия остается ясной), особенно если название связано с историческими или потребительскими ценностями. Поэтому возможно на дальнейших этапах нашего исследования выявить эмоционально-оценочный концепт при использовании таких микропонимов старшим поколением.

В “старейших” микросистемах отмечается *значительно меньшее число единиц*, среди которых в основном близлежащие покосы, лога, яры, урочища, горы, ключи, реки. Это объясняется тем, что ситуационная модель в топонимическом сознании человека имеет бытийно-целевую направленность, которая, в свою очередь, определяет границы актуального жизненного пространства носителя топонимикона. У людей в возрасте более 60 лет это пространство сужено в силу физиологических и иных факторов.

Других количественных и качественных различий возрастных микросистем не отмечено, что обусловлено “нейтральным” культурно-историческим содержанием микропонимания и ее относительной устойчивостью.

Ядерную зону пересечений возрастных субансамблей образуют названия улиц, **ойконимы** (названия соседних сел входят в актуальное пространство, что обусловлено потребностью личности в социальном взаимодействии) и **гидронимы**, имена объектов, обеспечивающих витальные потребности человека.

Центральную часть субансамбля составляют пресечения *трех возрастных микросистем*. Наибольшие зоны пересечения имеет “средневозрастная” группа (до 30 лет): со “старейшей” – совпадения, имеющие социальное и хозяйственное значение; со “старшевозрастной”, связанные как с хозяйственной деятельностью, так и возможностью

освоения более обширного пространства. Между “старейшей” и “старшевозрастной” микросистемами совпадения немногочисленны.

Проиллюстрируем примерами:

с. Титовка: К ядру относятся все ойконимы, названия улиц;

гидронимы: озеро *Песьяное*, озеро *Круглое*, озеро *Горькое*, болото *Вонючее*;

названия покосов: *Водопойное*, *Паршивое*, *Моховое* болото.

Зона пересечения 3–4: *Большое Моховище*, *Малое Моховище*, *Черненькая* – покос;

зона пересечения 2–3: *Широкая ляга*, *Коноплянник*, *Белая Глинка*, *Горький Перешеек*.

У первой и четвертой возрастной группы периферии нет. Вторая группа (16–30 лет) – *Темный Мыс*, *Красный Столб*;

Третья группа (30–60 лет) – *Капустник* – покос, *Кругленькое* – покос.

с. Панкрушиха:

Ядро микросистемы: все ойконимы: *села* — *Береговое*, *Борисовка*, *Велижанка*, *Высокая грива*, *Зятьково*, *Зыково*, *Конево*, *Кривое*, *Луковка*, *Подойниково*, *Романово*, *Урываево*, *поселки Заречный*, *Ленский*, *Первомайский*, *Петровский*; гидронимы: *р. Бурла*, *р. Солоновка*, *р. Паньшиха*, *р. Черемошная*, *оз. Русаки*, *оз. Белая Глинка*, *оз. Бабинское*, *оз. Епишкино*, *бол. Комарьево*, *бол. Моховое*, *бол. Ступино*, *бол. Черный Омут*, *кол. Грачевня*, *кол. Цыганский*, *кол. Черный*.

В данной микросистеме следует особо выделить то, что дети в возрасте до 16 лет очень уверенно называют как ойконимы, так и микропонимы: *озеро Белая Глинка*, *река Бурла*, *колок Грачевня*, *озеро Епишкино*, *Змеиное место*, *болото Комарье*, *болото Моховое*, *река Паньшиха*, *озеро Русаки*, *река Солоновка*, *колок Цыганский*, *колок Черный*, *болото Черный омут*, *озеро Бабинское*, *болото Ступино*, *река Черемшанка* и т.д., т.е. они хорошо знают все названия окружающих село объектов.

Зона пересечения 2–3 групп – *Гурьино озеро, Гурьева дорога, озеро Степино, озеро Боровлянское.*

Периферия третьей группы (30–60 лет) – *Волчья дубрава, Головин бор, Самойлова грива.*

4.2.2. Гендерные субансамбли.

В *гендерных* микросистемах (рис 4–6) *характер деятельности* определяет большие различия между субансамблями. Как правило, “*мужские*” отражают больший охват местности, чем “*женские*”. Кроме количественного отличия “*мужских*” (в них, как правило, входит больше топонимов: имен рек, гор, озер, названий урочищ, покосов, перевалов, мостов), существуют и качественные отличия, связанные непосредственно с деятельностью носителей микросистем.

Например, охота и рыболовство определяют наличие в “*мужских*” микросистемах названий бродов, островов, мысов: *Зудинская заводь, Киря* (место на реке), *Семкин камень, Устюбинский порог, Кирлов камень, Мыкинский порог, остров Топоре нок, заводь Пыхтуля, протока Дурнушка, Волчья Яма* (место на реке), *Косматый остров*. Такие названия имеют, как правило, ярко выраженный экспрессивно-оценочный компонент, что, очевидно, *очень важно при выделении экспрессивного компонента в концептуальной системе индивида как элементе топонимической картины мира.*

В *гендерных* субансамблях ядерными являются названия близлежащих объектов (ключи, лога, улицы, перевалы, ближайшие реки и горы). На периферии же идет четкое разделение топонимикона на “*мужской*” и “*женский*”. В “*мужской*” входят географические названия дальних объектов (с. *Титовка: Вавилон, Кукуй, Красный столб, Темный мыс*), а “*женский*” составляют названия мелких близлежащих объектов, связанных непосредственно с ведением домашнего хозяйства. Такая

организация гендерного субансамбля непосредственно зависит от традиционного гендерного распределения социальных ролей и родов деятельности, т.е. узколокализованное вокруг села топонимическое пространство в женской группе не означает, что объекты, находящиеся вне поля их хозяйственной деятельности, не являются для них жизненно и хозяйственно важными, просто они обычно не имеют с ними дела. Причинами тому могут быть и физиологические, и психологические гендерные особенности и иные внелингвистические факторы.

Важно отметить, что в селе Титовка, например, ядро является зоной *абсолютного* охвата женской топонимии, в микросистеме не зафиксировано ни одного названия, которое было бы неизвестно мужчинам. На периферии находятся названия: Кукуй (*место мало кто знает*), Вавилон (*На озере Вавилон рыбу ловили*), Красный столб (*Там были разные случаи, отдыхали там, но сейчас уж редко*), Темный мыс (*А Темный мыс – охотились там*). Названные объекты расположены далеко от села и не представляют какой-либо ценности для женщин.

В селе Панкрушиха: “*мужская*” топонимия – озеро *Боровлянское*, колок *Волчья дубрава*, бор *Головин*, *Гурьева* дорога, озеро *Гурьино*, место в лесу *Самойлова грива*, озеро *Стекло* – все эти названия находятся на периферии.

4.3.3. Субансамбли, отражающие уровень образования и профессию.

Диаграмма микросистем, сформированных на основе *уровня образования*, практически совпадает со схемой *профессиональных микросистем* (рис. 7–9), где большую зону пересечения имеют II и III группы (т.е. частичное совпадение топонимиконов людей с профессиями:

1) связанными с сельскохозяйственной деятельностью и освоением больших территорий;

2) не связанными с сельскохозяйственной деятельностью и освоением больших территорий.

В субансамбле по уровню образования наибольшее совпадение топонимиконов имеют группы среднего и высшего образования. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией одновременного влияния двух факторов: и образования, и профессии. Люди, имеющие среднее и высшее образование, как правило, занимают должности лаборанта, учителя, фельдшера, секретаря-машинистки, директора лесхоза, зоотехника и т.п. Неграмотные же или имеющие начальное образование люди чаще всего являются работниками совхозов и колхозов. Все они имеют различающиеся образы видения мира, обусловленные, с одной стороны, разным уровнем сознания (преимущественно обыденное – у неграмотных, преимущественно “надобыденное” – у людей с высшим и средним образованием, имеющих большой кругозор, стремящихся к расширению своего “набора” сведений об окружающей действительности); а с другой стороны, – профессиональной деятельностью. Ярким примером тому может стать сопоставление когнитивного освоения территории директором лесхоза и дояркой или скотником: первый имеет дело с обширными хозяйственно-административными территориями и большие возможности свободного передвижения в пределах села, района, края, у других более узкие границы хозяйственной деятельности и передвижения. Например, названия – луг *Кукурек* зафиксировано в селе Кашкарагаиха только два раза (лесник, тракторист); *Шадрина* пашня названа лесником и главным инженером. В селе Панкрушиха только сельхозработники называли *Волчью* дубраву, бор *Головин*, место в лесу *Самойлова грива*.

Ядро субансамбля вновь составляют ойконимы (географические названия своего села как самоопределение своего положения в пространстве) и гидроним. Заметим, что объекты расположены не в непосредственной близости от жилья информантов, они значительно

удалены. Центральную часть субансамбля организуют названия объектов, имеющих большое сельскохозяйственное значение: *Вахта, Аргамайский, Большая Сиульта, Малая Сиульта (с. Кызыл-Озек), Хмельной остров (покос), Белая Глинка (покос), Темный мыс (покос), Красный столб (покос) (с. Титовка)*. Состав ядерной и центральной зон свидетельствует о такой организации актуальной пространственно-топонимической сферы в сознании носителей топонимикона, в центре которой – не сам человек как точка пространственного отсчета, а иные факторы, достоверное установление которых возможно при специальном рассмотрении конкретных стереотипов репрезентации пространственного концепта в топонимии региона.

Информанты, владеющие профессией, связанной с сельскохозяйственной деятельностью, называют большее количество микротопонимов, чем информанты, владеющие профессией, не связанной с сельскохозяйственной деятельностью.

4.3.4. Типологическая схема микросистем.

Синтезировав субансамбли по возрастному, гендерному, профессиональному признакам и признаку образования, мы получили синхронную статическую модель микросистемы — субансамбль, в котором достаточно явно проявляются ядерная и периферийная части. При этом в ядерную часть вошли географические названия *не столько ближайшиe, сколько важнейшиe* с точки зрения хозяйственной деятельности объектов – сел, улиц, озер, рек, логов, ручьев.

Именно такая конструкция топонимической микросистемы определена ведущим в топонимической картине мира жителей данного региона, доминирующим ментальным топонимическим стереотипом *организации категоризованного знания* о пространственном аспекте мира *вокруг объектов, представляющих бытийную ценность* (т.е. обеспечивающих

оптимальное существование человека как биологического существа). Какие условия повлияли на преобладание именно этого стереотипа? На материале модели топонимической микросистемы возможно проследить влияние когнитивных и прагматических факторов на изменение ментальных стереотипов.

Как известно, на начальном этапе формирования русской топонимии Алтая в языковом сознании жителей доминировал стереотип владельческой принадлежности объекта определенному лицу (чаще всего владельцу переселенческого участка), однако со временем его место занял иной, имеющий в основе главенство бытийной ценности объекта. Такое изменение стало возможным при переходе от ситуации “вторичного” заселения региона на закрепленные за переселенцами участки к ситуации освоения “обживавшимися” на новом месте людьми окружающего пространства. А поскольку на новые земли переезжали ищущие лучшей доли обедневшие крестьяне, то им приходилось выживать здесь в тяжелых условиях, часто не имея средств для существования и создания хозяйства. Таким образом, *прагматические условия* имеют большое влияние на содержание когнитивных структур и топонимической картины мира.

Таким образом, при всей разности исходных условий: времени, количества информантов, количества топообъектов, географических и исторических условий — мы получили схему субансамблей, в которых ядерные и периферийные компоненты различаются по общим основаниям, каковыми являются когнитивно-прагматические параметры. Следовательно, наши предположения, высказанное в главе 2 полностью подтвердились.

Подобное моделирование топонимических микросистем, типология субансамблей на разных уровнях в качестве одной из научных перспектив имеют построение модели “жизненного мира”, которая выражается двумя моментами: “в нем существует первоначальная, ближайшая, само собой

разумеющаяся (примордиальная сфера), которая приобретает форму ясного и понятного “моего” мира, и интересубъективная сфера, выходящая за границы “моего” понимания, контроля и регулирования. Поэтому она приобретает форму неясного, непонятного, чужого и чуждого...” (Брысина, 1996, с. 25) и делает возможным при обобщении определенного количества регионального топонимического материала выход на построение модели “жизненного мира” русского села.

Обобщая сказанное, отметим, что топонимическая микросистема предполагает наличие системно-структурных отношений и связей; является фокусом представленности бинарных оппозиций, поскольку *реально системными* должны быть признаны только те противопоставления, *которые существуют в сознании носителей языка данной микросистемы*, а не зафиксированы на карте; она достаточно устойчива, стабильна, однако обладает также чертами переменчивости, функциональной подвижности; выступает как упорядоченная, иерархизированная совокупность имен собственных. Внутренняя связь элементов системы обеспечивается не только парадигматическими и синтагматическими отношениями, но и единством личности.

Скомпоновав индивидуальные субансамбли по возрастному, гендерному, профессиональному признакам и признаку образования, мы получили типологическую схему (модель) микросистемы, субансамбль. При последовательном наложении субансамблей выделены зоны их пересечения, которые составляют ядро топонимической микросистемы. При этом в полученной модели топонимической микросистемы в ядерную часть входят, как предполагали мы выше, географические названия не столько ближайших, сколько важнейших с точки зрения хозяйственной деятельности объектов. Именно такая конструкция топонимической микросистемы определена ведущим в топонимической картине мира

жителей данного региона, доминирующим ментальным топонимическим стереотипом организации категоризованного знания о пространственной реальности вокруг объектов, представляющих бытийную ценность (т.е. обеспечивающих оптимальное существование человека как биологического существа).

Таким образом, ментальное бытие общей региональной топонимической системы организовано в виде открытой, динамичной, континуальной сети взаимодействующих микросистем, сформированных в сознании топонимической личности в зависимости от когнитивно-прагматического контекста и пересекающихся друг с другом периферийными зонами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Топонимическая система представлена в двух аспектах своего существования, онтологическом и ментальном бытии, находящихся в отношении континуального сцепления, которое в сознании топонимической личности обеспечивается топонимической картиной мира.

Äîëèèðòðùè è ìñîîîîîèàààðùè â òîîîèè÷:âñêé èàððèá àèè òðàîîàòà ñîçîàéü òîîîèè÷:âñêé èè÷îðè üäëüàðñü îðîòðàîòàîîîé êîòàò, àîî îàòàèüîäü ðàîðàçàòàèè è üçüèîîâ àîîèüàéâ. Îàòàèüîâ îòòðàèèâ îðîòðàîòàîîîîâ îáðàçà èîàò òðòèèòòò, òîîîò ñ îîàèüð òîîîèè÷:âñêé èèðîèèòàîî, è îðàîòàèèüàðñü îàîîðîîîî ñ òî÷èè çðàèü òóàúâèð, àîîðèèèàòàîî îèð ñèâîçü îðèçîî òàîîòàé ñàîé æèçîààüðàèüîòè. Îüòîó üäî îðîòðàîòàîîîîâ êîòàòà òîòàèèüàð îèèèè îðàîòàèèèîîé â

составляют ядро топонимической микросистемы. При этом в полученной модели топонимической микросистемы в ядерную часть входят географические названия, не столько ближайšie, сколько важнейшие с точки зрения хозяйственной деятельности объектов. Именно такая конструкция топонимической микросистемы определена ведущим в топонимической картине мира жителей данного региона, доминирующим ментальным топонимическим стереотипом организации категоризованного знания о пространственной реальности вокруг объектов, представляющих бытийную ценность (т.е. обеспечивающих оптимальное существование человека как биологического существа).

Таким образом, *ментальное бытие общей региональной топонимической системы организовано в виде открытой, динамичной, континуальной сети взаимодействующих микросистем, сформированных в сознании топонимической личности в зависимости от когнитивно-прагматического контекста и пересекающихся друг с другом периферийными зонами.*

Намечая перспективы исследования, отмечаем два направления.

1. Поскольку топонимическая картина мира – это одновременно и среда, и продукт деятельности субъекта, то её целесообразно изучать через языковую личность. Последняя при таком подходе понимается как индивид или коллектив, пользующийся языком как базовым каналом коммуникации. Топонимическая система является одной из составляющих общеязыковой системы, нам представляется в *перспективе научного исследования* целесообразным введение понятия *топонимической личности* (по аналогии с существующими понятиями языковой личности, диалектной личности) как структурной составляющей языковой личности в целом, той её части, которая соотносится с топонимической картиной мира, полное описание топонимической личности, в частности, определение ее места в топонимической системе.

Антропоцентрическая парадигма исследований предполагает анализ регионального топонимического пространства с точки зрения отражения в нем особенностей личности, носителя языка. Поскольку пространство является одной из основных конституирующих единиц сознания личности, нам представляется целесообразным введение понятия *топонимической личности* (по аналогии с существующими понятиями языковой личности, диалектной личности) как структурной составляющей языковой личности в целом, той ее части, которая соотносится с топонимической картиной мира.

Контекстный анализ топонимии свидетельствует о том, что для характеристики региональной топонимической личности существенными являются следующие параметры: 1) группу внеязыковых признаков составляют геоморфологические условия жизни человека, пол, возраст, национальность, профессия и образование, определяющее культурный уровень носителя языка; 2) в группу лингво-когнитивных параметров входят уровень языковой компетенции, тезаурусный показатель,

деятельностно-коммуникативные характеристики, мотивационный, определяющий иерархию смыслов и ценностей в языковой модели мира, оценочный и эмоциональный параметры. Каждый из перечисленных параметров имеет свои текстовые индикаторы, способ развёртывания и вербальной репрезентации мысли.

Топонимическая личность является исторически развивающейся и, одновременно, целостной и инвариантной. Поэтому некоторые её доминанты, обуславливающие выделение ядерной зоны топонимической картины мира, позволяют рассматривать топонимическую личность как абстрагированный образ, отвлечённый конструкт, сохраняющий, однако, основные свойства и функциональные принципы реальных индивидов, то есть топонимическая личность как онтологическая сущность и категория в познании является самопричинным и системным качеством человека, сущность которого состоит в определении собственных языковых границ и выходе за их пределы, а существование – в отражённости индивида в топонимической системе.

Этот постоянный и непрерывный процесс обновления топонимикона и сознания топонимической личности приводит к необходимости определения места последней в топонимической системе. Её положение детерминируется различными внешними и внутренними факторами, которые предопределяют и принцип системности самой личности, как совокупности языковых и социальных качеств. Базовым системообразующим принципом здесь является опять же деятельностное отношение к языку, к топонимической системе. Именно акцент на сознании топонимической личности приводит к необходимости рассмотрения не только собственно языковой организации топонимической системы, но и ее ментального бытия. При этом необходимо определить, как соотносятся часть и целое, целостная структура топонимической личности к её подструктурам. Организация

топонимической личности коррелирует с устройством топонимических микросистем, рассмотренным выше: центральную часть составляют зоны наложения репрезентаций ментальных топонимических и концептуальных систем, различные у разных индивидов в зависимости от различных факторов (пол, возраст, профессия, национальность, языковая компетенция). Однако не только этими факторами определяется своеобразие индивидов, составляющих топонимическую личность, выявление этих факторов - задача будущего исследования.

Оптимизация взаимодействия между различными топонимическими микросистемами и их интеграция в единую систему является одной из основных задач исследования. Для этого необходимо учитывать различные факторы, влияющие на формирование топонимической личности, и проводить комплексное исследование их взаимодействия.

2. Динамика любой системы, как отмечали мы выше, предполагает динамику функциональных единиц, ее составляющих.. Такими функциональными единицами могут быть признаны топонимические микросистемы, так как региональная топонимическая система, как отмечалось выше, состоит из отдельных микросистем. Тезис о степени известности как факторе, разграничивающем уровень “макро” и уровень “микро” дополнен нами прагматическим компонентом (коммуникативно-определяющего характера): кому известен? (возраст, пол, профессия и т.д.), когда известен? (сегодня, вчера, всегда) и т.д. При этом для рассмотрения *динамики* микросистемы, на наш взгляд, важны два плана : в течение какого времени известны названия и известны одному-двум (индивидуальная проекция) или многим-всем (коллективная проекция). Таким образом, динамика региональной топонимической системы во временном пространстве осуществляется в результате сложных процессов взаимодействия, с одной стороны, общезыковых стандартов системы, с другой стороны, индивидуализирующих факторов,

отражающих, в частности, различные аспекты языкового сознания, так или иначе формирующих и динамизирующих топонимическую систему.

Получение совокупности ответов на поставленные вопросы может дать, как нам видится, представление о реальных функциях (функционировании), развитии и *самоорганизации* топонимических микросистем, поставив их изучение на *синергетически значимый* уровень. Это второе перспективное направление изучения топонимических систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агеева Р. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

Алефиренко Н.Ф. Теория языка: Введение в общее языкознание. Волгоград, 1998.

Алтайский сборник. Т. 4. Вып. 2: Результаты статистического исследования в 1894 году. Описание переселенческих поселков С.П. Швецова. Барнаул, 1899.

Аниканова Т.А. К вопросу о социолингвистической природе географических названий // Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков. М., 1980.

Анцыферова Л.И. О закономерностях элементарной познавательной деятельности. М., 1961.

Апанасенко О.В., Рут М.Э. Мотивационные значения топонимов в речи информантов и возможности ономазиологической интерпретации топонимического материала // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993.

Аргудяева Ю.В. Путешествующие топонимы // Филология народов Дальнего Востока. Владивосток, 1977.

Арутюнова Н.Д. Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

Беленькая В.Д. Некоторые лингвистические категории топонимики // Оронимика. М., 1969.

Беленькая В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка. М., 1969.

Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания: Ономастика. Киев, 1972.

Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. М., 2000.

Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Томск, 1898.

Белов П.Л. Планиметрия архаического мировосприятия (К проблеме истоков представлений о пространстве и времени) // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996.

Березович Е.Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике: Сб. ст. Свердловск, 1991.

Березович Е.Л. Топонимический контекст и проблемы семантической интерпретации топонимов // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1991.

Березович Е.Л. Семантические микросистемы в русской топонимии: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992.

Березович Е.Л. Топонимическое пространство как текст // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995.

Березович Е.Л., Родионова И.В. Библейские “локативы” в народной языковой картине мира (на материале русской диалектной лексики и топонимии) // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996.

Березович Е.Л. Локальная топонимическая система: параметры и функционирование // Материалы для изучения села и функционирование. Ч. 2. М., 1997.

Березович Е.Л. Семантическая типология русских топонимов: проблемы, возможности, перспективы // Ономастика и диалектная лексика II. Екатеринбург, 1998а.

Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998б.

Березович Е.Л. Топонимия и исторические предания: к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1999. Вып. 3.

Березович Е.Л. О специфике топонимической версии этнокультурной информации // Известия УрГУ. Вып. 1. Гуманит. науки. №7. Екатеринбург, 1997.

Березович Е.Л., Рут М.Э. Ономаσιологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия УрГУ. Вып. 3. 2000.

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Бехтерева Н.П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. М., 1974.

Бехтерева Н.П. и др. Мозговые коды психической деятельности. Л., 1977.

Бирилло Ж. Общеизвестные онимы и национально-культурные ассоциации, вызываемые ими // Язык. Общество. Культура. Вильнюс, 1997.

Блауберг И.В., Юдин. Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.

Блинова О.И. Способы отражения народной духовной культуры в областном словаре // Культура отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1995.

Богатырева Е.А. Бахтин М.М.: Этическая онтология и философия языка // Вопросы философии. 1991. №3.

Болотов В.И. Актуализация антропонимов в речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987.

Бондарук Г.П. История формантного метода в топонимике // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.

Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.

Брысина Т.Н. Сознание в мире: методологический, онтологический, социально-философский аспекты анализа: Автореф. дис. ...д-ра философ. наук. М., 1996.

Будагов Р.А. Язык–реальность–язык. М.,1983.

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Лексика диалектов как отражение народной картины мира // Язык: изменчивость и постоянство. М., 1998.

Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974.

Бушмакина О.Н. Онтология постсовременного мышления: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998.

Буштян Л.М. Ономастическая коннотация: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1983.

Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999.

Вежбицка А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания. М., 1990.

Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Велихов Е.П. и др. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. №11.

Верещагин Н.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. №8. М. 1999.

Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1993. №2.

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994.

Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997.

Воробьева И.А. Словообразование русской топонимики Западной Сибири в связи с историей ее заселения // Филологические науки. 1961. №1.

Воробьева И.А. Социальные факторы возникновения и функционирования современной топонимии // Четвертая ономастическая конференция. Тез. докл. и сообщ. Киев, 1969.

Воробьева И.А. Варианты в топонимии // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1970.

Воробьева И.А. Русская микротопонимия Западной Сибири // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 2. Томск, 1971а.

Воробьева И.А. Системные связи в сфере собственных имен // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1971б.

Айдибулатова Е.А. Доппельт-опонимия в алтайском языке. Омск, 1973.

Воробьева И.А. Системные связи топонимов средней части бассейна реки Оби // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976а.

Воробьева И.А. Системный подход в топонимике и история // Языки и топонимия. Вып. 2. Томск, 1976б.

Воробьева И.А. Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977.

Воробьева И.А. Проблема взаимодействия языков в топонимии Алтая // Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1979.

Воробьева И.А. Русская топонимия Алтая как источник по истории его заселения // Историческая картография и топонимия Алтая. Томск, 1980а.

Воробьева И.А. Русская топонимия на территории позднего заселения // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980б.

Воробьева И.А. Флора Сибири в русских географических названиях // Русские говоры Западной Сибири. Тюмень, 1982.

Воробьева И.А. Русская топонимия Алтая. Томск, 1983.

Воробьева И.А. Бинарная оппозиция топонимии как фокус парадигматики и синтагматики // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985.

Воробьева И.А. Параллельное существование и взаимодействие топонимических систем на одной территории // Русский язык в его взаимодействии с другими языками. Тюмень, 1988.

Воробьева И.А. Социолингвистическое исследование параллельных названий населенных пунктов (на материале ойконимии Алтайского края) // Язык и общество. Саратов, 1989.

Воробьева И.А. Русско-украинское взаимодействие в топонимии Алтая (проблема этнических контактов) // Русские говоры и топонимия Алтая в их истории и современном состоянии: Сб. ст. Барнаул, 1993.

Восточно-славянская ономастика. М., 1979.

Всесоюзная научно-практическая конференция “Исторические названия – памятники культуры”, 17–20 апреля 1989 г. Тез. докл. и сообщ. М., 1989.

Вторая Всесоюзная научно-практическая конференция “Исторические названия – памятники культуры”: Сб. мат. М., 1991. Вып. 1–3.

Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. Спб., 1996.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.

Гак В.Г. Пространство мысли: Опыт систематизации слов ментального поля // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Гачев Л.Д. О национальной картине мира // Народы Азии и Африки. 1967. №1.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.

Географический словарь западнославянских или южнославянских земель и прилежащих стран, составленный Я. Головацким. Вильна, 1884.

Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999.

Глинских В.Г. Топонимическая система и структурно-семантические признаки исходных апеллятивов // Формирование и развитие топонимии: Сб. ст. Свердловск, 1987.

Глинских Г.В. Лингвистические критерии при уточнении названий населенных пунктов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980.

Глинских Г.В. О расхождениях, наблюдаемых при записи топонимов от разных информантов // Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР. Свердловск, 1985.

Голев Н.Д. Антропологическая и собственно-лингвистическая доминанты речезыковой динамики (процессы номинации и деривации в лексике) // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докладов и сообщений международной конференции. Екатеринбург, 1995.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

Голев Н.Д. “Естественная” номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8–9.

Голев Н.Д. О некоторых особенностях принципов номинации в ономастической и апеллятивной лексике (на материале микротопонимии Алтайского края) // Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1979.

Голев Н.Д. О природе мотивационных ассоциаций в лексике русского языка // Известия Алтайского государственного университета, №2: Серия филологии, журналистики, истории, социологии, педагогики, юриспруденции, экономики. Барнаул, 1996.

Голев Н.Д. От редактора // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998.

Голев Н.Д. О соотношении семантических и мотивировочных признаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977. Вып.7.

Голев Н.Д. Функции мотивизации и народная этимология // Вопросы языка и его истории. Томск, 1972.

Головина Э.Д. О характере номинации в микротопонимике (по материалам говоров северо-западной части Кировской области) // Вопросы топониматики. 1977. №5.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.

Гордеева Н.Г. Заметки о системности микротопонимии // Деревня центральной России: История и современность: Сб. докл. М., 1993.

Гордеева О.В. Русская гидронимия и ойконимия бассейна реки Обвы на Западном Урале: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998.

Горожанкина Л.В. Проблемы динамики топонимической системы: Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1978.

Горожанкина Л.В. Проблемы динамики топонимической системы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1979.

Грановская Р.М. Восприятие и модели памяти. Л., 1974.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Громова И.А. Когнитивные аспекты семантики юридического термина // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград, 1999.

Гумбольдт В.ф. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человека // Гумбольдт В.ф. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Гумбольдт В.ф. Язык и философия культуры. М., 1985.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997.

Давыдов Ю.Н. Картина мира и типы рациональности // Вопросы философии. 1989. №8.

Данильченко А.В. Функционирование топонимов в русском газетном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1992.

Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания: аспекты семантики. Томск, 2000.

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука в конце XX века. М., 1995.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4.

Динсмор Дж. Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект. М., 1996.

Дмитриева Л.М. Калькирование как способ номинации в условиях двуязычия // Ономастическое и диалектное словообразование Алтая: Сб. ст. Барнаул, 1985.

Дмитриева Л.М. Перенесенные ойконимы Кулунды (к проблеме немецко-русского топонимического взаимодействия) // Проблемы филологии Западной Сибири и Урала: Тезисы докл. Тюмень, 1986.

Дмитриева Л.М. Варианты ойконимов Кулунды начала века (1907-1928 гг.) // Тезисы докладов к краевой лингвистической научно-практической конференции, посвященной 50-летию Алтайского края.– Барнаул., 1987а.

Дмитриева Л.М. Сложные немецкие топонимы на Алтае в условиях русско-немецкого взаимодействия // Формирование и развитие топонимии: Сб. ст. Свердловск, 1987б.

Дмитриева Л.М. Взаимодействие русской и немецкой топонимических систем // Русский язык в его взаимодействии с другими языками: Сб. ст. Тюмень, 1988а.

Дмитриева Л.М. Русская топонимия Кулунды: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1988б.

Дмитриева Л.М. Структурно-словообразовательная характеристика русской топонимии Кулунды // Деп. В ИНИОН. 13.04.88. №33394. 1988в.

Дмитриева Л.М. Параллельные ойконимы в топонимии Кулунды // Функционирование и историческое развитие диалектной и топонимической лексики Алтая. Барнаул, 1989.

Дмитриева Л.М. Динамика ойконимов Кулунды // Русские говоры и топонимия Алтая в их истории и современном состоянии. Барнаул, 1993.

Дмитриева Л.М. Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования ойконимии Алтая (к проблеме составления Топонимического словаря) // Известия АГУ. 1997. №2.

Дмитриева Л.М. И.А. Воробьева и изучение региональной топонимической системы // Актуальные проблемы филологии: Сб. тезисов. Барнаул, 1998а.

Дмитриева Л.М. Материалы к Топонимическому словарю Алтая (переименование сел в XX веке) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: Сб. ст. Томск, 1998б.

Дмитриева Л.М. Некоторые особенности функционирования названий с компонентом “береза” в языковой системе Алтая // Человек. Коммуникация. Текст: Сб. тезисов. Барнаул, 1998в.

Дмитриева Л.М. О проекте “Топонимического словаря Алтая” // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии:

Материалы Всероссийской конференции, посвященной 120-летию ТГУ. Томск, 1998г.

Дмитриева Л.М. Топонимическая микросистема как компонент языковой картины мира // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы международной научно-практической конференции.– Бийск, 1998д.

Дмитриева Л.М. К этимологии некоторых ойконимов Алтая с диалектной основой // Русская диалектная этимология: Тезисы докл. и сообщений Всероссийского научного совещания.– Екатеринбург, 1999а.

Дмитриева Л.М. Системно-динамическое описание русской топонимии региона в антропоцентристском и системоцентристском аспекте // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Сб.тезисов. Барнаул, 1999б.

Дмитриева Л.М., Воробьева И.А. Словарь русских говоров Алтая (научный отчет по гранту №74) // Реферативный сборник избранных работ по грантам в области гуманитарных наук. Екатеринбург, 1999в.

Дмитриева Л.М. Словарь русских говоров Алтая . Т. 3-4 / в соавторстве с Ивановой А.И., Музюкиной Л.А. и др. Барнаул. 1998г.

Дмитриева Л.М. Антропонимы в топонимической картине мира // Вестник Хакасского гос. ун-та. Вып. 1. Абакан, 2000а.

Дмитриева Л.М. Динамика урбонимической системы г. Барнаула // Алтайский сборник. Барнаул, 2000б.

Дмитриева Л.М. Индивидуальные топонимические микросистемы (по материалам Завьяловского района) // История. События... Барнаул, 2000в.

Дмитриева Л.М. Ойконимический словарь Завьяловского района // История. События... Барнаул, 2000г.

Дмитриева Л.М. Топонимическая картина мира: отражение бытийных ценностей // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всерос. конф. Омск, 2000д.

Дмитриева Л.М. Влияние переселенческого движения на формирование русской топонимической системы Алтая // Ономастика Поволжья. М., 2001а.

Дмитриева Л.М. Общее и индивидуальное в топонимической системе // Русский язык в социально-культурном пространстве XXI века: Материалы международной конференции. Алматы, 2001б.

Дмитриева Л.М. Ойконимический словарь Алтая. Барнаул, 2001в.

Дмитриева Л.М., Макарова Е.В. Пространство и топонимическая личность // Язык и культура Алтая. Барнаул, 2001г.

Дмитриева Л.М. Русская топонимическая микросистема. К проблеме определения // Язык и культура Алтая. Барнаул, 2001д.

Дмитриева Л.М. Русская топонимическая система: онтологическое и ментальное бытие // Известия УрГУ. Екатеринбург, 2001е.

Дмитриева Л.М. Свое и чужое в топонимической микросистеме // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тезисы докладов международной конференции. Екатеринбург, 2001ж.

Дмитриева Л.М. Человек в региональном лингвокультурном пространстве // Методика преподавания иностранного языка в

ситуации культурной полифонии: Материалы региональной школы-семинара. Барнаул, 2001з.

Дмитриева Л.М. Языковая региональная культура Алтая // Язык и культура Алтая. Барнаул, 2001и.

Дмитриева Л.М. Ойконимический словарь Ключевского района // Ключевской р-н.История и современность. Барнаул. 2002а.

Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая).Барнаул, 2002б.

Дмитриева Л.М. Топонимы в текстах-воспоминаниях старожилов // Ключевской р-н. История и современность. Барнаул, 2002в.

Дмитриева Т.Н., Панченко С.В. Ситуативные названия в топонимии казымских ханты // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.

Дульзон А.П. Кетские топонимы Западной Сибири // Уч. зап. Том. пед. ин-та. 1959. Т. 18.

Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.

Дульзон А.П. Былое расселение кетов по данным топонимики // Вопросы географии. Географические названия. М., 1962. №58.

Дульзон А.П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964.

Дульзон А.П. Дорусские топонимы Средней Сибири // Вопросы географии. Изучение географических названий. М., 1966. №70.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Жекулин В.С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972.

Жемеров В.Г. Славгород. Барнаул, 1972.

Жоль К.К. Язык как практическое сознание. Киев, 1990.

Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.

Жучкевич В.А. Общая топонимика. Минск, 1968.

Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград, 1999.

Иванова Е.Э. Топонимия среднего течения реки Чусовой: Дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993.

Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.

- Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000.
- Имя нарицательное и собственное. М., 1978.
- Кабинина Н.В. Топонимия дельты Северной Двины: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.
- Каган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М. 1974.
- Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996.
- Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997.
- Каменкова Т.А. Бессознательное как горизонт сознания в структурализме М. Фуко. Проблемы сознания в современной западной философии. М., 1989.
- Карабулатова И.С. Региональная этнолингвистика: современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области. Тюмень, 2001.
- Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Карбовский Ж. Стереотип как феномен сознания // Сознание и знание. М., 1984.
- Карпенко Ю.А. О синхронической топонимике // Принципы топонимики. М., 1964а.
- Карпенко Ю.А. Свойства и источники микротопонимии // Топономастика и транскрипция. М., 1964б.
- Карпенко Ю.А. Свойства и источники микротопонимии // Микротопонимия. М., 1967а.
- Карпенко Ю.А. Топонимия Буковины: Автореф. дис... д-ра филол. наук. Киев, 1967б.
- Карпенко Ю.А. Признаки молодости топонимической системы // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.

Карпенко Ю.А. Специфика ономастики // Русская ономастика. Одесса, 1984.

Карпенко Ю.А. Современное развитие русской ономастической системы // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988.

Карпов В.А. Язык как система. Минск, 1992.

Касенкова Т.Н. Речевые стратегии как модуляции перспективы языкового отображения мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.

Катермина В.В. Личное имя собственное: национально-культурные особенности функционирования (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс... канд. филол. наук. Краснодар, 1998.

Кессиди С.Ф. От Мифа к логосу. М., 1972.

Киселева О.Н. Грамматическая аналогия и языковая система (на материале говоров средней части бассейна р. Оби) // Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Т. 2. Томск, 1968.

Климкова Л.А. Об онимическом пространстве русской деревни // Деревня Центральной России. История и современность. М., 1993.

Климкова Л.А. Региональная ономастика. Горький, 1985.

Кобрин Р.Ю. Лингвистика в картографии // Прикладное языкознание. СПб., 1998.

Ковалева Н.Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале топонимике бассейна р. Ини) // Вопросы топониматики. Вып. 5. Свердловск, 1971.

Ковалева Н.Б. принципы номинации топонимов бассейна реки Ини // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976.

Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л., 1991.

Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.

Êÿøáíñêéé Ã.Ã. Êÿóíèèàðèáíàÿ ôóíèèèÿ è ñððòèðððà ÿçúèà. М., 1984.

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.

Конечкая В.П. О системности лексики // Вопросы языкознания. 1984. №1.

Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникативистики: Сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 2000.

Копорский С.А. Очерки по топонимии. I. Имена-ориентиры. "Onomastica", т.V, з.1-2. Wrocław – Warszawa – Krakow. 1965.

Королева И.А. Становление русской антропонимической системы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.

Корюкин В.И. Концепции уровней в современном научном познании. М., 1993.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Котелевский Д.В. Топология бытия: исходные основания и способы пространственно-временного структурирования Бытия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.

Красножен С.А. Проблемы грамматического становления русской ойконимии: Дис. ...канд. филол. наук. Одесса, 1984.

Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1847). СПб., 1897.

Краткий исторический очерк колонизации Томской губернии. Томск, 1911.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. №4.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Кузиков В.В. О влиянии экстралингвистических факторов на возникновение топонимов // Теория и методика преподавания германских языков. Куйбышев, 1978.

Кузиков В.В. Социолингвистическая характеристика географических названий бассейна реки Майн: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 1977.

Кузнецова Н.А. Топонимия Пензенского края: Дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 1984.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989.

Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет. Л., 1989.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. №1.

Лобанов С. Д. Бытие и реальность. М., 1999.

Лобода В.В. Севернопричерноморская топонимия (общие и региональные проблемы украинской топонимической системы): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1979.

Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

Логический анализ языка: культурные концепты. М., 1991.

Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993.

Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.

Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону, 1988.

Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.

Лютикова В.Д. Языковая личность и диалект. Тюмень, 1999.

Майнцер К. Сложность и самоорганизация // Вопросы философии. 1997. №3.

Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. №10.

Мамонтова Н.Н. Имя и национальная культура // Ономастика: Имя и культура. М., 1994.

Мамонтова Н.Н. Отражение религиозных представлений и древних верований в топонимии Карелии // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микротопонимии Ливвиковского ареала Карельской АССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982.

Маршева Л.И. Функционирование ономастической лексики в диалектных условиях (на материале говоров севера Липецкой области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.

Маслоу А. Психология бытия. М., 1997.

Маслоу А. С. Мотивация и личность. СПб., 1999

Матвеев А.К. В роли создателя топонимов // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997.

Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1980.

Матвеев А.К. К интерпретации одной условной топонимической системы // Этимология 1984. М., 1986.

Матвеев А.К. Топономастика и современность // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974.

Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.

Матвеев А.К. От Пай-Хоя до Мугоджар. Екатеринбург, 1984.

Матвеев А.К. Субстрат и заимствование в топонимии // Вопросы языкознания. 1993. №3.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера Екатеринбург, 2001.

Матей Л.П. Эволюция и вариативность русской ойконимии Свердловской области: Дис. ... канд. филол наук. Свердловск, 1991.

Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век // Избранные статьи и воспоминания. М., 1998.

Мигирина Н.Н. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке (На материале представлений статусов лица в номенклатурной сфере языка). Кишинев, 1977.

Микротопонимия: Материалы совещания / Отв. ред. О.С. Ахманова. М., 1967.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике. Екатеринбург, 1998.

Мищенко О.В. Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Молчанова О.Т. К семантике имени собственного // Проблемы теории и методики языка. Ярославль, 1980.

Молчанова О.Т. Переносные и повторяющиеся топонимы // Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985. Вып. 1.

Молчанова О.Т. Роль этнопсихологии при выборе ономаσιологических признаков мотивации в процессе наименования объектов Среды обитания // Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej. Warszawa, 1998.

Молчанова О.Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.

Молчанова О.Т. Тюркские названия озер Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. Вып. 1. Томск, 1966.

Морозова М.Н. Вопросы топонимики. М., 1969.

Муллерен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования: Автореф. дис. ... д-ра филол наук. Йошкар-Ола, 2000.

Муллерен И.И. Гидронимия бассейна реки Ояты. Петрозаводск, 1988.

Мурзаев Э.М. Географическая ориентация и ее отражение в топонимии // Известия РАН. Сер. геогр. 1993. №4.

Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Мурзаев Э.М. Топонимика и идеография. М., 1995.

Налимов В.В. Реальность нереального. М., 1995.

Нерознак В.П. Перенесенная топонимия Западной Сибири (к постановке проблемы) // Восточно-славянская ономастика: Материалы и исследования. М., 1979.

Нечай М.Н. Русская топонимия лесной зоны Среднего Прииртышья: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1989.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре. Язык и личность. М., 1989.

Николис Д. Динамика иерархических систем. М., 1989.

Никонов В.А. Закон ряда в географических названиях // Onomastika. Wroslaw-Krakow. 1958. R. 4. z 1.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1964.

Никонов В.А. География русских суффиксов // Ономастика. 1952. Т. 5. №2.

Никонов В.А. Научное значение микропонимии // Топономастика и транскрипция. М., 1964.

Никонов В.А. Славянский топонимический тип // Географические названия. М., 1962.

Новейший философский словарь. М., 1999.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Овчинникова Е.Л. Современный русский ономастикон: начальные этапы формирования (на материале онимического запаса ребенка от года до 10 лет): Дис. ... канд. филол наук. Волгоград, 1997.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.

Ойген Розеншток-Хюсси. Речь и действительность. М., 1994.

Ономастика. М., 1969.

Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988.

Ономастическое и диалектное словообразование Алтая. Барнаул, 1985.

Откупщикова Н.И. Моделирование языка // Прикладное языкознание. СПб., 1998.

Очерки Алтайского края. Барнаул, 1925.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.

Переселение в Сибирь из восьми губерний, входящих в состав Южно-русской областной земской Переселенческой организации за 1906–1912. Вып. 1. Полтава, 1918.

Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.

Першина К.В. Становление ойконимии позднего образования в условиях близкородственного двуязычия: Дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 1983.

Петренко М.Г. Омонимические явления в топонимии // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. тр. Киев, 1988.

Пинкер С. Языковой инстинкт // Логос. 1999. №8.

Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке // Записки Моск. арх. ин-та. Т. 5. М., 1909.

Подольская Н.В. Исследование топонимики в связи с данными этнографии // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 2. М., 1961.

Подольская Н.В. Микротопонимы в древнерусских памятниках письменности // Микротопонимия. 1967.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Подольская Н.В. Типовые восточно-славянские топоосновы. М., 1983.

Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989.

Поликарпов А.А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент: Автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 1998.

Поспелов Е.М. Топонимика и картография. М., 1971.

Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6.

Принципы описания языков мира: Монография / Отв. ред. В.Н. Ярцева, Б.А. Серебренников. М., 1976.

Проблема человека в современной западной философии. М., 1988.

Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста. Волгоград, 1993.

Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.

Раков Г. А. Проблемы и методы исследования диалектной лексической семантики как системы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1990.

Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии (семасиологический и ономазиологический анализ системных отношений в лексике). Томск, 1988.

Рамишвили Г.В. Вопросы энергетической теории языка. Тбилиси, 1978.

Региональная лексикология и лексикография Алтая: Межвузовский сборник. Барнаул, 1983.

Реформатский А.А. Семиотика географической карты // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964.

Реформатский А.А. Топонимика как лингвистический факт // Принципы топонимики. М., 1962.

Реформатский А.А. Топонимика как лингвистический факт // Топонимика и транскрипция. М., 1964.

Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. докл. М., 1995.

Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.

Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление М., 1988.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.

Руденко Д.И. Имя в парадигмах “философии языка”. Харьков, 1990.

Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург. 1992.

Рут М.Э. Информант и топонимическая микросистема // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 3. Екатеринбург, 1999а.

Рут М.Э. Личность и микротопонимическая система // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. Барнаул, 1999б.

Савчук Г.В. Отражение в русской фразеологии пространственной модели мира: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Орел, 1995.

Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974.

Селезнева Л.Б. Многоязычие топонимии и ее функциональная форма // Вопросы грамматики русского языка: Межвуз. сб. Иркутск, 1977.

Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.

Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности систем языка. М., 1968.

Сержантов В.Ф. Смысл жизни как аксиологическая функция жизни // Человек в зеркале наук. Л., 1991.

Сеченов И.М. Впечатления и действительность // Избр. филос. и психол. произв. М., 1947.

Сими́на Г.Я. Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории. Л., 1969.

Скляренко А.М. Закономерности словообразовательной организации ойконимии: Дис. ... канд. филол. наук. 1974.

Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.

Словарь географических названий СССР. М., 1983.

Словарь географических названий Украинской ССР. Т. 1–4. М., 1976.

Словарь русских говоров Алтая. Т. 1–4. Барнаул, 1991–1998.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–29 / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1965–1991.

Смирнова Н.А. Словообразовательные модели в гидронимии Алтая // Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1979.

Смолицкая Г.П. Топонимический ареал и вопросы реконструкции лексической системы языка // Вопросы языкознания. 1978. №4.

Современная наука и закономерности ее развития: Сб. ст. Вып. 6. Томск, 1985.

Современная наука и закономерности ее развития. Томск, 1985.

Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону, 1995.

Современный философский словарь. Лондон; Минск, 1998.

Солсо Р. Когнитивная психология. М., 1996.

Сороколетов Ф.П. Диалектная лексика как система // Восточно-славянское и общее языкознание. М., 1978.

Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.

Списки населенных мест Российской империи. Екатеринославская губ.; Самарская губ. СПб., 1864 г.; Полтавская губ., 1862; Саратовская губ., 1862; Харьковская губ., 1869; Херсонская губ., 1868; Черниговская губ., 1866.

Сталтмане В.Э. Ономастическая лексикография. М., 1989.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2001.

Стычишина Л.П. Проблемы пограничной топонимии: Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1976.

Сумцов Н. Малорусская географическая номенклатура. Т. 4. Киев, 1886.

Суперанская А.В. Микропонимия, макропонимия и их отличие от имен собственных // Топономастика и транскрипция. М., 1964.

Суперанская А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М., 1969.

Суперанская А.В. Собственные имена в языке и речи // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Суперанская А.В. Лингвистический аспект ономастических исследований // Вопросы ономастики. Самарканд, 1976.

Суперанская А.В. Основные линии топонимической номинации // Топонимика в региональных географических исследованиях. М., 1984.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? М., 1985.

Суперанская А.В. Имя через века и страны. М., 1990.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Дис. ... в виде научн. докл... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.

Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

Теория познания: В 4-х т. Т. 2: Социально-культурная природа познания. М., 1991.

Теория познания: В 4-х т. Т. 4: Познание социальной реальности. М., 1995.

Токарев С.А. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этнологические исследования за рубежом. – М., 1973.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. М., 1969.

Топоров В.Н. Из области теоретической топономастики // Вопросы языкознания. 1962а. №2.

Топоров В.Н. Некоторые положения теоретической топономастики // Принципы топонимики. М., 1962б.

Топоров В.Н. К проблеме классификации в топонимии // Исследования по структурной типологии. М., 1963.

Топоров В.Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики // Принципы топонимики (Материалы совещания). М., 1964.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Топоров В.Н. Эней – человек судьбы: к “средиземноморской” персонологии: В 2-х ч. Ч. 1. М., 1993.

Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М., 1995.

Торопцев И.С. Язык и речь. Воронеж, 1985.

Трофимова Е.Б. Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование. Москва; Биробиджан, 1996.

Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.

Усенко О.Г. К определению понятия “менталитет” // Русская история: Проблемы менталитета. М., 1994.

Успенский Б.А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Избранные труды. Т. 1. М., 1996а.

Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Избранные труды. Т. 1. М., 1996б.

Успенский Б.А. Отношения подсистем в языке и связанные с ними языковые универсалии // Избранные труды. Т. 3. М., 1996в.

Успенский Б.А. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий // М., 1996г.

Успенский Б.А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси // Избранные труды. Т. 2. М., 1996д.

Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.

Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира. М., 1988.

Физический энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1983.

Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. М., 1983

- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М., 1988.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1997.
- Фонякова О.И. Топоним и контекст // Язык и общество. Саратов, 1982.
- Фролов Н.К. Статус микропонимии в системе топонимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982.
- Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.
- Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
- Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск, 1997.
- Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.
- Человек: Философские аспекты сознания и деятельности. Минск, 1989.
- Чернышова Т.В. Русская оронимия Алтая в аспекте номинации. Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1988.
- Черняховская Е.М. История разработки топонимических классификаций // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.
- Шаклеин В.М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации// Лингвистика и межкультурная коммуникация. №1. М., 2000.
- Шенк Р.К. Обработка концептуальной информации. М., 1980.
- Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Язык и личность. М., 1989.
- Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- Язык и этнический менталитет. Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1995.
- Языки и топонимия Сибири. Вып. 1. Томск, 1966.
- Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1981.

Языковая картина мира: лингвистические и культурологические аспекты. Бийск, 1998.

Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Тезисы докл. к регион. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. И.А. Воробьевой (70 лет со дня рождения). Барнаул, 1999.

Языковое сознание: Стереотипы и творчество. М., 1988.

Языковое сознание: Формирование и функционирование. М., 1998.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Яхонтов А.П. Переселение за пределы Украины. Харьков, 1926.

Adams E/M/The reviev of metafisic, XXXIX. Vol.156, № 4.1986.

Givon,T. Mind,Code and Context. Essays in Pragmatics, pp.70-73. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Hillsdale, New Jersey, London, 1996.

Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. Paris, 1964-1965.

Molchanova O.T. A grammar of turkic place-names in the Mountain Altai. – Uniwersytet Szczecinski. Szczecin, 1998.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА

Полевые материалы

Топонимическая картотека кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета.

Топонимическая текстотека кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета.

Картотека диалектных слов кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета.

Архивные материалы

Материалы Государственного архива Алтайского края

Акты по установлению границ землепользования крестьян Михайловской волости 1909–1911 гг. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3052.

Алфавит переселенческих участков Барнаульского округа.– Ф.67.– Оп.1.– Д.141.– 22 л.

Алфавит переселенческих участков Барнаульского уезда 1906-1919 гг.– Ф.67.– Оп.1.– Д.92.– 84 л.

Алфавитные списки переселенцев, ходатайствующих о разрешении переселиться в Алтайский округ. 1907 г.– Ф.4.– Оп.1.– Д.2929.– Л.43.

Алфавитный список волостей и селений Алтайского горного округа 1886 г. Ф. 3. Оп. 1. Д. 674.

Алфавитный список селений округа 1900-1915 гг.– Ф.4.– Д.2571.– 138 л.

Алфавитный список селений Алтайского округа, землеустроенных по закону 31 мая 1899 г. Ф. 29. Оп. 1. Д. 436.

Алфавитный список селений бывшего Алтайского округа, существовавших в 1747–1858 гг. Составлен по “ревизским сказкам” 2–10 ревизий населения, хранящимся в Госархиве Алтайского края (составлен по документам госархива Н.Я. Савельевым).

Алфавитный список селений округа 1900–1915 гг. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2571. Л. 138. Анкеты сельскохозяйственной переписи 1917 г. Ф. 233. Оп. 1. Д. 410 и далее.

Анкеты сельскохозяйственной переписи Славгородской волости, Барнаульского уезда 1917 года.– Ф.233.– Оп.1.– Д.397-428, 569-580,609-611,616,674,799,804-824,898,974-1007,1043,1046,1059,1064,1066-1068,1072,1108,1110-1123; Оп.16.– Д.109,355,576,580,582-584,843-891; Оп.5.– Д.72,75-80,247-259.

Ведомость землеустроенных по закону 31 мая 1899 года селений Барнаульского уезда.– Ф.4.– Оп.1.– Д.3070.– Л.86.

Выписка из журнала заседания совета по земельным делам...– Ф.233.– Оп.2.– Д.242.– Л.18,19,59,60,61,66,82.

Геодезическое описание земельных наделов и сел Алтайского округа. Ф. 29. Оп. 2. Д. 5. Л. 29.

Геодезическое описание переселенческих участков 1907-1912 гг.– Ф.67.– Оп.1.– Д.120.– Л.23.

Доклад при ревизии отчетности Вологодско-Пермской Переселенческой партии за 1906-1907 годы...– Ф.76.– Оп.1.– Д.126.–

Документы об отводе земельных и лесных наделов крестьянам и инородцам по закону 31 мая 1899 г. Ф. 29. Оп. 1. Д. 556. Д. 1313.

Журналы присутствия Томского губернского управления и постановления зав.землеустройством о землеустройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайский округ за 1904–1909 гг. – Ф.4.– Оп.1.– Д.370.– 123 л.

Журналы присутствия Томского губернского управления о рассмотрении проектов земельных наделов Ф. 4. Оп. 1. Д. 3057.

Карта Алтайского округа 1911 г. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3263.

Карта Алтайского округа 1913 года.– Ф.4.– Оп.1.– Д.3447.– 96 л.

Карта Алтайского округа 1914 года.– Ф.4.– Оп.1.– Д.3529.– 17 л.

Карта Алтайского округа с показанием волостей и уездов 1910 года.– Ф.50.– Оп.12.– Д.26.– Л.1.

Карта Кулундинской степи с обозначением переселенческих и киргизских участков. Ф. 50. Оп. 12. Д. 188.

Карта переселенческого участка Алтайского округа 1908 года.– Ф.50.– Оп.16.– Д.52.– Л.1.

Книга образования переселенческих участков 1907 года.– Ф.50.– Оп.20.– Д.26.– 96 л.

Количество участков, образованных в 1911 году.– Ф.4.– Оп.1.– Д.3348.– 18 л.

Копии журналов общего Присутствия Томского губернского управления о преобразовании волостей и селений разных уездов Томской губернии 1911 г. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5442.

Копии журналов Томского губернского управления об образовании новых и разделении прежних волостей и переименовании селений Барнаульского, Кузнецкого, Бийского, Томского уездов 1891–1903 гг. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4838.

Копии журналов Томского губернского управления об образовании новых и разделении прежних волостей и переименовании селений Барнаульского, Кузнецкого, Бийского, Томского уездов 1904–1911 гг. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5105.

Копии планов переселенческих участков, образованных в лето 1910 года из свободных земель... – Ф.4.– Оп.1.– Д.3137.– Л.13,16,19,159.

Краткий исторический обзор арендного хозяйства в Алтайском округе 1912 г. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3129.

Маршрутная карта Кулундинской степи Алтайского округа 1908 года.– Ф.50.– Оп.12.– Д.187.– Л.1.

Описание границ, районов, городов Алтайской губернии.– Ф.Р212.– Оп.1.– Д.39.– 25 л.

Описание заселенных и незаселенных переселенческих участков, образованных в Алтайском горном округе до 1896 г. Ф. 3. Оп. 1. Д. 946, 947.

Опись волостным и сельским планам Алтайского горного округа. 1884 г. Ф. 3. Оп. 1. Д. 618.

Отводные записи земельных наделов 1907 г. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5194.

Перепись населенных пунктов 1920 г. Ф. 212. Оп. 1. Д. 372 и далее.
Перечень волостей и селений Барнаульского уезда Алтайской губернии за 1918 год.– Ф.233.– Оп.1.– Д.6.– 230 л.

Планшеты Кулундинской степи 1907 года.– Ф.50.– Оп.7.– Д.266.

Поселенные бланки Сибирского стат.управления на 1928 год.– Ф.Р1328.– Оп.1.– Д.182-184,460-471,645-648.

Программа для составления поселенных описаний округа Ф. 4. Оп. 1. Д. 2809.

Протоколы заседания комиссии по рассмотрению и утверждению переселенческих участков округа. 1907–1910 гг. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2868.

Протоколы заседания комиссии по рассмотрению и утверждению переселенческих участков округа. 1914–1915 гг. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3604.

Протоколы комиссии по выяснению Восточной границы Алтайского округа 1911 г. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3172.

Прошения крестьян округа о наделении их землей. 1907–1911 гг. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2842.

Прошения крестьян разных губерний о разрешении им поселиться 1878–1901 гг. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2154.

Сборный лист Кулундинской степи.– Ф.50.– Оп.12.– Д.43.– Л.1.

Сведения о селениях, расположенных на землях Алтайского округа. 1882 г. Ф. 3. Оп. 1. Д. 618.

Списки волостей и селений Славгородского уезда 1917 года.– Ф.29.– Оп.1.– Д.730.– 45 л.

Списки волостей, уездов, населенных пунктов и лесничеств. 1920 г. Ф. 24. Оп. 1. Д. 751.

Списки переселенческих участков, основанных в 1865–1894 гг. Ф. 3. Оп. 1. Д. 619.

Списки переселенческих участков, образованных Томской переселенческой организацией с 1907–1916 гг. на землях округа с указанием площади.– Ф.4.– Оп.1.– Д.3047.– 114 л.

Списки переселенческих, запасных, хуторских участков, прирезков и отрезков... 1911 г. Ф. 67. Оп. 1. Д. 128.

Списки селений и указатель уездов и дворов на 10-верстной карте Алтайской губернии 1908 года.– Ф.4.– Оп.1.– Д.644.– 14 л.

Список волостей Алтайского округа. 1914 г. Ф. 67. Оп. 16. Д. 139.

Список волостей Алтайского округа.– Ф.67.– Оп.1.– Д.130.– Л.18,19,20.

Список волостей и селений Барнаульского уезда Томской губернии Ф. 4. Оп. 1. Д. 3977. Л. 44.

Список волостей Славгородского уезда за 1920 год.– Ф.Р23.– Оп.1.– Д.103.– Л.188-192.

Список коммун и товариществ Славгородского округа на 1928 год.– Ф.Р443.– Оп.1.– Д.24.– Л.1-169.

Список населенных мест Барнаульского уезда Алтайской губернии.

Список переселенческих участков Бухтарминского подрайона. 1920 г. Ф. 67. Оп. 1. Д. 143.

Список населенных пунктов и районирование Алтайской губернии по волостям на 1920–1921 гг. Ф. Р24. Оп. 4. Д. 3547.

Список оброчных статей Алтайского округа, переданных в колонизационный фонд за период с 1907 по 1 января 1911 г. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3306.

Список переселенческих участков Алтайского горного округа. 1896г. Ф. 3. Оп. 1. Д. 929.

Список сел, деревень и инородческих улусов, лесничеств Алтайского горного округа с указанием числа усадеб. 1893–1894 гг. Ф. 3. Оп. 1. Д. 894.

Список селений Алтайского округа, районов старших лесничих с показанием лесничеств, входящих в их состав. Ведомость землеустроенных по Закону 31 мая 1899 г. селений Барнаульского уезда Ф. 4. Оп. 1. Д. 3070.

Список селений Барнаульского уезда. 1897 г. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4898.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Районы Алтайского края:

Алейский – Алейск.

Алтайский – Алт.

Баевский – Баев.

Бийский – Бийск.

Благовещенский – Благ.

Бурлинский – Бурл.

Быстроистокский – Б-Ист.

Волчихинский – Волч.

Егорьевский – Егор.

Ельцовский – Ельц.

Завьяловский – Зав.

Залесовский – Зал.

Заринский – Зар.

Змеиногорский – Зм.

Зональный – Зон.

Калманский – Калм.

Каменский – Кам.

Ключевский – Кл.

Косихинский – Кос.

Красногорский – Красног.

Краснощековский – Красн.

Крутихинский – Крут.

Кулундинский – Кул.

Курьинский – Кур.
Кытмановский – Кытм.
Локтевский – Локт.
Мамонтовский – Мам.
Михайловский – Мих.
Немецкий национальный – Нем.
Новичихинский – Нович.
Павловский – Павл.
Панкрушихинский – Панкр.
Первомайский – Перв.
Петропавловский – Петр.
Поспелихинский – Посп.
Ребрихинский – Ребр.
Родинский – Род.
Романовский – Ром.
Рубцовский – Рубц.
Славгородский – Славг.
Смоленский – Смол.
Советский – Сов.
Солонешенский – Солон.
Солтонский – Солт.
Суетский – Сует.
Табунский – Таб.
Тальменский – Тальм.
Тогульский – Тог.
Топчихинский – Топч.
Третьяковский – Трет.
Троицкий – Троиц.
Тюменцевский – Тюм.

Угловский – Угл.

Усть-Калманский – Усть-Калм.

Усть-Пристанский – Усть-Пр.

Хабарский – Хаб.

Целинный – Цел.

Чарышский – Чар.

Шелаболихинский – Шел.

Шипуновский – Шип.

А – Материалы Государственного архива Алтайского края

КДС – Картотека диалектных слов Алтая

СРГА – Словарь русских говоров Алтая

ТК – Картотека топонимов Алтая

д. – деревня

зас. – заселок

п. – поселок

р-н – район

с. – село

стан. - станица

хут. - хутор

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Организация ойконимической системы Алтая в начале 20 в.

Необычность ситуации начала 20 века на Алтае , с языковой точки зрения, состоит прежде всего в том, что *нарушается естественное развитие топонимического процесса*. Переселявшиеся на Алтай в 18 - 19 веке, как правило, подсеялись в уже существующие села (изменения

ойконгима и появления нового не происходило), иная топонимическая ситуация возникает в конце 19 — начале 20 века. Изучение протоколов комиссий Переселенческого управления, Списков переселенческих участков, Описаний переселенческих участков и т.д. (см. Список источников материала) позволяет представить процесс номинации переселенческих участков и вновь возникающих посёлков, а также *процесс формирования топонимической системы региона.*

Связь двух объектов в пространстве Алтая начала века реализуется на Карте, в Списке, в Документах.

Первый уровень иерархического членения пространственно-временного континуума - это уровень связи между объектом А и В, представленный в отношении: географическое пространство (реки, озера, возвышенности, низменности и др. топообъекты) — переселенческий участок

Особенность топонимической ситуации данного периода (как ранее мы уже отмечали в своих работах) в том, что все переселенческие участки большей частью пустовавшего до начала 20 века пространства Алтая были пронумерованы, кроме того, они получают ещё и названия. Наименование выделенных для новосёлов участков проводилось Переселенческим управлением.

Наиболее частотное использование при наименовании участка названий гидрообъектов. Так, в Списке переселенческих участков 1896 года из 216 участков наименования 73 участков связаны с гидронимами.

Касмалинская волость 1896 г.

“ Новичиха - в Новичихином логу, уч. Костин лог - в Костином логу; уч. Травной - у Травного озера; Чудские пруды - на Чудских прудах; Абрамовская дуброва - при Абрамовской дуброве”

Шелковниковская волость 1896 г.

“Кругленький - при озере Круглом; Топольный - при так называемых Топольных ямах и колодцах; Беленький - при озере Беленьком; Шадруха - при реке Шадрухе и озере Горьком; Лаптев Лог - при Лаптевом логе и колодцах”,

“Хмелевка - на обеих сторонах реки Хмелевки; Чириково - при озере Чирикове; Таловка - при реке Таловке; Фыкалка - пр реке Фыкалке; Новенький - при озере Новеньком; Золотуха - при реке Золотухе; Березовка - по обе стороны реки Березовки; Комариха - по обе стороны реки Комарихи; Боровлянка - по обоим берегам реки Боровлянки; Талицкий - при реке Талице; Осиновка - при реке Осиновке; Кривая Лука - при речке Кривой Луке ; Гусянка - при реке Гусянке “

Аналогично в 1907 - 1910 гг :

“Фионово болото - при Фионовом болоте; Стыровский - болото Стыровое; Западно-Сатанинский - болото Сатанинское; Чаячий - озеро Чаячье; при озере Пресном - озеро Пресное; При озере Черненьком - озеро Черненькое; Плоское - в урочище Плоском; Быстренок - при реке Быстренок”

При этом устанавливается связь с разными объектами:

река — участок:

река Пайва — уч.,Вершина Пайвы; уч.,Пайвенки (Сычевская вол.);

Участок Урунский “При речке Уруне” (Сычевская вол.);

Уч.Усть-Излап “При речке Излапе” (Сычевская вол.);

Уч. Анамас “При речке Анамасы” (Сычевская вол.);

Уч.Ненинский “При реке Нене” (Сычевская вол.);

Уч.Каракан “При речке Каракане” (Сычевская вол.);

Уч.Черновой “ по долине речки Черновой” (Сычевская вол.) ;

Уч. Хмелёвка “На обеих сторонах речки Хмелёвки” (Верх-Чумышская вол.);

Уч.Берёзовка “По обе стороны речки Берёзовки” (Покровская вол.);

Уч.Таловка “При реке Таловке” (Алейская вол.);

Уч.Чистопольный “При речке Чистопольной” (Бухтарминская вол.).

озеро — участок:

С названиями *озер* связаны:

Уч.Истемисс “При озере Истемисс” (Покровская вол.);

Уч.Беленький “При озере Беленьком” (Карасукская вол.);

Уч.Утичье “При озере Утичьем” (Карасукская вол.);

Уч.Шелчиха “При озере Шелчихе” (Лянинская вол.);

Уч.Чириково “При озере Чирикове” (Верх-Чулымская вол.);

Уч.Грачиха “при озере Грачиха” (Верх-Чулымская вол.);

Уч.Дальний “При озере Дальнем” (Верх-Чулымская вол.);

Уч.Утичий “При озере Утичьем” (Лянинская вол.);

лог — участок:

Уч. Казначейский лог (Покровская вол.);

Уч. Мокрый лог (Лянинская вол.);

Уч. Сухой лог (Лянинская вол.);

Уч. Сенной лог (Локтевская вол.);

Уч. Голый лог (Покровская вол.);

Уч. Вершина Голого лога (Покровская вол.);

уч. Вершина Сухого лога (Покровская вол.);

Уч.Новичиха “При логе Новичихинском” (Касмалинская вол.);

Уч.Костин Лог “У Костина Лога” (Касмалинская вол.);

Уч.Ярославцев Лог “На Ярославцевом Логу” (Покровская вол.) ;

дубрава — участок :

уч.,Дмитриевская дубрава уч.,Дубровный уч.,Мурашкина дубрава
Низменная дубрава уч., Редкая дубрава уч.,Рогова дубрава уч.,

раkit — участок:

уч.,Долгий раkit уч.,Жженный раkit Ракиты уч., Сухой раkit уч.,
Фионов раkit уч.,Фионово болото уч., Шарчинский раkit уч.,

урочище — участок:

Уч.Полуямок “При урочище Полуямок и колодцах” (Покровская вол.);
Уч.Баштан “При урочище Баштан” (Покровская вол);

Уч.Ракиты “При урочище Ракиты и колодцах” (Покровская вол.);

ключ — участок:

Уч.Комар “При ключе Комар” (Алтайская вол.);

Уч.Топучий “При ключе Топучем” (Алтайская вол.);

участок Колбинский - ключ Колбин

участок Маралий - ключ Маралий

участок Белый - ключ Белый,

а также *согра* — *участок*: уч.,Калинова согра; *ляга*: Кривая ляга уч. ;
осинник : уч.,Михайлов осинник ; *мыс* Токаревский Мыс уч.; *околок*:
Свиные колки уч., Ягодный колок уч.,

Все названия фиксируются в отводных записях :

“В участке Ермошкин Ракит вода сохраняется в болоте, называемом “Ярмошкин Ракит”

“в участках Верхний и Нижний Щучьих имеется ручей “озеро Щучье”, проточный весной, а летом сохраняющий воу в омутах (ямках)”

“уклон к озеру Большому Топольному. Участок Больше-Топольный с юга омывается озером того же названия ”

“Участок Киймалы-Сор образует глубокую котловину с горько-соленым озером Кеймалы -Сор”

“Участок Чебачий - озеро Чебачье, участок Хомутиный омывается водой из речки, называемой Хомутиной”

“Пресной водой обеспечены участки Фионов Ракит (вода в болоте того же названия), Чаячий, Гусиный и участок Белая глина(вода в болоте того же названия) ... Водопои с пресной водой имеются на участке Гусином в болотах Согорном и Паршуковом”л 85

“В состав участка Естратовского вошло болото того же названия, пересыхающее к концу лета...”

“Участок Чаячий водой обеспечен из озера Чаячьего”

“Усадьба участка Хвораевского разбита около пересыхающего болота Хвораевского”

“участок Заячья Слобода расположен в урочище Заячья Слобода - болото с камышом”

“участок Казазаев - река Казазаева и ключ Пермяков... на участке проживают трое арендаторов: Казазаев, Пермяков и Синикин .. Долина речки Казазаевой и ключа Пермякова имеют прекрасную черноземную почву, равно как и склоны их”

“участок Быстренок расположен вдоль реки Быстренок , по обеим сторонам ее полосой почти в 8 верст длины”

“участок Лобзоватый - непросыхающее болото Лобзоватое и Котье”

“участок Калачики - урочище Чертов Калач - вода для водопоя имеется в урочище Чертов Калач ... было бы целесообразно присоединить к к п/у Калачики”

“Участок Комарий - имеется озеро Комарье... участок Заливной - имеется озеро Заливное... В участке Семенушки имеется два озера - Плоское и Семенушки”

“Наружные воды вошли в состав участков Восточно-Сатанинского и Западно-Сатанинского в виде озера-болота Сатанинского, не пересохшего в сухое лето 1910 года, берега озера заросли тростником”

“участок Белый. Широкая котловина, прорезанная ключами Белым и Черным, имеет глубокий почвенный слой, весьма интенсивно окрашенного суглинка”

“участки Кривая Сосновка и Прямая Сосновка - на реке Сосновке”

“запроектированы участки Жженый Ракит и Долгий Ракит”

“Участок Малиновая Грива и Шелковая Грива”

Вновь возникающие поселки, однако, часто получают другие названия, нежели переселенческие участки. Новосёлы, несмотря на указания Переселенческого управления, именуют сёла по-своему. Возникает такая топонимическая ситуация, при которой:

1.используются для номинации сел названия переселенческих участков (“Образовать из участков поселки: Лебединское из участка Лебединского, Верх-Сосновское из участка Верх-Сосновского...”);

2.создаются новые названия посёлков (“Образовать из участков поселки: Титовское из участка Киргизского, Ново-Малиновское из участка Огневского...”);

Ойконимы, повторяющие названия переселенческих участков:

Прямым переносом названия участка являются ойконимы:

Уч.Богатский — пос.Богатский, Уч.Волчий Ракит — пос.Волчий Ракит, Уч.Камышенка — пос.Камышенка, Уч.Камышки — пос.Камышки, Уч.Каратал — пос.Каратал, Уч.Курганский — пос.Курганский, Уч.Мышкино — пос.Мышкино, Уч.Софиевка — пос.Софиевка, Уч.Степной — пос.Степной, Уч.Сухой Ракит — пос.Сухой Ракит, Уч.Яровое — пос.Яровое, Уч. Киргизский — пос.Киргизский, Уч.Эстонский — пос.Эстонский, Уч. Черёмухов Лог — пос.Черёмухов Лог, Уч.Цветочный — пос.Цветочный.

В некоторых случаях название поселка и участка структурно не совпадают:

в парах названий: Уч.Подсосновка — пос.Подсосновский, Уч.Блудовка — пос.Блудовский, Уч.Кормовище — пос.Кормовищенский, Уч.Котлованка — пос.Котловановский, Уч.Пышкино — пос.Пышкинский, Уч.Тахтановка — пос.Тахтановский, Уч.Черепановка — пос.Черепановский — происходит присоединение суффикса -СК- и его

вариантов, а в парах названий: Уч.Котловский — пос.Котловка, Уч.Марковский — пос.Марковка — усечение суффикса -СК- и замена суффиксом -К-.

Создание новых ойконимов:

Среди вновь созданных ойконимов наиболее многочисленны отражающие связь с *гидронимами*

река — село:

река Горбуниха — пос.Горбуниха, река Еловка — пос.Еловский, река Каракан — пос.Караканский, река Лебедиха — пос.Лебедиха, река Ганёнок — пос.Ганёнок, река Бурла — пос.Бурлинский, река Жуланиха — пос.Жуланихинский, река Солоновка — пос.Солоновский. р.Сосновка - пос. Сосновка р.Генералка - пос. Генеральский р.Черновая - выс. Черновое руч. Плотников - пос. Плотниково (Алейск.- А) руч. Лужковский - пос. Лужки (Алейск.-А) с.Инюшево - р. Инюшиха (Алейск. - А) р.Кислуха - с. Кислуха (Алейск. - А)

озеро - село:

Перенос с названий озёр более всего характерен для западной части Алтая, богатой озерами : оз.Ситники — пос.Ситники, оз.Лозовое — пос. Лозовый, оз.Топольное — пос.Топольный, оз.Хорошее — пос.Хороший. оз. Карасье - пос. Карасье оз. Мочище - пос. Мочище

При образовании ойконимов наибольшая частотность свойственна суффиксу -СК- и его вариантам: оз.Пестери — пос.Пестеревский, оз.Травное — пос.Травинский, оз.Стекло — пос.Стеклянский, оз.Чистое — пос Чистовский, оз.Карасиное — пос.Карасевский, оз.Ключи — пос.Ключевский.

пос. Калининский - оз.Малое Калинино и оз. Большое Калинино (Белояр.)

ручей Солоновка - хутор Солоновка - пос. Солоновский (Алт.)

р.Шубенка - с.Верх-Шубенка - выс. Верх-Шубенский (Бийск.)

р.Чесноковка - с.Чесноковка - заимка Чеснокова - выс. Чесноковский (Белояр.)

Появление *одноименных названий* населенных пунктов в пределах одной волости ведет к их дифференциации (место, время, размер). Таким образом выстраивается системный ряд названий, создавая базу для противопоставлений. В качестве дифференциаторов выступают;

новый - старый:

Присоединение компонента Ново- к названиям уже существовавших посёлков: пос.Ново-Вознесенка (пос.Вознесенка), пос.Ново-Знаменка (пос.Знаменка), пос.Ново-Ильинка (пос.Ильинка), пос.Ново-Фёдоровка (пос.Фёдоровка). Ново-Суетский - Суетский (Андр.); Хорошее - Старо-Хорошее (Андр.); Ново-Ильинка - Ильинка (Ключ.); Ново-Плотава - Плотава (Ключ); Мало-Павловка - Павловка (Хаб.); Большая Романовка - Малая Романовка (Славг.); Ново-Богатское - Старо-Богатское (Мих.) Ново-Соседова – Старо-Соседова, Ново-Шарапское – Старый Шарап, Рождественский – Ново-Рождественский;

верхний - нижний:

местоположение относительно реки:

Верхне-Сузинская – Нижне-Сузинская,

Верхний Саразон – Средний Саразон – Нижний Саразон,

Усть-Камышинское – Верх-Камышенское,

Суминское – Усть-Суминское,

Верхне-Гыргинский – Средне-Гыргинский – Нижне-Гыргинский;

Верх-Озерная - Нижне-Озерная;

Нижняя Тайменка - Средняя Тайменка и Тайменка;

Верхне-Суетка - Средне-Суетка - Нижне-Суетка;

большой - малый:

Большая Елань – Малая Елань,

Большой Башчелак – Малый Башчелак,

Романовское – Мало-Романовское,

Бутырское – Мало-Бутырское;

Большая Дресвянка - Малая Дресвянка,

Большая Елань - Малая Елань,
 Большая Речка - Малая Речка,
 Большие Плесы - Малые Плесы,
 Большие Казармы - Малые Казармы,
 Большая Топтушка - Малая Топтушка,
 Большая Татарка - Малая Татарка,
 Большая Таловка - Малая Таловка,
 Большая Коптелка - Малая Коптелка,
 Большое Енисейское - Малое Енисейское,
 Большое Дубровное - Малое Дубровное,
 Большой Елбан - Малый Елбан,
 Большой Лог - Малый Лог,
 Большие Кедрачи - Малые Кедрачи,
 Большая Суетка - Малая Суетка,
 Большая Солоновка - Малая Солоновка,
 Большие Табуны - Малые Табуны,
 Большое Титово - Малое Титово,
 Большое Мочище - Малое Мочище,
 Большое Угренево - Малое Угренево,
 Большой Кирей - Малый Кирей,
 Большой Кусак - Малый Кусак,

местоположение по сторонам света:

Восточно–Сатанинский – Западно–Сатанинский,

Восточный Угол – Западный Угол – Северный Угол;

Противопоставление ойконимов достагается и за счёт использования других лексем, не выступающих в качестве закономерно действующего средства формирования в оппозициях, но встречающихся в отдельных рядах, таких, как:

местоположение относительно берега реки:

пос.Лебязье Правобережное - пос. Лебязье Левобережное

д.Ненинка Правобережная - д.Ненинка Левобережная

местоположение села относительно ветра:

Ветренно–Телеутская – Подветренно–Телеутская;

числовое противопоставление:

пос. Константиновский 1, пос. Константиновский 2 (Ельц. -А);

пос. Чугаевский 1, пос. Чугаевский 2 (Бобр. - А

пос. Кондаковский 1, пос. Кондаковский 2 (Ельц.-А);

Коростели–1-е – Коростели–2-ые,

Северный–1-й – Северный–2-ой – Северный–3-ий – Северный–4-ый,

Излап–1-й – Излап–2-ой;

Усть - Волчиха - Усть-Волчиха; Кормиха - Усть-Кормиха;

Дифференциаторами выступают также указания на топообъект

расположение по рекам:

Березовка–на Абе – Березовка–на Чарыше;

с. Мурашкино на Бурле - с. Мурашкино

с. Хабары на Бурле - с.Хабарово,

с.Бурла на Песчаном озере - с. Бурла,

с.Кочки на Карасуке - с Кочки ,

с.Чуман на реке Чуман - с. Чуман,

д.Жаркова на Кулунде - д.Жаркова,

с.Павловск на Касмале - с.Павловск ;

Островная - Островная *при Касмале*;

д. Гуселетова - д.Гуселетова (при Собачьих ямках)

Ойконимическая система Алтая **конца XX в.** также обладает указанными системными признаками, сохраняя сформированные в начале века противопоставления:

Енисейское — Малоенисейское,

Верх–Бехтемир — Бехтемир–Аникино,

Верх-Катунское — Усть–Катунь

Старая Чемровка — Новая Чемровка

Новокопылово – Старокопылово

Новоалейское – Староалейское,

Новотырышкино – Старотырышкино,
 Троицкое – Новотроицкое,
 Тогул – Старый Тогул,
 Угловское – Новоугловское;
 Верх–Катунское – Усть–Катунь,
 Ая – Верх–Ая,
 Калманка – Усть–Калманка,
 Бобровка – Верх–Бобровка,
 Белое – Усть–Белое,
 Маралиха – Малая Маралиха,
 Большая Речка – Малая Речка,
 Романовка – Большеромановка,
 Повалиха – Малоповалиха и т.д.

Причем с течением времени дифференциальные слова *перестают отражать какие-либо различия в реалиях*, сохраняя лишь системную зависимость (чаще всего это происходит с парой *большой – малый*). Указание на размер может быть только в одном из членов бинарных оппозиции: Бутырское – Мало-Бутырское, Романовское – Мало-Романовское, Панюшево – Мало-Панюшево.

Большое количество оппозиций и соотнесенных в ряду ойконимов отмечаются, таким образом, как в ойконимической системе начала XX в., так и в системе конца XX в. т.е. ойконимия Алтая является самостоятельной системой, обладающей соответствующими параметрами, как в начале 20 в., так и на современном этапе. *В теоретическом отношении рассмотренный материал подтверждает предположение о существовании и функционировании на территории Алтая русской топонимической системы.*

Довольно полно срез системных отношений топонимии Алтая представлен нами в “Ойконимическом словаре Алтая” (Дмитриева 2001).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Переименования в ойконимии Алтая

В списке отмечается: старое название, новое название, и дается пространственная привязка (район Алтайского края). Общее количество — 248, что составляет примерно 15 % от всех функционирующих в настоящее время на Алтае ойконимов. В списке не указаны переименования сел, по каким-либо причинам в настоящее время уже не существующих.

Август, поселок → Петровский, поселок. Новичихинский р-н

Аймагуль, село → Васильчуки, село. Ключевский р-н

Аксениха, село → Зятьково, село. Панкрушихинский р-н

Аксенова, деревня → Верх-Шубинка, село. Целинный р-н

Аксеново, село → Верх-Шубинка, село. Целинный р-н

Алейская, деревня → Урюпино, село. Алейский р-н

Александркрон, поселок → Кусак, село. Немецкий р-н

Александрфельд, поселок → Гришовка, село. Немецкий р-н

Александровка, село → Титовка, село. Егорьевский р-н

Алексейфельд, поселок → Полевое, село. Немецкий р-н

Антаевка, село → Новоалександровка, село. Рубцовский р-н

Антроп, село → Дмитриевка, село. Благовещенский р-н

Архиповка, село → Романовка, село. Бурлинский р-н

Бакольск, село → Верх-Бехтемир, село. Бийский р-н

Балвашкино, село → Зеркалы, село. Шипуновский р-н
 Барановская, деревня → Нижняя Суетка, село. Суетский р-н
 Барское, село → Красноармейский, поселок. Немецкий р-н
 Барсукова, деревня → Усть-Пустынка, село. Краснощёковский р-н
 Бархатово, село (Бархатный Кучук) → Нижний Кучук, село.

Благовещенский р-н

Барчиха, поселок → Троицкое, село. Усть-Пристанский р-н
 Бахарева деревня → Вознесенка, село. Родинский р-н
 Бахматово, село → Боровское, село. Алейский р-н
 Безруково, село → Старая Чемровка, село. Бийский р-н
 Беккерсдорф, поселок → Боронский, поселок. Благовещенский р-н
 Белоглинка, поселок → Самарка, село. Рубцовский р-н
 Бесштанка, село → Благовещенка, село. Благовещенский р-н
 Бздули, село → Нижнепайва, село. Баевский р-н
 Блюменфельд, село → Цветополь, село. Бурлинский р-н
 Бокоёрзово, село → Антипино, село. Тогульский р-н
 Большая Деревня, село → Фоминское, село. Бийский р-н
 Большая Речка, деревня → Чаузово, село. Топчихинский р-н
 Ботинево, село → Солоновка, село. Новичихинский р-н
 Буденовка, поселок → Рассвет, поселок. Романовский р-н
 Буденовка, поселок → Мирный, поселок. Кулундинский р-н
 Бутырское, село → Мамонтово, село. Мамонтовский р-н
 Ванечкино, село → Смирново, село. Заринский р-н
 Верх-Журавлиха, село → Верх-Жилино, село. Косихинский р-н
 Вилашкина, деревня → Новая Тараба, село. Кытмановский р-н
 Ворошиловка, село → Маяк, село. Чарышский р-н
 Вошкино, село → Колыванское, село. Павловский р-н
 Выдриха, деревня → Харьково, село. Павловский р-н

- Гагарка, село → Паклино, село. Баевский р-н
- Гагарская, деревня → Новозырянка, поселок. Косихинский р-н
- Гилёвка деревня → Семеново-Красилово, село. Кытмановский р-н
- Глуховка, село → Алексеевка, село. Ключевский р-н
- Гнаденгейм, поселок → Редкая Дубрава, село. Немецкий р-н
- Горновой камень, село → Горновое, село. Троицкий р-н
- Демина, деревня → Новочесноковка, село. Первомайский р-н
- Джерембек, поселок → Новониколаевка, село. Рубцовский р-н
- Егорьевка, село → Кочки, село. Родинский р-н
- Желтухино, село → Заплывино, село. Залесовский р-н
- Зайцево, село → Рязановка, поселок. Змеиногорский р-н
- Зубоскалово, село → Майский, поселок. Кытмановский р-н
- Ильинская, деревня → Верх-Чуманка, село. Баевский р-н
- Иткуль, поселок → Уткуль, поселок. Троицкий р-н
- Кадникова, деревня → Талица, село. Залесовский р-н
- Казанцева, деревня → Боровлянка, село. Ребрихинский р-н
- Казанцева, деревня → Зайцево, село. Тальменский р-н
- Канаш, поселок → Волга, поселок. Первомайский р-н
- Караканский Маяк, поселок → Каракан, поселок. Солтонский р-н
- Катунская крепость, село → Катунское, село. Смоленский р-н
- Кельты Горькие, поселок → Семеновка, село. Кулундинский р-н
- Кирзавод, поселок → Береговой, поселок. Суетский р-н
- Кобылино, село → Прыганка, село. Крутихинский р-н
- Колбино, село → Искра, село. Солонешенский р-н
- Коптелка, село → Урлапово, село. Шипуновский р-н
- Королева, деревня → Глушинка, село. Косихинский р-н
- Коростелева, деревня → Селезнево, село. Шелаболихинский р-н
- Корюково, село → Белояровка, село. Топчихинский р-н

Крайчикова на Чумыше, деревня → Старокрайчиково, село.
 Первомайский р-н
 Красноносова, деревня → Зудилово, поселок. Заринский р-н
 Краюшкино, село → Первомайское, село. Первомайский р-н
 Кривинка, село → Дубровино, село. Романовский р-н
 Кронау, поселок → Граничное, село. Табунский р-н
 Крутишка, село → Маралиха, село. Чарышский р-н
 Куличиха, село → Новобарнаулка, село. Калманский р-н
 Кунгурово, село → Новоповалиха, село. Первомайский р-н
 Курская, деревня → Плесо-Курья, село. Хабаровский р-н
 Курья, деревня → Беспалово, село. Кытмановский р-н
 Ларин Лог, поселок → Кубанка, село. Калманский р-н
 Ларин Лог, село → Логовское, село. Первомайский р-н
 Ларионова Титова, деревня → Ларионово, село. Кытмановский р-н
 Ларионова, деревня → Чинета, село. Краснощёковский р-н
 Лебязжий Маяк, село → Лебязье, село. Красногорский р-н
 Легачев, выселок → Солоновка, село. Новичихинский р-н
 Легостаева, деревня → Володарка, село. Топчихинский р-н
 Ледянка, село → Зыково, село. Панкрушихинский р-н
 Лежанова, деревня → Лютаево, село. Солонешенский р-н
 Лешаково, село → Майское Утро, село. Шипуновский р-н
 Лешачка, село → Романово, село. Панкрушихинский р-н
 Лешачьи Озера, деревня → Романово, село. Панкрушихинский р-н
 Лога, деревня → Новокормиха, село. Волчихинский р-н
 Лондон, поселок → Тельманский, поселок. Благовещенский р-н
 Лопырево, село → Усть-Козлуха, село. Краснощёковский р-н
 Лубягина, деревня → Вознесенка, село. Родинский р-н
 Лубягино, село → Крестьянка, село. Мамонтовский р-н

- Макрушино, село → Пурысево, село. Первомайский р-н
- Малахаево, село → Новоиушино, село. Тогульский р-н
- Малая Лосиха, деревня → Санниково, село Первомайский р-н
- Малиновка, село → Боровиково, село. Павловский р-н
- Малиновка, село → Луговое, село. Каменский р-н
- Малое Казачье, село → Смоленский, поселок. Быстроистокский р-н
- Малый Сор, поселок → Курск, село. Кулундинский р-н
- Мальшева, деревня → Нижнечуманка, село. Баевский р-н
- Марковейское, село → Осколково, село. Алейский р-н
- Медведева, деревня → Усть-Белое, село. Краснощёковский р-н
- Мирзагуль, поселок → Михайловское, село. Михайловский р-н
- Мокруша, деревня → Верх-Ая, село. Алтайский р-н
- Мокруша, село → Вячеславка, село. Родинский р-н
- Мокрушина, деревня → Новодуплинка, поселок. Кытмановский р-н
- Молотово, село → Родино, село. Шипуновский р-н
- Молотово, село → Горьковское, село. Шипуновский р-н
- Мостовая, деревня → Харитоново, село. Завьяловский р-н
- Мостовая, деревня → Большая Речка, село. Троицкий р-н
- Мусорна, деревня → Устьянка, село. Локтевский р-н
- Мысы, деревня → Завьялово, село. Завьяловский р-н
- Нахаловка, поселок → Казачий, поселок. Первомайский р-н
- Незамай, заселок → Новотроицк, поселок. Родинский р-н
- Незамай, село → Новотроицк, село. Троицкий р-н
- Некрасово, село → Гольбштадт, село. Немецкий р-н
- Нечунаевка, село → Алексеевка, село. Благовещенский р-н
- Нечунаево, село → Коробейниково, село Шипуновский р-н
- Нижняя Кулунда, село → Баево, село. Баевский р-н
- Николайдорф, поселок → Удальное, село. Табунский р-н

Никольский, заселок → Брусенцево, село Усть-Пристанский р-н
Новая-на-Оби, село → Новообинка, село Петропавловский р-н
Ново-Оплеухино, село → Калиновка, село. Кытмановский р-н
Ново-Харьковский, поселок → Истимисс, село. Ключевский р-н
Ново-Хохлушка, село → Владимировка, село. Славгородский р-н
Норки, село → Леньки, село. Благовещенский р-н
Облаевка, село → Тальменка, село. Солонешенский р-н
Обухова, деревня → Новоозерное, село. Кытмановский р-н
Овечкино, село → Подойниково, село. Панкрушихинский р-н
Огнева заимка, поселок → Огни, село. Усть-Калманский р-н
Озерно-Титова, деревня → Озерное, село. Заринский р-н
Охотская, деревня → Акулово, село. Первомайский р-н
Парамоновска, деревня → Верх-Суетка, село. Суетский р-н
Пачкалка, село → Поломошное, село. Новичихинский р-н
Пеканское, поселок → Сорочий Лог, поселок. Первомайский р-н
Пестери, деревня → Велижанка, село. Панкрушихинский р-н
Петров Лог, поселок → Красная Дубрава, поселок. Павловский р-н
Плотинка, село → Борисовка, село. Панкрушихинский р-н
Погорелка, село → Заречное, село. Кытмановский р-н
Подсопка, село → Верх-Тогул, село. Тогульский р-н
Покровский, поселок → Куйбышево, село. Краснощековский р-н
Поповичева, деревня → Усть-Иша, село. Красногорский р-н
Потягаево, село → Красноярка, село. Топчихинский р-н
Пресноводное, село → Елизаветград, село. Табунский р-н
Прижимова, деревня → Касмала, село. Павловский р-н
Притычное, село → Верх-Ануйское, село. Быстроистокский р-н
Пузырева, деревня → Новокытманово, село. Кытмановский р-н
Пурысева, деревня → Видоново, село. Залесовский р-н

Пышкино, село → Павловка, село. Славгородский р-н
Райхенфельд, поселок → Красноармейский, поселок. Немецкий р-н
Розенвальд, поселок → Лесное, село. Немецкий р-н
Розенгоф, поселок → Дворское, село. Немецкий р-н
Рязановка, поселок → Березовая горка, поселок. Бийский р-н
Рязанский, поселок → Красноряжский, поселок. Крутихинский р-н
Рязань, село → Березовка, село. Рубцовский р-н
Саблино, село → Вознесенка, поселок. Солтонский р-н
Саввы Фарафонова → Саввушка, село. Змеиногорский р-н
Савина, деревня → Зимино, село. Ребрихинский р-н
Салаирская, деревня → Хмелёвка, село. Заринский р-н
Самодуркино, село → Карасево, поселок. Топчихинский р-н
Сарапулино, село → Новоколпаково, село. Алейский р-н
Светленькая, деревня → Медведевка, село. Солонешенский р-н
Свистунова, деревня → Заковряшино, село Крутихинский р-н
Свистуново, село → Долинка, село. Благовещенский р-н
Северное №2, село → Чернавка, село. Бурлинский р-н
Секачи, поселок → Славгород, городеревня Славгородский р-н
Семеновка, деревня → Островное, село Мамонтовский р-н
Синтаз, село → Воздвиженка, село. Кулундинский р-н
Склюиха, деревня → Бобково, село. Рубцовский р-н
Скрябино, поселок → Троицк, поселок. Ельцовский р-н
Смолева, деревня → Усть-Алейка, село. Калманский р-н
Собачьи Ямки, село → Гуселетово, село. Романовский р-н
Согра, поселок → Успенка, поселок. Табунский р-н
Соколинск, село → Боровлянка, село. Троицкий р-н
Сопляково, село → Сверчково, село. Целинный р-н
Соплячиха, село → Обское, село. Каменский р-н

- Сорокино, село → Заринск, город. Заринский р-н
- Сосновая Ветка, село → Овсянниково, село. Целинный р-н
- Сосновка, деревня → Усть-Гавриловка, поселок. Троицкий р-н
- Сосновка, поселок → Лесной, поселок. Ребрихинский р-н
- Сосны, село → Овсянниково, село. Целинный р-н
- Старая Барда, село → Красногорское, село. Красногорский р-н
- Старовское, село → Александровка, поселок. Благовещенский р-н
- Страчи (Срачи) → Маловолчанка, село. Крутихинский р-н
- Сухенькое, село → Лебедино, село. Табунский р-н
- Таинская, деревня → Афонино, село. Заринский р-н
- Тарабарина, село → Сосновка, село. Заринский р-н
- Тарханка, село → Быстрянка, село. Красногорский р-н
- Текур, деревня → Новодраченино, село. Заринский р-н
- Терское, село → Новопокровка, село. Быстроистокский р-н
- Тогусколь, село → Байгамут, поселок. Благовещенский р-н
- Токлинская Заимка, поселок → Кордон, село. Залесовский р-н
- Токмушка, село → Клепечиха, село. Пospelихинский р-н
- Толстухино, село → Усть-Камышенка, Усть-Калманский р-н
- Тоскаиха, поселок → Циберманово, поселок. Суетский р-н
- Тройное, село → Орлеан, село. Благовещенский р-н
- Трубино, село → Усть-Волчиха, село. Волчихинский р-н
- Тюбиты, село → Елиново, село. Солонешенский р-н
- Тютинский Кистав, поселок → Покровка, село. Ключевский р-н
- Убиенная, деревня → Селиверстово, село. Волчихинский р-н
- Украинка, поселок → Успеновка, поселок. Алейский р-н
- Улыбердь, село → Елунино, село. Павловский р-н
- Улькен-Куль, село → Курск, село. Кулундинский р-н
- Уржум, село → Верх-Слюдянка, село. Усть-Калманский р-н

- Усть-Осиха, деревня → Малиновка, поселок Заринский р-н
- Усть-Склюиха, село → Катково, село. Рубцовский р-н
- Утянка, село → Александровка, поселок. Завьяловский р-н
- Ушлеп, поселок → Новотроицкое, село. Солтонский р-н
- Фарафонова деревня → Саввушка, село. Змеиногорский р-н
- Филиппова, деревня → Филатово, село. Косихинский р-н
- Фриденталь, поселок → Бославино, село. Табунский р-н
- Фунина, деревня → Сунгай, село. Кытмановский р-н
- Фунтикова заимка, поселок → Фунтики, село. Топчихинский р-н
- Хамова деревня → Ситниково, село. Баевский р-н
- Хомутино, село → Михайловка, село. Бурлинский р-н
- Чаячье, поселок → Николаевка, село. Немецкий р-н
- Чаячье, поселок → Татьянаовка, село. Благовещенский р-н
- Черненькая, деревня → Камышенка, село. Завьяловский р-н
- Чернодырово, село → Новофирсово, село. Курьинский р-н
- Чернопятова, деревня → Верх-Яминское, село. Целинный р-н
- Черный Дол, село → Архангельское, село. Славгородский р-н
- Чесноковка, село → Семеновка, село. Кулундинский р-н
- Чистая Грива, село → Шумиха, село. Тогульский р-н
- Чистые Пруды, заселок → Романово, село. Романовский р-н
- Чудотворица, село → Отрадное, село. Кытмановский р-н
- Чудские Пруды, поселок → Романово, село. Романовский р-н
- Чукулдук, поселок → Новопетровка, село. Кулундинский р-н
- Чуманский разъезд, поселок → Новосельское, село. Бурлинский р-н
- Чушкалы, поселок → Табуны, село. Табунский р-н
- Шадра, село → Новообинцево, село. Шелаболихинский р-н
- Шаравина, деревня → Чистоозерка, село. Завьяловский р-н
- Шаравина, деревня → Островное, село. Мамонтовский р-н

- Шелепово, село → Ларичиха, село. Тальменский р-н
- Шелковникова, деревня → Большая Шелковка, село. Рубцовский р-н
- Шенвизе, поселок → Дегтярка, село. Немецкий р-н
- Шурыгина, деревня → Гундриха, село. Залесовский р-н
- Юрова, деревня → Захарово, село. Залесовский р-н
- Юрченкова, деревня → Старый Тогул, село. Тогульский р-н
- Ягодкино, село → Кабаково, село. Алейский р-н
- Якова Титова, деревня → Озерное, село. Заринский р-н
- Якунинск, село → Николаевка, село. Благовещенский р-н
- Яминское, село → Целинное, село. Целинный район
- Ярки, поселок → Покровка, село. Локтевский р-н
- Яровая, деревня → Генералка, поселок. Краснощёковский р-н

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Параллельные ойконимы Алтая

Сущность параллельных названий характеризуется исследователями с разных сторон. Одни считают их показателем молодости топонимической системы региона (Карпенко, 1980, с.56), другие отмечают сложность топонимической системы при наличии параллелей. Особенно часто параллельные названия распространены в топонимии двуязычных регионов, их часто называют “двойной номенклатурой”, “дублетной топонимией”, “вариантами”, “топонимическими синонимами”, “двойными названиями”. Однако большинство исследователей характеризует этот тип как параллельные названия. Одна из особенностей ойконимии Алтая начала 20 в. — обилие параллельных названий. Причина появления ойконимических параллелей заключается в том, что все переселенческие участки были проименованы

Переселенческим управлением, в основу были положены названия каких-либо близлежащих гидрообъектов, реже — сел, иногда переселенческий участок получал номер (“номерное имя”). Переселенцы же дают свои названия селам. Возникает такая топонимическая ситуация, при которой одновременно существуют два названия одного села. Все они фиксируются в документах *разных периодов заселения*:

Список селений Алтайского округа 1911 года: с.Кытманово (Верх-Чумышская), д.Еремина (Санарская), Ново-Кытманово(Пузырева), Ново-Тарабинская (Вилашкина), Ново-Озерная (обухова), Ново-Оплеухова (Оплеухина), Сосновый Лог (Соновка), д.Филатовская (Заворуйка), Червева (Косишка), Волчья (Бурлинская), Верх-Суетинская (Сагайская), Заковряшина (Свистунова), Лешачьи озера (Лешакова), Прыганка (Ново-Бурлинская), Борисова(Татарка), Запльвина (Желтухина), Тундриха (Шурыгина), Афонина (Таинская), Казанцевский (Ярки), Максарова (Шемонаева), Никольская (Закатилова), Озерно-Титова (Губерния), Протопопова (Тарабарская), Усть-Осиха (Малиновка), Бутырское (Бороушка), Баркова (Горбачиха) и далее (см. 4-1-3219).

Список после 1917 года , все села сохраняют параллельные названия “Кабаково (Ягодкино), Ново-Копылово(Зуйково), Смирнова (Ваничкина), Средне-Краюшкино (Андреевское), Кунгурова (Ново-Повалиха), Окулово (Охотское), Старо-Крайчиково (Грачево), Гусева (Гусельникова), Пурьсева (Мокруша), Казанцева (Ярки), Усть-Мостовая (Дурновая), Беспалово (Гришино), Малый Кокуй (Елбан)” (4-1-2809, л.3) “Поселок Самарский - он же Казанский берег”

Такая топонимическая ситуация длилась на протяжении 10-15 лет, пока в топонимической системе не закрепилось то название, которое более всего отражало особенности именно этой микросистемы.

В настоящее время на ойконимическом уровне в топонимии Алтая выделяются несколько типов параллелей, являющихся показателем разных

свойств системы, прежде всего это официальное название села – неофициальное название села. Иногда село имеет несколько одновременно функционирующих названий, наличие таковых свидетельствует о сложности процессов формирования и функционирования топонимической системы Алтая.

Самой многочисленной группой параллельных ойконимов является официальное название села и неофициальное, отражающее особенности заселения, например:

Александровка – Заячье (п./уч. Заячья Слобода),
 Архангельское – Черный Дол (п./уч. Черный Дол) и другие.
 Лебедиха – Ермошкины Ракиты (п./уч. Ермошкины Ракиты),
 Михайловка – Хомутино (п./уч. Хомутиный),
 Орлеан – Тройное (п./уч. Тройной),
 Розовка – Ракиты (п./уч. Ракиты),
 Саратовка – Мокрый Лог (п./уч. Мокрый Лог),
 Суворовка – Тюменские ямки (п./уч. Тюменские Ямки),
 Таврический – Голый Лог (п./уч. Голый Лог),
 Успенка – Согра (п./уч. Согра),
 Ягодино – Двойное (п./уч. Двойной),

Менее распространены на Алтае в качестве второго названия народные, созданные населением и характеризующие село с какой-то стороны:

Владимировка – Киржановка (Славг.),
 Семеновка – Хохляндия (Славг.),
 Подсосново – Малая Германия (Славг.),
 Баронский – Беккерсдорф (Таб.),
 Верх-Чуманка – Ильинка (Баев.) ,
 Зеленая Роща – Хохлушка (Славг.),
 Лесное – Круммештрассе (Славг.)

Николаевка – Якунинск (Благ.),
 Нижне-Суетка – Барановск (Благ.) ,
 Украинский – Чистовский (Благ.),
 Чистоозерка – Шаравино (Род.),
 Ракиты – Кызылтал (Мих.),
 Михайловка – Мырзагул (Мих.),
 Васильчуки - Аймагуль (Ключ.);

Если большинство параллельных названий первого и второго типа не является результатом переименований, то параллели для наименования немецких сел появились в большинстве своем именно в результате переименования сел. Немецкие названия, исчезнувшие из официальной системы, становятся вторым, неофициальным названием села. Немецко-русские параллели на Алтае известны как немцам, так и русским, проживающим в селах со смешанным населением. Являясь в большинстве случаев первичными по времени возникновения, немецкие ойконимы функционируют в пределах немецкой топонимической системы, и это существенно, так как есть языковая основа, поддерживающая их функционирование в немецком структурном оформлении.

Прежде всего следует остановиться на тех параллелях, которые связаны с историей заселения региона, с историей формирования топонимической системы. Многие немецкие названия в начале 20-х гг. были заменены без всякой связи с немецким ойконимом и сейчас являются параллельными наименованиями:

Кусак – Александркрон,
 Желтенькое – Найгейм,
 Подснежное – Блюменорт,
 Дягилевка – Николайдорф,
 Чертеж – Гринфельд и другие.

Наиболее частотны параллели тех названий, которые раньше были

калькированы:

Ровнополь – Эбенфельд,
 Цветополь – Блюменфельд,
 Лесное – Розенвальд,
 Дворское – Розенхоф,
 Красное – Клеефельд,
 Ольгино – Ольгафельд,
 Отрадное – Либенталь,
 Луговое – Фриденсфельд,
 Полевое – Алексейфельд,
 Чистое – Райнфельд,
 Красный Дол – Шенталь,
 Ясное – Шенау.

Приведем примеры употребления параллельных названий жителями сел: *“Верх-Чуманка - Ильинка, ведь тут почти одни Ильины жили, а сейчас Ильиных уже мало”* (Баев.); *“Зеленую Рощу называем Хохлушкой, там одни хохлы жили, а сейчас так старики зовут”* (Славг.); *“Николаевку раньше называли Якунинск, мы-то и сейчас так зовем, а молодежь не знает, а Добровольский все зовут Сатанинское – по озеру”* (Благ.); *“Нижне-Суетка – это Барановск, потому что какой-то сибиряк Баранов все тут занимал”* (Благ.); *“Украинский поселок называется Чистовский, потому что возле него озеро, а пишется Украинский”* (Благ.); *“Чистоозерку звали Шаравино – там Шаравины жили”* (Род.). *“Тут росли Ракиты, но еще село называется Кызылтал. Поселенцы были русские, но название дали еще казахи”* (Мих.); *“Михайловку звали Мырзагул – казах какой-то богатый был”* (Мих.); *“Васильчуки - Аймагуль — казах там жил богатый Аймагул”* (Ключ.); *“Рядом немецкое село Грюнфельд – Зеленое поле, поселок Ольгино тоже имеет немецкое название Ольгенфельд, поселок Красноармейский – Роте Армее, Барский*

Лог имеет немецкое название Райхенфельд, село Редкая дубрава мы называем Маргис, село Красное – Клеефельд” (Славг.); “Знаю много названий, только как звучат на русском эти села, я не всегда помню. Розенхоф – Дворское, сейчас его нет, село Шонвайс – колхоз “Москва”, село Ольгенфельд – Ольгино, там родилась моя дочь, Александровка имеет такое же название и в немецком языке, Либенталь – Отрадное, Блюменорт – не могу вспомнить русское название, Райхенфельд – это Барский лог, он же Красноармейское, Розенвальд – бывшее село Лесное, Клеефельд – это Клеверное поле, такой поселок, Эбенфельд – Ровнополь, – все эти деревни под Орлово” (Славг.); “Редкая дубрава по-немецки звалась Маргис, Подснежное – Блюменорт, деревня Новая Земля – Либенталь, Некрасово – Гальбштадт” (Славг.); “Я знаю названия соседних сел. Это Красный Дол, Мирное, Угловое, Никольское, Полевое. Но у них у всех есть и немецкие названия, потому что жили там тоже все переселенцы с Украины, и все немцы: Полевое – Алексейфельд, Чистое – Райнфельд, Никольское – Николайфельд, Мирное – Хайнандерфельд, Красный Дол – Шенталь. Эти названия просуществовали недолго, до первой мировой войны, а во время войны их все переименовали в русские названия, с тех пор они и остались, но в народе еще часто можно услышать старые названия” (Хаб.); “Рядом есть Красный Дол – Шенталь, Никольское – Николайполь, село Полевое – Алексейфельд, Лесное – Розенвальд” (Хаб.); “В 1908 году, когда переселились, назвали Тиге, а когда приезжали русские торговцы, называли 2-е Угловое, а 1-е Угловое – Мирный, окрестные села – Лихтфельд – Ясная поляна, Алексейфельд – Полевое, Гринфельд – Чертеж; есть еще Чернавка, но называют только по-русски, рядом с Протасовым – Райнфельд – Чистое, Блюменорт – Подснежное, Маргес – Редкая дубрава, Николайполь – Никольское, Ольгафельд – Ольгино, Шайнвайс – Дегтярка, Гедельберг – Новоромановка, Гальбштадт – Некрасово, Фриденсфельд – Мирное,

Шайнзе – Синеозерное, Шайнау – Ясное, Либенталь – Отрадное” (Хаб.); “Есть такое село Красноармейское, оно имеет и немецкое название – Райхенфельд” (Славг.); “Розенхоф – Дворское, его уже ликвидировали сейчас, Гринфельд – Чертеж, Полевое – Алексейфельд” (Хаб.). “Лесное так расположено, все прямые, а оно вокруг озера, не прямо, а криво, вот и получается, что оно Круммештрассе” (Хаб.). “Граничное – Гренцдорф, Сереброполь – Зильберфельд, Екатериновка – Катариненхоф, Хорошее – Шенфельд, Ясная поляна – Лихтфельд, Александровка – Александркрон, Мирное – Фриденсфельд, или Цвайфирциг – по номеру” (Таб.); “Село Ясная поляна по-нашему Лихтфельд” (Хаб.); “Село Сереброполь называется Зильберфельд” (Таб.).

Довольно многочисленную группу представляют параллели, в которых в качестве варианта выступает номерное название. Особенно они распространены в тех селах, где название переселенческого участка при заселении не было указано, участок имел только номер. Эта особенность свойственна Табунскому району – “Старые села все имеют номера по тому, какой участок был,” номерные немецкие названия имеют села: Канны (30), Большеромановка (33), Орехово (7), Краснавка (1), Чернавка (2), Александровка (70), Пирятино (74), Забавное (34), Златополь (102), Граничное (42), Валки (100) и другие.

Сложная система параллелей, существующая в топонимии, ведет к тому, что некоторые села имеют в устном употреблении сразу несколько названий. Большое количество параллельных названий является одним из показателей молодой топонимической системы региона (см. Карпенко, 1980, с.55-56), где разные названия, функционирующие в одно время, различаются только официальным и неофициальным уровнем употребления.

Нужно отметить, однако, что на уровне неофициальном многие параллели используются и в настоящее время.

В приложении в алфавитном порядке представлен список параллельных ойконимов Алтая, зафиксированных нами при исследовании топонимического материала региона и являющихся наиболее частотными (полный перечень с указанием функционирования имени представлен в “Ойконимическом словаре Алтая” (Дмитриева, 2001).

Акулово, село. Первомайский р-н, - деревня Охотская
 Александровка , поселок. Завьяловский р-н, – село Утянка
 Александровка , село. Суетский р-н,– деревня Заячья Слободка
 Алексеевка , село. Благовещенский р-н, прежнее – село Нечунаевка
 Алексеевка , село. Ключевский р-н, прежнее – село Глуховка
 Антипино , село. Тогульский р-н, – село Бокоёрзово
 Архангельское , село. Славгородский р-н, – село Чёрный Дол
 Афоново, село. Заринский р-н, – деревня Таинская
 Баталово, село. Шипуновский р-н, – деревня Горева
 Беспалово, село. Кытмановский р-н, – деревня Курья
 Благовещенка, поселок. Благовещенский р-н, – село Бесштанка
 Боронский, поселок. Суетский р-н, – поселок Беккерсдорф
 Бославино, село. Табунский р-н, – поселок Фриденталь
 Брагино, село. Ельцовский р-н, – деревня Дупленская
 Быстрянка, село. Красногорский р-н, – село Тарханка
 Васильчуки, село. Ключевский р-н, – село Аймагуль
 Верх-Ануйское, село. Быстроистокский р-н, – село Притычное
 Верх-Бехтемир, село. Бийский р-н, – село Бакольск
 Верх-Марушка, село. Целинный р-н,– село Дергоусиха
 Верх-Суетка, село. Суетский р-н, – деревня Парамоновка
 Верх-Тогул, село. Тогульский р-н, е – село Подсопка
 Верх-Чуманка, село. Баевский р-н, – деревня Ильинская

Верх-Яминское, село. Целинный р-н,– деревня Чернопятава
Видоново, село. Залесовский р-н,– деревня Пурысева
Владимировка, село. Славгородский р-н. - село Киржановка
Воздвиженка, село. Кулундинский р-н,– село Синтаз
Волга, поселок. Первомайский р-н, – поселок Канаш
Вострово, село. Волчихинский р-н, – село Кабанье
Георгиевка, поселок. Табунский р-н, – село Испановка
Гольбштадт, село. Немецкий р-н, – село Некрасово
Граничное, село. Табунский р-н, – поселок Кронау
Гришовка, село. Немецкий р-н, – поселок Александерфельд
Грязново, село. Тюменцевский р-н, – село Трезвоново
Гуселетово, село. Романовский р-н, – село Собачьи Ямки
Дворское, село. Немецкий р-н, – поселок Розенгоф
Дегтярка, село. Немецкий р-н, – поселок Шенвизе
Долганка, село. Крутихинский р-н,– деревня Кобылинская
Долинка, село. Благовещенский р-н, – село Свистуново
Елизаветград, село. Табунский р-н, – поселок Пресноводное
Забавное, село. Табунский,– село Екатериненталь
Завьялово, село. Завьяловский р-н,– деревня Мысы
Заринск, город. Заринский р-н,– село Сорокино
Зеленая Роща, поселок. Славгородский р-н, - поселок Хохлушка
Зеркалы, село. Шипуновский р-н, – село Болвашкино
Зыково, село. Панкрушихинский р-н,– село Ледянка
Кабаково, село. Алейский р-н, – село Ягодкино
Карасёво, поселок. Топчихинский р-н,– село Самодуркино
Клепечиха, село. Пospelихинский р-н, – село Токмушка
Коробейниково, село. Шипуновский р-н, – село Нечунаево
Кособоково, село. Шипуновский р-н,– село Косодырово
Красноармейский, поселок. Немецкий р-н, – село Райхенфельд

Красноармейский, поселок. Немецкий р-н, – село Барское
Красногорское, село. Красногорский р-н, – село Старая Барда
Кусак, село. Немецкий р-н, – поселок Александеркрон
Лебедино, село. Табунский р-н, – село Сухенькое
Леньки, село. Благовещенский р-н,– село Норки
Лесное, село. Немецкий р-н,– село Круммештрассе
Луговое, село. Немецкий р-н, - село Фриденсфельд
Майский, поселок. Кытмановский р-н, – село Зубоскалово
Мамонтово, село. Мамонтовский р-н, – село Бутырское
Маяк, село. Чарышский р-н,– село Ворошиловка
Михайловка, село. Бурлинский р-н, – село Хомутино
Михайловское, село. Михайловский р-н,– поселок Мирзагуль
Нижняя Суетка, село. Суетский р-н, – деревня Барановская
Николаевка, село. Благовещенский р-н, – село Якунинск
Николаевка, село. Немецкий р-н, – село Чаячье
Никольское, село. Алтайский р-н,– село Верхняя Баранча
Новоалександровка, село. Рубцовский р-н,– село Антаевка
Новозырянка, поселок. Косихинский р-н,– деревня Гагарская
Новоколпаково, село. Алейский р-н,– деревня Сарапулина
Новокопылово, село. Заринский р-н,– деревня Вилашки
Новокормиха, село. Волчихинский р-н, – деревня Лога.
Новопокровка, село. Быстроистокский р-н,– село Терское
Новополтава, село. Ключевский р-н, – село Душное
Новотроицк, поселок. Родинский р-н,– заселок Незамай
Орлеан, село. Благовещенский р-н, – село Тройное
Орлово, село. Немецкий р-н,– село Безымянный Лог
Осколково, село. Алейский р-н,– село Марковейское
Отрадное, село. Кытмановский р-н,– село Чудотворица
Платовка, село. Ключевский р-н, – село Ераско

Подойниково, село. Панкрушихинский р-н, – село Овечкино
Подсосново, село. Немецкий р-н, - село Малая Германия
Покровка, село. Ключевский р-н,– поселок Тютинский Кистав
Полевое, село. Немецкий р-н, – село Алексейфельд
Поломошное, село. Новичихинский р-н, – село Пачкалка
Поповичи, село. Целинный р-н, – село Голомыска
Преградинка, поселок. Благовещенский р-н, – поселок Сушков
Прыганка, село. Крутихинский р-н, – село Кобылино
Пурьсёво, село. Первомайский р-н, – село Макрушино
Ракиты, поселок. Михайловский р-н, - поселок Кызылтап
Редкая Дубрава, село. Немецкий р-н, – поселок Гнаденгейм
Романовка, село. Рубцовский р-н,– Блюменталь
Романово, село. Панкрушихинский р-н, – деревня Лешачьи озера
Саратовка, село. Рубцовский р-н, - село Мокрый Лог
Сверчково, село. Целинный р-н, – село Сопляково
Селивёрстово, село. Волчихинский р-н, – деревня Убиенная
Семеновка, село. Славгородский р-н - село Хохляндия
Сереброполь, село. Табунский р-н, прежнее – поселок Киргизский
Славгород, город. Славгородский р-н,– поселок Секачи
Советское, село. Советский р-н,– село Грязнуха
Сорочий Лог, поселок. Первомайский р-н, – село Пеканское
Сросты, село. Егорьевский р-н,– поселок Казармы
Старокрайчиково, село. Первомайский р-н, – деревня Грачева
Суворовка, село. Благовещенский р-н, - село Тюменские ямки
Сунгай, село. Кытмановский р-н, – деревня Фунина
Тальменка, село. Солонешенский р-н,– село Облаевка
Татьяновка, село. Благовещенский р-н,– Чаячье 3
Тельманский, поселок. Благовещенский р-н, – поселок Лондон
Тундриха, село. Залесовский р-н– деревня Шурыгина

Удальное, село. Табунский р-н – поселок Николайдорф
Урлапово, село. Шипуновский р-н, – село Коптелка
Успенка, поселок. Табунский р-н, - поселок Согра
Усть-Волчиха, село. Волчихинский р-н, – деревня Трубина
Усть-Гавриловка, поселок. Троицкий р-н,– деревня Сосновка
Усть-Журавлиха, село. Усть-Пристанский р-н, – деревня Безголосова
Усть-Иша, село. Красногорский р-н, – деревня Поповичева
Устьянка, село. Локтевский р-н, – деревня Мусорна
Уткуль, поселок. Троицкий р-н, – поселок Иткуль
Филатово, село. Косихинский р-н, – деревня Филиппова
Фирсово, село. Первомайский р-н, – деревня Большая Лосиха
Фоминское, село. Бийский р-н, – село Большая Деревня
Харитоново, село. Завьяловский р-н, – деревня Мостовая
Харьково, село. Павловский р-н, – деревня Выдриха
Цветополь, село. Бурлинский р-н, – село Блюменфельд
Целинное, село. Целинный р-н,– село Яминское
Цибрманово, поселок. Суетский р-н, – поселок Госкаиха
Чистоозёрка, село. Завьяловский р-н,– деревня Шаравина
Ягодино, село. Благовещенский р-н, – поселок Двойное

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Список топонимов Курьинского района

В настоящее время на Алтае существует более полутора тысяч сел, характеристика их разнообразна: они отличаются национальным составом, географическим положением, временем заселения Курьинский район, будучи расположенным в предгорьях Алтая, является довольно насыщенным географическими названиями.

В течение довольно продолжительного времени : с 1974 по 1998 год нами опрошено более 50 информаторов:

КУРЬЯ - Егоров Иван Демьянович, Ильин Петр Степанович, Кокорев Александр Яковлевич, Ретунский Павел Сергеевич;

КОЛЫВАНЬ - Бояринцев Иван Федорович, Кокорев Василий Яковлевич, Абсентов Иван Александрович, Букреев Константин Никитович, Беляев Ефим Михайлович, Карпенко Максим Максимович, Коряков Николай Трофимович, Овчаров Андриан Сергеевич, Немцев Григорий Илларионович, Дегтярев Иван Михайлович, Дорохов Яков Степанович,

Селин Семен Никитович; БУГРЫШИХА - Медведев Роман Ефимович, Усов Иосиф Яковлевич, Усов Трофим Степанович, Усов Панфил Гурьянович, Усов Николай Петрович, Усова Надежда Прокопьевна, Герман Мария Кононовна, Рябов Александр Яковлевич, Усова Вера Ивановна, Усов Анатолий Михайлович, Назарьев Валентин Иванович;

КАЗАНЦЕВО - Мурашкин Леонтий Астафьевич, Шмаков Гавриил васильевич, Ручьев Василий Федорович, Прокуратов Александр Сергеевич, Калачев Василий Иванович, Кононов Федор Иванович, Калачев Никифор Иванович, Усов Митрофан Петрович;

УСТЬ-ТАЛОВКА - Кустов Александр Петрович, Коробкин Фома Иванович, Перевозчиков Иван Михайлович, Фокин Николай Сергеевич, Овчинников Федор Иванович;

ТРУСОВО - Чебаевский Степан Савельевич, Матвейко Степан Васильевич, Бокач Киприна Иванович;

КУЗНЕЦОВО - Жданов Спиридон Сергеевич, Романченко Михаил Иванович, Ламзин Александр Игнатьевич;

НОВО-ФИРСОВО - Быхун Иван Егорович, Шапошников Александр Кириллович, Запрягаев Григорий Алексеевич, Шапошников Иван Павлович, Шапошников Александр Кириллович;

ПОДЗАЙМИЩЕ - Макаров Александр Григорьевич, Пахомов Сергей Ксенофонтович;

КАЛМАЦКИЙ - Шипилов Василий Иванович и другие.

В представленном ниже списке представлено более 600 топонимов: названия населенных пунктов, рек, гор, околков, логов и т. д.

При указании места фиксации название села дается в сокращении -

пос. Подзаймище - (П), пос. Калмацкий - (К), с. Ново-Фирсово - (Ф),

с. Курья - (Кур), пос. Колывань - (Кол), с. Казанцево - (Каз), с. Усть-

Таловка - (УТ), с. Трусово - (Т), с. Кузнецово - (Куз), с. Бугрышиха - (Б).

Абакшина сопка (УТ Каз Кур Ф)
Агафоново место (Каз)
Адамово озеро (Ф)
Алехины ямки (Б Каз Кур)
Алтай сопка, гора (повсеместно)
Алтайчик гора (Б)
Афанасьевский увал (Б)
Балакина пашня, Балакин колодец (К Ф Т)
Бараксанова яма (Кол)
Барсучка, долина (Б К Т)
Барсучья долина, лог (Б)
Бастион сопка (Кол)
Батун - поселок (повсеместно)
Батунная согра (Каз Кур Т УТ)
Батунная сопка (повсеместно)
Бащелакское озеро (Ф Куз)
Бедина забока (Ф)
Белая глина гора, сопка (Кур УТ)
Белый камень сопка (Каз)
Белые камешки место (Б)
Белая речка ,Белое озеро (повсеместно)
Березка речка (Каз Кур УТ)
Березки место (УТ Кур УТ)
Березовка речка, ключ (Кур УТ)
Березовое озеро (Ф Кур УТ)
Березовый ключ (Ф Кур УТ)
Ближний ключ (Ф)
Ближняя дубрава (Ф)
Ближняя пасека (УТ)

Богатое - остров (П Т) -
Болдаков ключ (Каз)
Большая Аскучовка река (вариант Большая Ускучевка) (Б)
Большая гора (БФ Кур УТ)
Большой затон (Б(Ф Кур УТ)
Большой ключ (повсеместно)
Большой луг , лог (Б(Ф Кур УТ)
Большой остров (повсеместно)
Большая Курья озеро, Большое Курьинское озеро (Кур Т П К Каз)
Большое Карташово озеро (П)
Борисова пасека (УТ Кур Каз)
Борково - место в лесу (Кол)
Борки- место в лесу (повсеместно)
Боровлянка речка (Б)
Боровушка река (Каз УТ)
Боровушинская забока (Каз Кур)
Боярышный куст - место (К)
Брикатинино озеро (Ф)
Бугрышиха - село (повсеместно)
Будка - гора (повсеместно)
Булка - гора, камень (П Т Б)
Буравлев лог (Кур УТ)
Бурматов лог (Каз)
Бутырки - гора (П)
Бык место (УТ)
Быковский увал (Б)
Быковский ключ (повсеместно)
Ванька с Танькой сопка (Каз П Т Б)
Васильев ключ (Т Ф УТ Б)

Васильев лог (Б Т Ф УТ)
Васильев увал (Б Т Ф УТ)
Васькин лог (Кол Каз)
Верблюжья сопка (Ф Кур)
Вересковая гора (Б)
Вереской ключ (Б)
Вереской увал (Б)
Верхний лог (УТ Б)
Верхняя забока (Кур)
Верхняя Каменка (Каз)
Веселое место (УТ П Т Б)
Веселое озеро (Куз)
Ветелка озеро (Ф)
Видявкины лога (Кол)
Видявкин лог первый (повсеместно)
Видявкин лог второй (повсеместно)
Висячая гора (Б)
Висячий утес (Б)
Висячий камень (Ф Каз)
Волков ключ (УТ П Т Б)
Волчий ключ, Волчье поле (Б)
Волчьи сопки (К П Т Б)
Волчьи норы (Кол)
Волчья гора , согра, сопка (УТ Б)
Волчий ключ (Кур Б)
Волчья падь (Кур)
Волчиная речка (Кур)
Волчиха место, гора (УТ)
Вонючая гора, сопка (Б П Т Б)

Воробьевский ключ (Каз)
Востра гора, сопка (Б)
Воструха - гора (повсеместно)
Вострушка - сопка (повсеместно)
Восьмое марта - село (повсеместно)
Вторая поляна (Б)
Вырубленная забока (П Т Б)
Гайдаев лог (повсеместно)
Гайдаев луг (повсеместно)
Гладкая ляга (Ф)
Глинка место (Каз П Т Б)
Глинистый ключ (Каз)
Глухая падь (Каз)
Глядень сопка (Ф)
Голенькое озеро (Ф)
Горелая избушка место (повсеместно)
Горелый станок ключ (повсеместно)
Горновка село (повсеместно)
Горохов увал (Б)
Гороховая гора (Б)
Гороховая седелка гора (Б)
Гороховица речка (Б)
Горохи - место (П Т Б) поле (К П Т Б) гора (Б П Т Б)
Грязнуха - место (К)
Грязнуха речка (Ф)
Грязный мостик (Б)
Грязный лог (УТ)
Гурина яма (повсеместно)
Гурьянов ключ (Б)

Гурьянов лог (Б)
Гусева яма (Б)
Дальний ключ (Ф)
Дальняя дубрава (Ф)
Дальняя пасека (УТ) -
Десятая поляна (Кол)
Долгая грива (повсеместно)
Долгая сопка (Б)
Долгий ключ (Б)
Долгонькое озеро (Ф)
Дресвянка - место (Б)
Дурной лог (Ф Кур)
Журавлево озеро (Куз П Т Б)
Журавлюха гора (Ф)
Завоеванная забока (Т)
Заворот ключ (Б)
Заворот гора (Б)
Заворотный ключ (Б)
Заворотный лог (Б)
Заворотье место (Б)
Займище - гора (П К)
Затон Большой река (Б)
Затон Маленький река (Б)
Звонарь - сопка (Кур)
Зеленов лог (Б)
Зеленый ключ (П Т Б)
Земляной мост (П)
Зимовье - гора (Ф)
Змеевский ключ (Кол Каз)

Змеиная гора (повсеместно)
Зырянов река, ключ (Б)
Зырянова сопка, лог (Б)
Евстафеевка речка, Евстафеевка речка (Каз)
Евстифеевский ключ (Каз)
Евстигнее ключ (К)
Евстигнеев лог (К)
Егоркин остров (Т)
Еленкин ключ (Каз).
Ивановка село (повсеместно)
Ивановский ключ (Каз)
Игнашихин бродок (П)
Игнашиха - сопка (Ф)
Игнашонок - сопка (Ф)
Избушка - забока (Ф П Т Б)
Ильина отного (Б)
Интер место (УТ П Т Б)
Казанков лог (Т)
Казанцево село (повсеместно)
Казачка - озеро (Кол)
Казачинская сопка (Кол)
Казаченское озеро (Кол)
Казенный покос (Кол) -
Калиновский ключ (Ф)
Калмацкий пос. (повсеместно)
Каменная гора (Б),
Каменка река (Б Т)
Каменка речка (Кол)
Каменка пос. (повсеместно)

Каменный брод (Б)
Каменный луг, лог (Б)
Каменное место (Куз)
Каменное озеро (Т)
Каменный карьер (Ф)
Каменный ключ (П Кур)
Каменный лог (повсеместно)
Каменское озеро (К)
Каменский ключ (К)
Каменуха сопка (Кур Ф)
Каменушка гора, сопка, река (повсеместно)
Камень - скала (Кол)
Камышенка река (П)
Канхара речка (Б)
Караблик - залив (П)
Караткина забока (П)
Караульная сопка (Кол)
Карпова поляна (Кол)
Карташово озеро (П Т)
Киргизские могилки (Б)
Киргизский лог (Каз)
Кирилин лог (П Т Б)
Кирилкин остров (П Т Б)
Кирилкина забока (П Т Б)
Китов остров (Т)
Климкин лог (Каз)
Клин - поле (К)
Кокса сопка (Б)
Колывань пос. (повсеместно)

Колыванка река (УТ)
Колыванское озеро (повсеместно)
Конопляная старица (Ф)
Конопляное озеро (П)
Конская сопка (Ф)
Копалуха река (Б) Копанец место (Б)
Кордон место (Б)
Косой взвоз (Кол)
Костин лог (Кур)
Костинский лог (Кур)
Кочегарка - родник (П К)
Кочковатая ляга (Ф П Т Б)
Красный яр (повсеместно)
Кривое озеро (Ф Кур)
Кривой осинник гора (Б)
Кривой осинник место (повсеместно)
Крохалиха река (повсеместно)
Круглая забока (Т)
Кругленький елбашок (Ф)
Круглая забочка (К)
Кругленький борок (Кол)
Круглая сопка (Ф)
Крутишка - место на горе (Кол)
Крутой елбашок (Ф)
Крутой лог (Кол Б)
Крутой подъем (УТ)
Крюковская гора (Б)
Крюковские ворота (Б)
Крюковский лог (Б)

Крюковский родник (Б)
Кузнецов лог (Б)
Кузнецово село (повсеместно)
Кузьмина пасека (Т)
Кукуйка река (повсеместно)
Кукуйская грива (повсеместно)
Кукуйская сопка (Кол УТ Кур)
Купцово озеро (Ф)
Курья - пос. (повсеместно)
Курейка место (Б)
Курьинские зароды (П)
Курьинские горы (К)
Курьинские озера (Кур)
Курьюша овраг (Куз)
Курья озеро (Кур УТ Б)
Курья большая озеро (Кур)
Курья малая озеро (Кур)
Лагутка - часть села (Кол)
Лагутка речка (Кол)
Лагутка гора (Кол)
Лапная сопка (Б)
Лапотная гора (Б)
Латышова пасека (Б)
Левкин затон, Левкин остров (П)
Левонтьев ключ (Б)
Лежанка - место (К)
Листвяжный ключ (Б)
Листвяжный ключ второй (Б)
Листвяжный ключ первый (Б)

Локтевка - речка (повсеместно)
Лужок сопка (Б)
Майорка, место (Кол)
Макаренкова пашня (Б)
Максимов ключ (Б)
Максимов лог (Б)
Малая Курья озеро (Кур Каз)
Малое Курьинское озеро (Кур)
Маленький остров (Б)
Малое Карташово озеро (П)
Маленький затон (Б)
Маленький остров (П)
Маленькое блюдечко болото (Б Кур Каз)
Малиновый берег (Кол)
Малый затон место (Б)
Мальшев лог (УТ)
Мальцева забока (УТ)
Манжеева ляга (Ф)
Маринихин ключ (Б)
Матросова ляга (Ф)
Матросова пасека (Ф)
Машкин остров (П К Т)
Маяк - гора (Кол)
Маячная сопка (повсеместно)
Медвежий лог (Кол)
Медвежья яма (Кол)
Мельницкая гора (УТ)
Мельничная гора (Б)
Мельничная забока (Т)

Мельничный брод (Т)
Мельничный ключ (Б)
Микишина ляга (Ф)
Мирошкин ключ (Каз)
Михайловка село (повсеместно)
Мищенкова яма (Ф)
Могильная сопка (Каз)
Можаева пасека (Ф)
Мокрая согра (Кол)
Мокрая сопка (П)
Мокруша (П Кур Каз)
Морозов лог (Каз)
Моханова лощина (Каз)
Мохановская сопка (Ф)
Мохановский елбан (Ф)
Мохнатая сопка, гора, грива (повсеместно)
Моховое озеро (Кол)
Моховой лог (Кол Б)
Мочаг место Каз (УТ)
Мочажина место (УТ)
Мраморная сопка (УТ)
Натальино место для купания (УТ)
Нижний луг (Ф Б)
Нижняя забока (К)
Нижняя Каменка речка (Каз)
Нижняя речка (повсеместно)
Низ-луг (К)
Нифонов ключ (Б) Нифонова речка (Б)
Новофирсово село (повсеместно)

Объездная пашня (Б)
Объездное место, поле (Б)
Объездной ключ (Б)
Одинаковая сопка (Каз)
Озерный ключ (Б)
Озерский остров (К)
Октябрь лог (Каз)
Окуниная река (П)
Окуниное озерко (П)
Оленникова яма (УТ)
Орлиная гора (Б)
Орлов ключ (Б)
Осиновая гора (Каз УТ Б)
Осиновый лог (Кол)
Очаровательная сопка (повсеместно)
Очаровательное озеро (повсеместно)
Очаровательные скалы (повсеместно)
Очаровательный место на горе (повсеместно)
Павлова забока (УТ)
Падь место (Кур)
Пазушка ключ, речка (Б)
Пазушка гора (Б)
Палатцы гора, сопка (Кол Б)
Панина поляна (Кол)
Парамонова избушка (Б)
Парижская улица (повсеместно)
Паршивое озеро (Ф)
Паутова пасека (Т)
Пашенный лог (Кур)

Пашинная согра (УТ)
Пашин лог (УТ)
Первая поляна (Кол)
Перепелица гора (Каз)
Перерывная гора (Кол)
Перильная гора (Кол)
Перильная речка (Кол)
Пески место, сопка (Каз)
Песошное озеро (Ф)
Песчаный ключ (Б)
Песьянов ключ (Б)
Песьянов лог (Б)
Песьяный ключ (Б)
Петрушов колодец (Т)
Писанный камень (Каз)
Писарев ключ (Б)
Пихтовый ключ (Б)
Пиявочный ключ (Каз)
Плитка река (Б)
Плитная гора (Кол Каз)
Плитнушка река (Каз Б)
Поганый лог (Кол)
Подбулка ключ (Б)
Подзаймище село (повсеместно)
Подорлинино косогор (Б)
Подорлиный лог (Б)
Подорлиное сопка (Б)
Подпалатцы гора (Каз)
Подприлавок гора (Каз)

Подрудник место (Б)
Подрудничный увал (Б)
Подсосновый ключ (Б)
Подувал место (Ф)
Подувальное озеро (Ф)
Подъяр - часть села (Кол)
Половинная сопка (УТ Кур)
Пологие релки гора (Б)
Пологий ключ (Б)
Полтава поле (Каз)
Полынский гора (Б)
Полынская ключ (Б)
Полынский лог (Б)
Поперечная ляга (Ф)
Поперечная река (Каз Куз)
Поперечное озеро (К Т)
Поперечный ключ (К)
Поперечный лог (Каз)
Поповский луг (Ф)
Прилавок место, гора (Б Каз)
Пришиб речка (Б)
Провал место (УТ Кур)
Провальная яма (Кур УТ)
Провальное поле (Б)
Провальный ключ (Б)
Продольное озеро (К Т)
Продольный ключ (К)
Прокопьев ключ (Б)
Прокопьев лог (Б)

Прокопьев увал (Б)
Прямой взвоз (Кол)
Пьяный бугор (Куз)
Разбои место (Б)
Разливаемый ключ (Б)
Разливной место (Б)
Разлом гора (Кол)
Разлом поле (повсеместно)
Разломный лог (Кол)
Ракиты низина (Б Кур)
Раскат гора (Кур УТ)
Расстанье место (Б)
Рассташи ключ (Б)
Рассташной лог (повсеместно)
Ревнева гора (Кол)
Ревнюха гора, сопка (Кур Б)
Ревнюшка гора, сопка (Б)
Редькин лог (Каз)
Репейный лог (П)
Россыпи гора (Б)
Рублев лог (Каз)
Рудничная гора, сопка (Б)
Рудничное поле (Б)
Рудовозово село (повсеместно)
Рудовозовский дол (Каз Кур Т П)
Рудная дорога (Ф Каз Кур Т П)
Рузавина сопка (Каз)
Рябинов ключ (Б)
Рябиновый ключ (Б)

Рябиновый лог (Б)
Рябинов лог (Б)
Саватеева гора (Б)
Саватеев ключ (Б)
Саватеев лог (Б)
Савина забока (П К Т)
Санькин бродок (П)
Святая гора (Кур)
Седелка гора (Каз)
Седло сопка (Кур Кол)
Седло большое сопка (Кур Каз К)
Седло малое сопка (Кур Каз К)
Секисков покос (Кол)
Сенной лог (Кол)
Серьгино речка (Каз)
Сидоровка гора (Кол)
Сидоровка пос. (повсеместно)
Синий камень - место на реке (повсеместно)
Синий утес (Б)
Синюшка гора (Каз)
Синюха - гора (повсеместно)
Синюха речка (УТ)
Синюшка речка (Б)
Скрипкин лог (Т)
Славгородский пос. (повсеместно)
Слезунная сопка (Кур)
Слободчиков лог, луг (Б)
Смерти долина (Кол)
Снежница место (Куз)

Соколов лог (П К Т)
Соколов луг (К Т)
Солдатка гора (Б)
Солдатка речка (Б)
Соленый ключ (Ф)
Сосновая гора (Кол Б)
Сосновка речка (Б)
Сосновка лог (Б)
Сосновый ключ (Б)
Сосновый увал (Б)
Спуск гора (Б)
Стеновая гора (Б)
Стеновой ключ (Б)
Степанов лог (Б)
Степановы пашни (Б)
Степановы ямки (Б)
Стоялые камни сопка (Каз)
Суетинская гора (Б Каз Кур Т П)
Суетинский лог (Б Каз Кур Т П)
Суетинский увал (Б Каз Кур Т П)
Суетинский ключ (Б Каз Кур Т П)
Суетка речка (Б)
Сундеев омут (Куз)
Сурий ключ (Б)
Суричьа сопка, гора (Ф)
Сурьев ключ (Б)
Сурьев увал (Б)
Сурья сопка, гора (Кур Б)
Сухаревка сопка, гора(Кур Каз)

Сухая дорога (К)
Сухой лог (УТ Каз Б)
Сыромятников покос (Кол)
Таловка река (повсеместно)
Темное место (Кол)
Теплый ключ - родник (Кур)
Терехин брод (Б)
Толстая сопка (Ф Каз УТ)
Толстуха сопка (Кол)
Торфяное болото (Кол)
Точильная гора (Каз)
Травное озеро (П)
Третья поляна (Кол)
Трусово село (повсеместно)
Убиенный ключ (Б)
Угольный брод (УТ)
Узкое место (УТ)
Усова канава (Б)
Усть-Лог место (повсеместно)
Усть-Таловка село (повсеместно)
Ушаков лог (УТ)
Фабричная сопка (Кол)
Фадихин пупок (К)
Федосов брод (Б)
Финогенов увал (Б)
Фионов лог (Каз)
Фисенко пашня (Ф)
Фомин лог (К)
Харитоновая пасека (Каз)

Харюзовка река , родник (УТ Кур)
Холодный ключ - река (повсеместно)
Худой перебор место на реке (повсеместно)
Цыганская забока, согра (Кол Кур Каз Т П)
Чаячьи ляги (Ф)
Чебачиха река (Т)
Черемухов лог (Каз)
Черемушка место (УТ Кур)
Черепашиха река (Каз)
Черненькие сопки (П)
Черный камень (Кур)
Черный лог (Кол)
Чертов мочаг (Каз)
Чертова яма (Б)
Чертак сопка (Каз)
Чеснокова гора, сопка (Б)
Чесноково поле (Б)
Чесноковский ключ (Б)
Четвертая поляна (Кол)
Чехов лог (П Т)
Чехов луг (К)
Чудская гора (Б)
Чудской ключ (Б)
Чудской лог (Б)
Шахтерская сопка (Каз)
Шахтерские ямы (Каз)
Швырев лог (Т)
Шершнишка речка (Шоршнишка) (Кол)
Шестаков увал (Б)

Шестнадцатая поляна (Кол)
 Широкий лог (Б Ф)
 Шихалевский ключ (Б)
 Шляпкин лог (Т)
 Шошмурин лог (Б)
 Штаны - поле, место (К УТ)
 Щебенек сопка (УТ)
 Щеки место (УТ)
 Ягодная сопочка , гора (Б)
 Яма место (Б)
 Яринский лог (Каз)
 Яровская гора (Б)
 Яровский ключ (Б)
 Яшкин мосток (Каз)

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Фрагмент “Ойконимического словаря Алтая”

Расположение статей в словаре – алфавитное. Учитывая опыт составления топонимических словарей других регионов, представлена следующая их структура. В начале каждой словарной статьи дается официальная форма названия в именительном падеже с указанием ударения. При этом отмечаются тип поселения (город, село, поселок и т.д.) и пространственная привязка – район Алтайского края. Необходимым компонентом каждой статьи стало указание на дату основания населенного пункта. Исторические сведения объясняют название, документально подтверждают ту или иную этимологию. Даны хронологические, зафиксированные в архивных документах, и народно-

разговорные, функционирующие в речи жителей, варианты названий, а также параллельные названия.

Выявление этимологии названия переплетается с лингвистическим анализом, обязательным элементом которого является наличие топонимического контекста. Введение топонимических контекстов позволяет представить функционирование имени в сознании современных жителей (приводятся контексты не только объяснений имени, но и употребления, функционирования ойконима). Сочетание топонимических полевых блок-текстов и исторических контекстов позволило представить двойной функциональный план для большей части названий.

Наряду с указанием наиболее достоверной версии приводится народная этимология, отражаемая народным языковым сознанием. Обращение к критериям народного сознания во многих случаях позволяет снять противоречия в подходе к трактовке имени. Языковое сознание жителей нашло отражение и в виде собственно мотивировочных контекстов, в то же время представлен, где возможно, ассоциативный план, коннотативные элементы и т.д.

В каждой словарной статье дается ссылка на источник информации – Списки населенных мест, архивные материалы, топонимическая картотека, картотека диалектных слов, “Словарь русских говоров Алтая”, данные краевой статистики, авторские работы. Несомненную помощь оказали статьи И.А. Воробьевой по ойконимии Алтая.

В качестве приложения к словарю дан полный список ойконимов с указанием хронологических вариантов и исторических фиксаций.

Настоящий словарь представляет собой попытку системной характеристики богатого ойконимического материала Алтая. Фоновым материалом для словаря послужило проведенное автором общее обследование всего ойконимического массива Алтая, начиная с 1782 г.

(более 8 тысяч названий), тех названий, которые в настоящее время уже не употребляются на официальном уровне.

Следует отметить, что комплексное исследование ойконимии Алтая, а также открытие в последние годы новых фондов Государственного архива Алтайского края позволили автору внести некоторые коррективы (иногда существенные) в трактовку ойконимов по сравнению с более ранними публикациями.

Приведем фрагмент словаря

Т

ТАБУНЫ – село (Табунский р-н).

Основано в 1881 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

О.Т. Молчанова рассматривает “*табаны*” как ложе временного озера, впадина” (Молчанова, 1966, с. 13), однако архивные данные позволяют нам принять за основу иную версию.

Ойконим восходит к апеллятиву во мн. ч. *табуны*. Архивные материалы свидетельствуют о том, что на данной территории в конце XIX в. были большие табуны лошадей, которых перегоняли в Кулунду. “Переписка с генерал-губернатором Западной Сибири о разрешении киргизам Семипалатинского уезда перегнать свой скот до весны, в связи с засухой, на земли Нижне-Кулундинской волости... “Имею честь препроводить до сведения Вашего Превосходительства, копию с предложения моего Томскому губернатору 4 сего декабря за №1245 о разрешении киргизам трех волостей Семипалатинского уезда по недостатку корма перегнать *табуны* (выделено нами. – Л.Д.) свои на земли горного ведомства” 4.XII.1881 г.” (А) “...прогнали через нашу деревню *табуны* (выделено нами. – Л.Д.) в количестве 100 лошадей...” (А).

Жители села подтверждают эту версию: *“Здесь всегда пасли лошадей, огромные табуны были”*; *“Позже киргизы ушли отсюда и все свои табуны угнали, перегнали в Казахстан”*.

Таким образом, ойконим представляет собой форму существительного во мн. ч., является русским по происхождению.

ТайНА – село (Красногорский р-н). Основано в 1851 г.

Хронологические варианты: д. **Тайная**, д. **Таинская**.

Очевидно, наименование связано с историей заселения данного села, которое основано кержаками старообрядцами. Обычно старообрядцы старались поселиться в стороне от основных поселений, спрятаться, поселиться тайно. Это подтверждается воспоминаниями старожилов: *“Кержаки они жили в тайге, в бору, они не такие, как русские, хотя по национальности и русские вроде”*. Учитывая сказанное, можно считать, что ойконим восходит к апеллятиву *тайна* в прямом значении этого слова.

ТАЛДинКА – село (Троицкий р-н).

Дата основания – 1775 г.

Хронологические варианты: с. **Большереченское**, д. **Большая Речка**, д. **Талдинка**.

Село получило наименование по гидрониму – р. Талдинка, который претерпел изменения – добавился суффикс **-инк(а)** к первоначальной форме р. Талда. В алтайском языке *талду* – “имеющий тальник, с тальником” (Молчанова, с. 299).

Информаторы подтверждают происхождение названия: *“Тал – это ива, верба, тальник. Талду – тальниковый лог...”*; *“В ней заросли крапивы. Есть сорт такой – Талдинская крапива. По Чуйскому тракту в Горном Алтае видел деревню Талдинку, там точно такие же заросли крапивы. Говорят, что ее тоже талдой называют. Тал ду – тальниковое место”*.

ТАЛиНА – поселок (Шипуновский р-н).

Поселок основан в 30-е гг. XX в.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Село получило наименование по гидрониму. Информаторы сообщают: *“Есть ручей Талина. Лог был ранее, тал там был (тальник). Лог этот тоже Талина назывался”*.

ТаЛИЦА – село (Залесовский р-н).

В 1776 г. была основана д. **Талицкая**.

Параллельно функционировало другое название – д. **Кадникова**, связанное с антропонимом Кадников.

Позже первое наименование стало официальным. Оно восходит к гидрониму (р. Талица). Информаторы сообщают: *“Протекает небольшая речка Талица, вода талая”*.

Следует отметить, что на Алтае небольших рек с названием Талая, Талица достаточно много (частотность – 34%). Общее значение можно рассматривать как “не замерзающая зимой речка” (Розен, с. 84).

ТаЛИЦА – село (Советский р-н).

Дата основания – 1824 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Село получило наименование по гидрониму – р. Талица. Информаторы сообщают: *“Не замерзает ни зимой, ни летом. Талая вода”*; *“Талица – место, прежде других оголившееся весной от снега. Талица, так называют речки на Алтае, не замерзающие всю зиму, стоящие талыми”*. Следует отметить, что на Алтае небольших рек с названием Талая, Талица достаточно много (частотность – 34%). Общее значение можно рассматривать как “не замерзающая зимой речка” (Розен, с. 84).

ТАЛoВКА – село (Змеиногорский р-н).

Основано в 1885 г. на переселенческом участке Таловка, расположенном на р. Таловке (А).

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Ойконим восходит к гидрониму – р. Таловка. Как сообщают информаторы: *“...здесь речка была, а под ней дерево росло – тал (тальник), так ее называли Таловка, а потом село”*; *“По берегам реки тал растет”*. В Словаре русских говоров Алтая: *“Тал – заросли ивы”* (т. 4, с. 145).

ТАЛОВКА – село (Первомайский р-н).

Основано в 1877 г. на переселенческом участке Таловка (А).

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Село получило наименование по гидрониму – р. Таловка. Особенность географической характеристики реалии – обилие тальника на берегах. *“Тальник – кустарник там по всей речке”*; *“Это болото теперь, все заросло талом”*. В Словаре русских говоров Алтая: *“Тал – заросли ивы”* (т. 4, с.145).

ТАЛЫ – поселок (Шипуновский р-н).

Поселок основан в 20-е гг. (ориентировочно в 1923).

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Наименование связано с другим географическим объектом – рядом с селом находится низина, луг с аналогичным названием Талы. Информаторы сообщают: *“Луг Талы – косили там. Тальник рос”*. В Словаре русских говоров Алтая: *“Тал – заросли ивы”* (т. 4, с. 145).

ТАЛЫЙ – поселок (Красногорский р-н).

Дата основания – 1945 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Ойконим восходит к гидрониму – р. Талая. Река получила свое название потому, что в верховьях ее много родников и они зимой не замерзают. *“Талая называли, она с гор идет, от снегов, весной разливается, воды много”*. Ойконим такого типа отражает характерную особенность – наличие в большом количестве талых вод.

ТАЛЫЙ КЛЮЧ – поселок (Краснощёковский р-н).

Поселок основан как поселок “хуторского типа” в начале 20-х гг. XX в. (ориентировочно в 1926).

Первоначальное название – хутор **Животноводка**, затем поселок был переименован по названию ключа – **Талый**. Талый ключ – т.е. “ключ с талой водой”. *“В том ключе не то чтобы вода совсем не замерзает, но все же он всегда с водой”*.

Русский по происхождению ойконим, представляющий собой словосочетание.

ТАЛЬМЕНКА – село (Солонешенский р-н).

Населенный пункт основан в 1910 г. как поселок Усть-Тальменский (в устье р. Тальменки).

Параллельно существовало другое название – **Облаевка**, которое в настоящее время не употребляется в связи с негативной информацией, характерной для данного топонима: *“Жили кержаки и всех облаивали”*.

Современное название связано с гидронимом – р. Тальменка, который, по всей вероятности, образован от названия рыбы *таймень* – “крупная хищная рыба семейства лососевых”. *“Тальменка. Назвали село Тальменкой, потому что река так называлась, а в ней много было рыбы тальменей”*. Подтверждением данной этимологии служит название озера Тайменье, Тальменье. В ревизских сказках 1763 и 1782 гг. значится “пос. Тайменка и вариант пос. Тайменька” (А). В то же время в СРГА *таймень* – “рыба из породы осетровых” (т. 4, с. 146).

ТАЛЬМЕНКА – село (Тальменский р-н).

В 1721 г. была основана д. Тальменская.

Хронологические варианты: с. **Тальменское**, д. **Тайменька**.

“Дер. Тальменскую основали пришлые Ерофей Казанцев, Артемий Гилев, Степан Худяков из Тобольского, Иван Казанцев и Савва Кайгородов из Верхотурского уездов” (А).

Село получило наименование по гидрониму – р. Тальменка, который, в свою очередь, восходит к названию рыбы, обитавшей в реке, – таймень. Как сообщают информаторы: *“...река сначала была названа Тайменской (по рыбе, но люди напутали, это не таймень, а налим). Ну, так стало. А потом произношение изменилось”*. В ревизских сказках 1763 и 1782 гг. значится “пос. Тайменка и вариант пос. Тайменька” (А). В то же время в СРГА *тальмень* – “рыба из породы осетровых” (т. 4, с. 146).

ТАМБОВСКИЙ – поселок (Каменский р-н).

Основан переселенцами из Тамбовской области предположительно в 1926 г.

Первоначальное неофициальное название – пос. **Сотня Восьмая**. *“Называли Восьмая Сотня, а еще была Первая Сотня, все поселки по сотням, участки были”*. Позже, по предложению переселенцев, название было заменено на название губернии выхода переселенцев.

Ойконим образован от другого ойконима – Тамбовский. Названия такого типа рассматриваются как перенесенные.

ТАМБОВСКИЙ – поселок (Романовский р-н).

Основан в 1954 г. в связи с освоением целинных земель, переселенцами был создан совхоз “Тамбовский”.

Наименование поселку центральной усадьбы совхоза было присвоено в 1960 г. – п. **Тамбовский** (по наименованию совхоза). Название восходит к другому географическому названию: *“Приезжали из Тамбовской области”*.

ТАСКАЕВО – село (Тальменский р-н).

По данным Ю.С. Булыгина, основан в 1748 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Форма ойконима предполагает образование его от антропонима – фамилии Таскаев – путем сложения одинаковых суффиксов у антропонима

и топонима. “Матвей Петров Таскаев, его братья: Степан, Семен Афанасий” (А).

ТАТЬЯНОВКА – поселок (Благовещенский р-н).

Основан в начале XX в. (предположительно в 1911 г.) на “переселенческом участке Чаячьем при озере Чаячьем” (А) и получил название **Чаячье-3**. “...участок Чаячий на нем три поселка... водопоем участок обеспечен... река Кулунда и озеро Чаячье” (А).

Все три поселка (Чаячье 1, Чаячье 2 и Чаячье 3) по желанию жителей были переименованы в честь царской династии (Александровка, Николаевка и Татьянаовка). Названия такого типа характерны для ойконимии Алтая начала XX в. Чаячье 3 получило наименование в честь дочери Николая II Татьяны: “...по дочери царя”.

ТЕЛЕЖИХА – село (Солонешенский р-н).

Дата основания – 1857 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Село получило наименование по гидрониму – р. Тележиха, который восходит к фамилии: “*Телегиных много было*”.

ТЕЛЬМАНСКИЙ – поселок (Благовещенский р-н).

Село основано в 1910 г. с названием **Лондон**. Немецкий поселок. Был переименован во 2-й половине XX в. по названию колхоза “Колхоз имени Тельмана” – фамилия немецкого борца-антифашиста Э. Тельмана.

Ойконим образован с помощью суффикса **-СК(ий)**.

ТИГЕРЕК – поселок (Краснощёковский р-н).

Основан в 1763 г. как Тигирецкий форпост.

Хронологический вариант названия – п. **Тигирецкий**.

Поселок получил наименование по гидрониму – р. Тигерек. “Можно связать с *тюгюрюк* – быстрый” (Молчанова, с. 185–186).

Ойконим является тюркским по происхождению.

ТИЗЕК – поселок (Родинский р-н).

Дата основания – 1919 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Поселок получил наименование по гидрониму – р. Тизек. *“Так реку зовут, так и поселок”*.

Существует народная этимология, связывающая гидроним на фонетическом уровне со словом *кизяк*: *“Баранов было много. Кизяк лепили, печки топили”*.

ТИТоВКА – село (Егорьевский р-н).

Основано в 1886 (1870) г. на переселенческом участке Титовский (А).

Хронологические варианты: пос. **Титовка**, пос. **Титовский**, **Титовский заселок**.

Прежде село в народе называлось **Александровка**: *“...по фамилии первого жителя Александрова”*. Переименовано в 1905 г. *“...в честь жителя села, местного богача – Титова”*.

Ойконим образован с помощью суффикса **-к(а)**, является русским по происхождению.

ТИТоВО – село (Тогульский р-н).

Основано в 1766 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Село получило наименование по фамилии первого поселенца. Как сообщают информаторы: *“...Титов жил”*; *“Титовых большинство”*.

Ойконим образован путем сложения одинаковых суффиксов у антропонима и топонима.

ТИШиНКА – село (Рубцовский р-н).

Образовано в начале 20-х гг. (1923 г.).

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Является переносом гидронима – р. Тишинка: *“Речка наша тихая”*.

ТоГУЛ – село (Тогульский р-н).

Основано, по данным Ю.С. Булыгина, в 1770 г.

Село получило наименование по гидрониму – р. Тогул. В Западной Сибири гидронимы на *ул* довольно многочисленны и рассматриваются обычно со значением “мокрый, влажный” (Воробьева, 1977, с. 109). А.А.П. Дульзон рассматривает гидроним *Тогул* как кетский по происхождению (1962, с. 73). Единая точка зрения на этимологию гидронима в топонимических исследованиях отсутствует. В сознании жителей этимология гидронима утрачена, однако наличие разговорного варианта ТОГУЛ – следствие стремления выделить “узнаваемые” компоненты.

ТоКАРЕВО – село (Новичихинский р-н).

Основано в 1857 г. (Ю.С. Булыгин).

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Село получило наименование по фамилии поселенца Токарева. *“Жил какой-то Токарев”*.

Ойконим образован путем сложения одинаковых суффиксов у антропонима и топонима.

ТоКАРЕВО – поселок (Первомайский р-н).

Основан в 1759 г. (Булыгин, 1974).

Вариантов и других названий не зафиксировано.

В основе ойконима – антропоним Токарев: *“Раньше тут до 20 семей Токаревых жили”*.

ТоЛСТАЯ ДУБРаВА – село (Алейский р-н).

Дата основания – 1925 г.

Село получило наименование по гидрониму – р. Толсто-Дуброва. Информаторы сообщают: *“Толсто-Дуброва была раньше речушка”*; *“Речку называют Дуброва толстая”*.

Русский по происхождению ойконим, представляющий собой словосочетание.

ТОЛСТОВСКИЙ – поселок (Каменский р-н).

Поселок основан в начале 20-х гг. как коммуна **“Искра”**. Это название до настоящего времени употребляется жителями как параллельное.

Современный ойконим связан с названием местности: Толстовский участок. Топоним фиксируется в архивных документах начиная с 1914 г. Очевидно, в основе – антропоним, к которому присоединен суффикс **-ск-**.

ТОПОЛИНСКИЙ ЛЕСХОЗ – поселок (Угловский р-н).

Основан в 1954 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

В основу наименования положен хозяйственный признак объекта. Начало поселку дал лесхоз – лесное хозяйство – предприятие, занимающееся учетом, воспроизводством и защитой лесов. Данный лесхоз занимается охраной тополиного леса, что отразилось в названии.

Ойконим представляет собой словосочетание, образовано с помощью суффикса **-инск(ий)**.

ТОПОЛЬНОЕ – село (Солонешенский р-н).

Дата основания – 1829 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Село названо по природному признаку. Информаторы сообщают: *“Были тополя, сейчас нету”*; *“Большие тополя росли”*.

Русский по происхождению ойконим, образованный с помощью суффикса **-н(ое)**.

ТОПОЛЬНОЕ – село (Угловский р-н).

Основано в 1865 г. на переселенческом участке Топольный.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Ойконим имеет в своей основе апеллятив *тополь*. Информаторы сообщают: *“Там сильные тополя, большие”*. В архивных документах говорится о Большом Топольном озере на месте этого села *“...при так называемых Топольных ямах и колодцах”* (А).

Ойконим образован с помощью суффикса *-н(ое)*, является русским по происхождению.

ТОПОЛЬНОЕ – село (Хабарский р-н).

Основано в первой половине XIX в. (1824 г.).

Вариантов и других названий не зафиксировано.

В основе наименования апеллятив *тополь*. Информаторы сообщают: “...были тополиные рощи”.

Русский по происхождению ойконим, образованный с помощью суффикса *-н(ое)*.

ТОПОЛЬНЫЙ – поселок (Топчихинский р-н).

Основан в 1954 г.

В 30-х гг. на месте поселка был Сиблаг, держали заключенных. Затем поселение было 4-м отделением совхоза “Раздольный”.

Назван поселок по природному признаку. Ойконим восходит к апеллятиву *тополь*. Информаторы сообщают: “...насадили тополя, вот и назвали”; “В центре поселка – тополевая роща”.

Русский по происхождению ойконим, образованный с помощью суффикса *-н(ый)*.

ТОПТУШКА – село (Тогульский р-н).

Основано в 1857 г.

Хронологические варианты: **Топтушка**, д. **Топтушинская**, д. **Топтухина**.

Очевидна первоначальная связь наименования с фамилией Топтухин. Гидроним Топтушка – вторичен: “...была речушка *Топтушка*”.

ТОПЧИХА – село (Топчихинский р-н).

Основано в 1914–1915 гг.

Хронологический вариант: д. **Топчихина**.

Село было названо по гидрониму – р. Топчиха, который восходит к фамилии Топчихин. В архивных документах значится д. Топчихина. Толкование типа *“здесь топь, грязь”* – результат переосмысления.

ТОСТОК – поселок (Солтонский р-н).

Дата основания – 1893 г.

Хронологические варианты: с. **Тосток**, улус **Тосток**, аил **Тостоков**.

В основе названия – антропоним Тостоков: *“Богатый жил какой-то Тостоков, хозяйство держал”*. Гидроним – р. Тосток – вторичен.

ТОУРАК – село (Алтайский р-н).

Основано в 1830 г.

Хронологические варианты: д. **Таурак**, д. **Тауракская**.

Для жителей села этимология утрачена, ни одного объяснения нами не отмечено.

ТОЧИЛЬНОЕ – село (Смоленский р-н).

Дата основания – 1822 г.

Хронологические варианты: с. **Точирино**, д. **Точирина**.

Первоначальная фиксация – д. Точирина – позволяет связать ойконим с антропонимом. “Точилин Иван, Федор” (Б).

Гидроним – р. Точилка – вторичен, объяснение названия как *“...река Точилка по селу проходит, точит камни”* или *“Там Точильный камень добывают”* – от слова *точить* – результат многолетнего переосмысления.

ТРАВНОЕ – село (Мамонтовский р-н).

Основано в 1886 г. “на переселенческом участке Травной Касмалинской вол. у оз. Травного” (А).

“Пос. Травной основан вятичами близ озера Травного” (А). “Травное при озере Травном” – 1882 г. и др. Таким образом, село названо по гидрониму – оз. Травное: *“Где хорошие травы”*.

ТРАКТОРНЫЙ – разъезд (Рубцовский р-н).

Основано в 50-е гг. XX в.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Ойконим восходит к апеллятиву *тракторный* – “имеющий отношение к тракторам”. В основе наименования разъезда лежит хозяйственный признак объекта. Русский по происхождению ойконим, представляющий собой форму относительного прилагательного.

ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ – поселок (Каменский р-н).

Основан в 1926 г. как коммуна “Третий Интернационал”.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Идеологическое название. Восходит к понятию Третий Интернационал – “Международная организация, объединявшая коммунистические партии всего мира с 1919 по 1943 г.” “В 1929 году здесь была коммуна. Так называют в просторечье село и в наши дни. В 1932 году село переименовали в 3-й Интернационал”.

ТРЕТЬЯКОВО – станция (Третьяковский р-н).

Основана в 1922 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Форма ойконима предполагает происхождение его от антропонима – фамилии Третьяков – путем наложения одинаковых суффиксов у антропонима и топонима. Разговорный вариант – **Третьяки**: “Третьяки – по фамилии Третьяков”.

ТРОИНКА – поселок (Рубцовский р-н).

Основан в 1923 г.

Хронологические варианты: пос. **Троицкий**, пос. **Троинка**.

В основе названия – религиозный праздник Троица: “На Троицу выезжали”. Связывать со словом *три* – “три двора стояло” – неверно.

ТРОИЦК – поселок (Ельцовский р-н).

Основан в 1909 г.

Хронологические варианты: пос. **Троицкий**, пос. **Скрябино**.

Прежнее название – **Скрябино** – связано с фамилией поселенца. Переименован поселок по названию религиозного праздника Троицы: *“Здесь была построена церковь, и на праздник Святой Троицы назвали поселок”*.

ТРоИЦК – поселок (Калманский р-н).

Основан в 1923 г. переселенцами с территории Украины и получил название **Хохловка**. Название просуществовало 6 лет, в 1930 г. было заменено.

Вариант современного названия – **Троицкий**. Ойконим образован от названия религиозного праздника Троицы с помощью суффикса **-к**.

ТРоИЦК – село (Кулундинский р-н).

Село основано в 1908 г. на переселенческом участке №48.

Ойконим образован от названия религиозного праздника Троица с помощью суффикса **-к**: *“По празднику Троицы”*.

ТРоИЦКИЙ – поселок (Алейский р-н).

Основан в 1882 г. на переселенческом участке Троицкий.

Поселок назван по религиозному празднику Святой Троицы.

Ойконим образован с помощью суффикса **-к(ий)**.

ТРоИЦКОЕ – село (Троицкий р-н).

Основано в 1905 г.

Хронологические варианты: п. **Троицкий**, заимка **Соснина**.

По сведению информаторов: *“С 1905 по 1909 год на месте села на берегу Большой реки стояла избушка лесобъездчика Соснина”*. С 1910 г. была образована Соснинская заимка (по фамилии). С 1912 г. началось массовое заселение в связи со строительством железной дороги. Переименовано село по названию религиозного праздника – Троицы. *“В 1915 году жители Соснинской заимки собрались, чтобы избрать престольный праздник. Престольным праздником была избрана Святая Троица. С этого дня жители решили в честь праздника переименовать*

Соснинскую заимку в Троицкое"; *“...крестьяне собрались на сход в Троицын день и переименовали Сосновскую заимку в с. Троицкое”*.

ТРОИЦКОЕ – село (Усть-Пристанский р-н).

Основано в 1880 (1879) г.

Хронологические варианты: с. **Троицкое на Барчихе**, с. **Барчиха**.

Прежнее название – **Барчиха** – “заселок на реке Барчиха” (А) – связано с названием реки. *“...первое название села – Барчиха – по речушке Барчихе”*. Переименовано по названию религиозного праздника Троицы. Информаторы сообщают: *“...потому что открытие построенной церкви пришлось на Троицу”*.

ТРУБАЧЁВО – село (Тюменцевский р-н).

Основано, по данным Ю.С. Булыгина, в 1770 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Село названо по фамилии поселенца Трубачева: *“Трубачевы живут и сейчас”*.

Ойконим образован путем наложения одинаковых суффиксов **-ев-** у антропонима и топонима.

ТРУД – поселок (Топчихинский р-н).

Основан в 1926 г. как коммуна “Труд”.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Идеологическое название.

ТРУСОВО – село (Курьинский р-н).

Основано в 1781 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

В основе ойконима лежит антропоним – фамилия Трусов. Информаторы сообщают: *“Трусовых много было и сейчас много”*.

ТУГОЗВОНОВО – село (Шипуновский р-н).

Деревня Тугозвонова была основана в 1735 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

“Раньше в ней жили раскольники, которые до мая 1746 г. большей частью подвергли себя сожжению, а оставшиеся были арестованы и вывезены. Опустевшую деревню несколько месяцев караулили по приказу начальства крестьяне соседних деревень, а потом сюда поселили пришлых” (Булыгин, с. 61). Ойконим образован от фамилии Тугозвонов. *“Но сейчас Тугозвоновых в селе нет”*.

ТУЛАЙ – поселок (Ребрихинский р-н).

Поселок основан в 1926 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Село получило наименование по гидрониму – р. Тулай. Одно из объяснений, с точки зрения О.Т. Молчановой (с. 317): алт. *тулай* – “усл. охотн. заяц”; монг. *туулай* – заяц, *туулайта* – “заячий, место, где много зайцев”; калм. *туулата* – “с зайцами, имеющий зайцев”.

ТУЛАТА – поселок (Чарышский р-н).

Основан в 1777 г. как Тулатинский редут.

Хронологические варианты: п. **Тулатинский**, **Тулатинский редут**, **хутор Тулатинский**.

В основе – гидроним – р. Тулата. Этимология в сознании местных жителей утрачена.

ТУМАНОВО – село (Солонешенский р-н).

Основано в 1857 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Ойконим отантропонимного образования: *“Тумановых много в районе”*. Утрата связи с антропонимом в сознании жителей способствует появлению народной этимологии. По сведениям информаторов, в основе наименования села лежит природный признак объекта: *“Сырое место, без конца туманы, низкое место”*.

ТУМАНОВСКИЙ – поселок (Завьяловский р-н).

Дата основания – 1926 г.

Название образовано от фамилии первого поселенца с помощью суффикса *-ск(ий)*. Информаторы сообщают: *“Был такой Туманов”*; *“Пожалуй, Туманов первый туда переселялся”*.

ТуНДРИХА – село (Залесовский р-н).

Село основано, по данным Ю.С. Булыгина, в 1788 г. переселенцами из Европейской России.

Хронологические варианты: д. **Ново-Тундриха**, д. **Шурыгина**.

Прежнее наименование – **Шурыгино** (по фамилии первого поселенца) – используется до сих пор в речи жителей села. Переименовано до 1893 г. по гидрониму (р. Тундриха): *“...тундра кругом, торф, болотистые места”*.

ТУШКАНИХА – поселок (Змеиногорский р-н).

Дата основания – 1923 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Поселок получил наименование по гидрониму (р. Тушканиха). *“Потому что в речке тушканчики водятся – такие зверьки”*.

ТЮМЕНЦЕВО – село (Тюменцевский р-н). Основано в 1763 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Ойконим имеет в своей основе антропоним – фамилию одного из первопоселенцев. *“Петр Алексеев Тюменцев, сыновья: Елисей, Осип, Иван; брат Петра Григорий Алексеев Тюменцев, сыновья Григория Иван, Михаил Лаврентий, Егор”* (А). Как сообщают информаторы, *“...первыми поселенцами были: Тюменцев Алексей, его брат Петр, Епифан Молоков”*. Ойконим образован путем наложения одинаковых суффиксов у антропонима и топонима.

ТЮМЕНЬ – село (Троицкий р-н).

Дата основания – 1926 г.

Вариантов и других названий не зафиксировано.

Ойконим является переносом с прежнего места жительства поселенцев. *“Сначала приехали в Тюменский край, там жили, но потом переехали на Алтай”.*

ТЯГУН – село (Кытмановский р-н).

Основано в 1895 г.

“Находится недалеко от села Кытманово (2 км) по правую сторону р. Чумыш. В основном, молодые семьи, отделившиеся от родителей, переселялись из с. Кытманова и строили дома на правом берегу. Название село не носило, так как его, как такового, не существовало. Ежегодно во время разлива р. Чумыш дома подмывало, и их стали переносить в противоположную сторону вдоль Каменной горы. Образовалась длинная улица, которую позднее и назвали Тягун (тянется)” (из воспоминаний). *“...растягиваться стал, расстраиваться”*; *“Длинная, длинная улица была”*. Значение “длинный участок местности вдоль горы” зафиксировано в языковой системе Алтая (КДС). В этом значении апеллятив *тягун* вошел в топонимию.

ТЯХТА – село (Кытмановский р-н).

Основано в 1759 г.

Ойконим связан с гидронимом Тяхта (вариант – Кяхта), который, по мнению В.А. Никонова, имеет значение *мост* (Никонов, с. 411); М.Ф. Розен и А.М. Малолетко рассматривают как: *“Тяха – энец. – река”* (Розен, с. 89).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агеева Р. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

Алефиренко Н.Ф. Теория языка: Введение в общее языкознание. Волгоград, 1998.

Алтайский сборник. Т. 4. Вып. 2: Результаты статистического исследования в 1894 году. Описание переселенческих поселков С.П. Швецова. Барнаул, 1899.

Аниканова Т.А. К вопросу о социолингвистической природе географических названий // Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков. М., 1980.

Анцыферова Л.И. О закономерностях элементарной познавательной деятельности. М., 1961.

Апанасенко О.В., Рут М.Э. Мотивационные значения топонимов в речи информантов и возможности ономазиологической интерпретации топонимического материала // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993.

Аргудяева Ю.В. Путешествующие топонимы // Филология народов Дальнего Востока. Владивосток, 1977.

Арутюнова Н.Д. Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

Беленькая В.Д. Некоторые лингвистические категории топонимики // Оронимика. М., 1969.

Беленькая В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка. М., 1969.

Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания: Ономастика. Киев, 1972.

Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. М., 2000.

Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Томск, 1898.

Белов П.Л. Планиметрия архаического мировосприятия (К проблеме истоков представлений о пространстве и времени) // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996.

Березович Е.Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике: Сб. ст. Свердловск, 1991.

Березович Е.Л. Топонимический контекст и проблемы семантической интерпретации топонимов // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1991.

Березович Е.Л. Семантические микросистемы в русской топонимии: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992.

Березович Е.Л. Топонимическое пространство как текст // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995.

Березович Е.Л., Родионова И.В. Библейские “локативы” в народной языковой картине мира (на материале русской диалектной лексики и топонимии) // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996.

Березович Е.Л. Локальная топонимическая система: параметры и функционирование // Материалы для изучения села и функционирование. Ч. 2. М., 1997.

Березович Е.Л. Семантическая типология русских топонимов: проблемы, возможности, перспективы // Ономастика и диалектная лексика II. Екатеринбург, 1998а.

Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998б.

Березович Е.Л. Топонимия и исторические предания: к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1999. Вып. 3.

Березович Е.Л. О специфике топонимической версии этнокультурной информации // Известия УрГУ. Вып. 1. Гуманит. науки. №7. Екатеринбург, 1997.

Березович Е.Л., Рут М.Э. Ономаσιологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия УрГУ. Вып. 3. 2000.

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Бехтерева Н.П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. М., 1974.

Бехтерева Н.П. и др. Мозговые коды психической деятельности. Л., 1977.

Бирилло Ж. Общеизвестные онимы и национально-культурные ассоциации, вызываемые ими // Язык. Общество. Культура. Вильнюс, 1997.

Блауберг И.В., Юдин. Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.

Блинова О.И. Способы отражения народной духовной культуры в областном словаре // Культура отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1995.

Богатырева Е.А. Бахтин М.М.: Этическая онтология и философия языка // Вопросы философии. 1991. №3.

Болотов В.И. Актуализация антропонимов в речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987.

Бондарук Г.П. История формантного метода в топонимике // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.

Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.

Брысина Т.Н. Сознание в мире: методологический, онтологический, социально-философский аспекты анализа: Автореф. дис. ...д-ра философ. наук. М., 1996.

Будагов Р.А. Язык–реальность–язык. М.,1983.

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Лексика диалектов как отражение народной картины мира // Язык: изменчивость и постоянство. М., 1998.

Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974.

Бушмакина О.Н. Онтология постсовременного мышления: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998.

Буштян Л.М. Ономастическая коннотация: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1983.

Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999.

Вежбицка А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания. М., 1990.

Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Велихов Е.П. и др. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. №11.

Верещагин Н.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. №8. М. 1999.

Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1993. №2.

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994.

Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997.

Воробьева И.А. Словообразование русской топонимики Западной Сибири в связи с историей ее заселения // Филологические науки. 1961. №1.

Воробьева И.А. Социальные факторы возникновения и функционирования современной топонимии // Четвертая ономастическая конференция. Тез. докл. и сообщ. Киев, 1969.

Воробьева И.А. Варианты в топонимии // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1970.

Воробьева И.А. Русская микротопонимия Западной Сибири // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 2. Томск, 1971а.

Воробьева И.А. Системные связи в сфере собственных имен // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1971б.

Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973.

Воробьева И.А. Системные связи топонимов средней части бассейна реки Оби // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976а.

Воробьева И.А. Системный подход в топонимике и история // Языки и топонимия. Вып. 2. Томск, 1976б.

Воробьева И.А. Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977.

Воробьева И.А. Проблема взаимодействия языков в топонимии Алтая // Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1979.

Воробьева И.А. Русская топонимия Алтая как источник по истории его заселения // Историческая картография и топонимия Алтая. Томск, 1980а.

Воробьева И.А. Русская топонимия на территории позднего заселения // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980б.

Воробьева И.А. Флора Сибири в русских географических названиях // Русские говоры Западной Сибири. Тюмень, 1982.

Воробьева И.А. Русская топонимия Алтая. Томск, 1983.

Воробьева И.А. Бинарная оппозиция топонимии как фокус парадигматики и синтагматики // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985.

Воробьева И.А. Параллельное существование и взаимодействие топонимических систем на одной территории // Русский язык в его взаимодействии с другими языками. Тюмень, 1988.

Воробьева И.А. Социолингвистическое исследование параллельных названий населенных пунктов (на материале ойконимии Алтайского края) // Язык и общество. Саратов, 1989.

Воробьева И.А. Русско-украинское взаимодействие в топонимии Алтая (проблема этнических контактов) // Русские говоры и топонимия Алтая в их истории и современном состоянии: Сб. ст. Барнаул, 1993.

Восточно-славянская ономастика. М., 1979.

Всесоюзная научно-практическая конференция “Исторические названия – памятники культуры”, 17–20 апреля 1989 г. Тез. докл. и сообщ. М., 1989.

Вторая Всесоюзная научно-практическая конференция “Исторические названия – памятники культуры”: Сб. мат. М., 1991. Вып. 1–3.

Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. Спб., 1996.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.

Гак В.Г. Пространство мысли: Опыт систематизации слов ментального поля // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Гачев Л.Д. О национальной картине мира // Народы Азии и Африки. 1967. №1.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.

Географический словарь западнославянских или южнославянских земель и прилежащих стран, составленный Я. Головацким. Вильна, 1884.

Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999.

Глинских В.Г. Топонимическая система и структурно-семантические признаки исходных апеллятивов // Формирование и развитие топонимии: Сб. ст. Свердловск, 1987.

Глинских Г.В. Лингвистические критерии при уточнении названий населенных пунктов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980.

Глинских Г.В. О расхождениях, наблюдаемых при записи топонимов от разных информантов // Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР. Свердловск, 1985.

Голев Н.Д. Антропологическая и собственно-лингвистическая доминанты речезыковой динамики (процессы номинации и деривации в лексике) // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докладов и сообщений международной конференции. Екатеринбург, 1995.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

Голев Н.Д. “Естественная” номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8–9.

Голев Н.Д. О некоторых особенностях принципов номинации в ономастической и апеллятивной лексике (на материале микропонимии Алтайского края) // Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1979.

Голев Н.Д. О природе мотивационных ассоциаций в лексике русского языка // Известия Алтайского государственного университета, №2: Серия филологии, журналистики, истории, социологии, педагогики, юриспруденции, экономики. Барнаул, 1996.

Голев Н.Д. От редактора // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998.

Голев Н.Д. О соотношении семантических и мотивировочных признаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977. Вып.7.

Голев Н.Д. Функции мотивизации и народная этимология // Вопросы языка и его истории. Томск, 1972.

Головина Э.Д. О характере номинации в микропонимике (по материалам говоров северо-западной части Кировской области) // Вопросы топонимии. 1977. №5.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.

Гордеева Н.Г. Заметки о системности микропонимии // Деревня центральной России: История и современность: Сб. докл. М., 1993.

Гордеева О.В. Русская гидронимия и ойконимия бассейна реки Обвы на Западном Урале: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998.

Горожанкина Л.В. Проблемы динамики топонимической системы: Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1978.

Горожанкина Л.В. Проблемы динамики топонимической системы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1979.

Грановская Р.М. Восприятие и модели памяти. Л., 1974.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Громова И.А. Когнитивные аспекты семантики юридического термина // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград, 1999.

Гумбольдт В.ф. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человека // Гумбольдт В.ф. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Гумбольдт В.ф. Язык и философия культуры. М., 1985.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997.

Давыдов Ю.Н. Картина мира и типы рациональности // Вопросы философии. 1989. №8.

Данильченко А.В. Функционирование топонимов в русском газетном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1992.

Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания: аспекты семантики. Томск, 2000.

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука в конце XX века. М., 1995.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4.

Динсмор Дж. Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект. М., 1996.

Дмитриева Л.М. Калькирование как способ номинации в условиях двуязычия // Ономастическое и диалектное словообразование Алтая: Сб. ст. Барнаул, 1985.

Дмитриева Л.М. Перенесенные ойконимы Кулунды (к проблеме немецко-русского топонимического взаимодействия) // Проблемы филологии Западной Сибири и Урала: Тезисы докл. Тюмень, 1986.

Дмитриева Л.М. Варианты ойконимов Кулунды начала века (1907-1928 гг.) // Тезисы докладов к краевой лингвистической научно-практической конференции, посвященной 50-летию Алтайского края.– Барнаул., 1987а.

Дмитриева Л.М. Сложные немецкие топонимы на Алтае в условиях русско-немецкого взаимодействия // Формирование и развитие топонимии: Сб. ст. Свердловск, 1987б.

Дмитриева Л.М. Взаимодействие русской и немецкой топонимических систем // Русский язык в его взаимодействии с другими языками: Сб. ст. Тюмень, 1988а.

Дмитриева Л.М. Русская топонимия Кулунды: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1988б.

Дмитриева Л.М. Структурно-словообразовательная характеристика русской топонимии Кулунды // Деп. В ИНИОН. 13.04.88. №33394. 1988в.

Дмитриева Л.М. Параллельные ойконимы в топонимии Кулунды // Функционирование и историческое развитие диалектной и топонимической лексики Алтая. Барнаул, 1989.

Дмитриева Л.М. Динамика ойконимов Кулунды // Русские говоры и топонимия Алтая в их истории и современном состоянии. Барнаул, 1993.

Дмитриева Л.М. Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования ойконимии Алтая (к проблеме составления Топонимического словаря) // Известия АГУ. 1997. №2.

Дмитриева Л.М. И.А. Воробьева и изучение региональной топонимической системы // Актуальные проблемы филологии: Сб. тезисов. Барнаул, 1998а.

Дмитриева Л.М. Материалы к Топонимическому словарю Алтая (переименование сел в XX веке) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: Сб. ст. Томск, 1998б.

Дмитриева Л.М. Некоторые особенности функционирования названий с компонентом “береза” в языковой системе Алтая // Человек. Коммуникация. Текст: Сб. тезисов. Барнаул, 1998в.

Дмитриева Л.М. О проекте “Топонимического словаря Алтая” // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 120-летию ТГУ. Томск, 1998г.

Дмитриева Л.М. Топонимическая микросистема как компонент языковой картины мира // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы международной научно-практической конференции.– Бийск, 1998д.

Дмитриева Л.М. К этимологии некоторых ойконимов Алтая с диалектной основой // Русская диалектная этимология: Тезисы докл. и сообщений Всероссийского научного совещания.– Екатеринбург, 1999а.

Дмитриева Л.М. Системно-динамическое описание русской топонимии региона в антропоцентристском и системоцентристском аспекте // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Сб.тезисов. Барнаул, 1999б.

Дмитриева Л.М., Воробьева И.А. Словарь русских говоров Алтая (научный отчет по гранту №74) // Реферативный сборник избранных работ по грантам в области гуманитарных наук. Екатеринбург, 1999в.

Дмитриева Л.М. Словарь русских говоров Алтая. Т. 3-4 / в соавторстве с Ивановой А.И., Музюкиной Л.А. и др. Барнаул. 1998г.

Дмитриева Л.М. Антропонимы в топонимической картине мира // Вестник Хакасского гос. ун-та. Вып. 1. Абакан, 2000а.

Дмитриева Л.М. Динамика урбонимической системы г. Барнаула // Алтайский сборник. Барнаул, 2000б.

Дмитриева Л.М. Индивидуальные топонимические микросистемы (по материалам Завьяловского района) // История. События... Барнаул, 2000в.

Дмитриева Л.М. Ойконимический словарь Завьяловского района // История. События... Барнаул, 2000г.

Дмитриева Л.М. Топонимическая картина мира: отражение бытийных ценностей // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всерос. конф. Омск, 2000д.

Дмитриева Л.М. Влияние переселенческого движения на формирование русской топонимической системы Алтая // Ономастика Поволжья. М., 2001а.

Дмитриева Л.М. Общее и индивидуальное в топонимической системе // Русский язык в социально-культурном пространстве XXI века: Материалы международной конференции. Алматы, 2001б.

Дмитриева Л.М. Ойконимический словарь Алтая. Барнаул, 2001в.

Дмитриева Л.М., Макарова Е.В. Пространство и топонимическая личность // Язык и культура Алтая. Барнаул, 2001г.

Дмитриева Л.М. Русская топонимическая микросистема. К проблеме определения // Язык и культура Алтая. Барнаул, 2001д.

Дмитриева Л.М. Русская топонимическая система: онтологическое и ментальное бытие // Известия УрГУ. Екатеринбург, 2001е.

Дмитриева Л.М. Свое и чужое в топонимической микросистеме // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тезисы докладов международной конференции. Екатеринбург, 2001ж.

Дмитриева Л.М. Человек в региональном лингвокультурном пространстве // Методика преподавания иностранного языка в ситуации культурной полифонии: Материалы региональной школы-семинара. Барнаул, 2001з.

Дмитриева Л.М. Языковая региональная культура Алтая // Язык и культура Алтая. Барнаул, 2001и.

Дмитриева Л.М. Ойконимический словарь Ключевского района // Ключевской р-н. История и современность. Барнаул. 2002а.

Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул, 2002б.

Дмитриева Л.М. Топонимы в текстах-воспоминаниях старожилов // Ключевской р-н. История и современность. Барнаул, 2002в.

Дмитриева Т.Н., Панченко С.В. Ситуативные названия в топонимии казымских ханты // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.

Дульзон А.П. Кетские топонимы Западной Сибири // Уч. зап. Том. пед. ин-та. 1959. Т. 18.

Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.

Дульзон А.П. Былое расселение кетов по данным топонимики // Вопросы географии. Географические названия. М., 1962. №58.

Дульзон А.П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964.

Дульзон А.П. Дорусские топонимы Средней Сибири // Вопросы географии. Изучение географических названий. М., 1966. №70.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Жекулин В.С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972.

Жемеров В.Г. Славгород. Барнаул, 1972.

Жоль К.К. Язык как практическое сознание. Киев, 1990.

Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.

Жучкевич В.А. Общая топонимика. Минск, 1968.

Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград, 1999.

Иванова Е.Э. Топонимия среднего течения реки Чусовой: Дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993.

Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.

Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000.

Имя нарицательное и собственное. М., 1978.

Кабинина Н.В. Топонимия дельты Северной Двины: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

Каган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М. 1974.

Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996.

Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997.

Каменкова Т.А. Бессознательное как горизонт сознания в структурализме М. Фуко. Проблемы сознания в современной западной философии. М., 1989.

Карабулатова И.С. Региональная этнолингвистика: современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области. Тюмень, 2001.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Карбовский Ж. Стереотип как феномен сознания // Сознание и знание. М., 1984.

Карпенко Ю.А. О синхронической топонимике // Принципы топонимики. М., 1964а.

Карпенко Ю.А. Свойства и источники микротопонимии // Топономастика и транскрипция. М., 1964б.

Карпенко Ю.А. Свойства и источники микротопонимии // Микротопонимия. М., 1967а.

Карпенко Ю.А. Топонимия Буковины: Автореф. дис... д-ра филол. наук. Киев, 1967б.

Карпенко Ю.А. Признаки молодости топонимической системы // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.

Карпенко Ю.А. Специфика ономастики // Русская ономастика. Одесса, 1984.

Карпенко Ю.А. Современное развитие русской ономастической системы // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988.

Карпов В.А. Язык как система. Минск, 1992.

Касенкова Т.Н. Речевые стратегии как модуляции перспективы языкового отображения мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.

Катермина В.В. Личное имя собственное: национально-культурные особенности функционирования (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс... канд. филол. наук. Краснодар, 1998.

Кессиди С.Ф. От Мифа к логосу. М., 1972.

Киселева О.Н. Грамматическая аналогия и языковая система (на материале говоров средней части бассейна р. Оби) // Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Т. 2. Томск, 1968.

Климкова Л.А. Об онимическом пространстве русской деревни // Деревня Центральной России. История и современность. М., 1993.

Климкова Л.А. Региональная ономастика. Горький, 1985.

Кобрин Р.Ю. Лингвистика в картографии // Прикладное языкознание. СПб., 1998.

Ковалева Н.Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале топонимике бассейна р. Ини) // Вопросы топонимистики. Вып. 5. Свердловск, 1971.

Ковалева Н.Б. принципы номинации топонимов бассейна реки Ини // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976.

Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л., 1991.

Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.

Конецкая В.П. О системности лексики // Вопросы языкознания. 1984. №1.

Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникативистики: Сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 2000.

Копорский С.А. Очерки по топонимии. I. Имена-ориентиры. "Onomastica", t.V, z.1-2. Wrocław – Warszawa – Kraków. 1965.

Королева И.А. Становление русской антропонимической системы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.

Корюкин В.И. Концепции уровней в современном научном познании. М., 1993.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Котелевский Д.В. Топология бытия: исходные основания и способы пространственно-временного структурирования Бытия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.

Красножен С.А. Проблемы грамматического становления русской ойконимии: Дис. ...канд. филол. наук. Одесса, 1984.

Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1847). СПб., 1897.

Краткий исторический очерк колонизации Томской губернии. Томск, 1911.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. №4.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Кузиков В.В. О влиянии экстралингвистических факторов на возникновение топонимов // Теория и методика преподавания германских языков. Куйбышев, 1978.

Кузиков В.В. Социолингвистическая характеристика географических названий бассейна реки Майн: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 1977.

Кузнецова Н.А. Топонимия Пензенского края: Дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 1984.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989.

Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет. Л., 1989.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. №1.

Лобанов С. Д. Бытие и реальность. М., 1999.

Лобода В.В. Севернопричерноморская топонимия (общие и региональные проблемы украинской топонимической системы): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1979.

Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

Логический анализ языка: культурные концепты. М., 1991.

Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993.

Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.

Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону, 1988.

Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.

Лютикова В.Д. Языковая личность и диалект. Тюмень, 1999.

Майнцер К. Сложность и самоорганизация // Вопросы философии. 1997. №3.

Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. №10.

Мамонтова Н.Н. Имя и национальная культура // Ономастика: Имя и культура. М., 1994.

Мамонтова Н.Н. Отражение религиозных представлений и древних верований в топонимии Карелии // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микротопонимии Ливвиковского ареала Карельской АССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982.

Маршева Л.И. Функционирование ономастической лексики в диалектных условиях (на материале говоров севера Липецкой области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.

Маслоу А. Психология бытия. М., 1997.

Маслоу А. С. Мотивация и личность. СПб., 1999

Матвеев А.К. В роли создателя топонимов // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997.

Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1980.

Матвеев А.К. К интерпретации одной условной топонимической системы // Этимология 1984. М., 1986.

Матвеев А.К. Топономастика и современность // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974.

Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.

Матвеев А.К. От Пай-Хоя до Мугоджар. Екатеринбург, 1984.

Матвеев А.К. Субстрат и заимствование в топонимии // Вопросы языкознания. 1993. №3.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера Екатеринбург, 2001.

Матей Л.П. Эволюция и вариативность русской ойконимии Свердловской области: Дис. ... канд. филол наук. Свердловск, 1991.

Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век // Избранные статьи и воспоминания. М., 1998.

Мигирина Н.Н. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке (На материале представлений статусов лица в номенклатурной сфере языка). Кишинев, 1977.

Микротопонимия: Материалы совещания / Отв. ред. О.С. Ахманова. М., 1967.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике. Екатеринбург, 1998.

Мищенко О.В. Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Молчанова О.Т. К семантике имени собственного // Проблемы теории и методики языка. Ярославль, 1980.

Молчанова О.Т. Переносные и повторяющиеся топонимы // Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985. Вып. 1.

Молчанова О.Т. Роль этнопсихологии при выборе ономаσιологических признаков мотивации в процессе наименования объектов Среды обитания // *Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej*. Warszawa, 1998.

Молчанова О.Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.

Молчанова О.Т. Тюркские названия озер Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. Вып. 1. Томск, 1966.

Морозова М.Н. Вопросы топонимики. М., 1969.

Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования: Автореф. дис. ... д-ра филол наук. Йошкар-Ола, 2000.

Муллонен И.И. Гидронимия бассейна реки Ояты. Петрозаводск, 1988.

Мурзаев Э.М. Географическая ориентация и ее отражение в топонимии // Известия РАН. Сер. геогр. 1993. №4.

Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Мурзаев Э.М. Топонимика и идеография. М., 1995.

Налимов В.В. Реальность нереального. М., 1995.

Нерозник В.П. Перенесенная топонимия Западной Сибири (к постановке проблемы) // Восточно-славянская ономастика: Материалы и исследования. М., 1979.

Нечай М.Н. Русская топонимия лесной зоны Среднего Прииртышья: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1989.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре. Язык и личность. М., 1989.

Николис Д. Динамика иерархических систем. М., 1989.

Никонов В.А. Закон ряда в географических названиях // Onomastika. Wroclaw-Krakow. 1958. R. 4. z 1.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1964.

Никонов В.А. География русских суффиксов // Ономастика. 1952. Т. 5. №2.

Никонов В.А. Научное значение микротопонимии // Топономастика и транскрипция. М., 1964.

Никонов В.А. Славянский топонимический тип // Географические названия. М., 1962.

Новейший философский словарь. М., 1999.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Овчинникова Е.Л. Современный русский ономастикон: начальные этапы формирования (на материале онимического запаса ребенка от года до 10 лет): Дис. ... канд. филол наук. Волгоград, 1997.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.

Ойген Розеншток-Хюсси. Речь и действительность. М., 1994.

Ономастика. М., 1969.

Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988.

Ономастическое и диалектное словообразование Алтая. Барнаул, 1985.

Откупщикова Н.И. Моделирование языка // Прикладное языкознание. СПб., 1998.

Очерки Алтайского края. Барнаул, 1925.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.

Переселение в Сибирь из восьми губерний, входящих в состав Южно-русской областной земской Переселенческой организации за 1906–1912. Вып. 1. Полтава, 1918.

Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.

Першина К.В. Становление ойконимии позднего образования в условиях близкородственного двуязычия: Дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 1983.

Петренко М.Г. Омонимические явления в топонимии // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. тр. Киев, 1988.

Пинкер С. Языковой инстинкт // Логос. 1999. №8.

Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке // Записки Моск. арх. ин-та. Т. 5. М., 1909.

Подольская Н.В. Исследование топонимики в связи с данными этнографии // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 2. М., 1961.

Подольская Н.В. Микротопонимы в древнерусских памятниках письменности // Микротопонимия. 1967.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Подольская Н.В. Типовые восточно-славянские топоосновы. М., 1983.

Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989.

Поликарпов А.А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент: Автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 1998.

Поспелов Е.М. Топонимика и картография. М., 1971.

Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6.

Принципы описания языков мира: Монография / Отв. ред. В.Н. Ярцева, Б.А. Серебренников. М., 1976.

Проблема человека в современной западной философии. М., 1988.

Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста. Волгоград, 1993.

Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.

Раков Г. А. Проблемы и методы исследования диалектной лексической семантики как системы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1990.

Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии (семасиологический и ономазиологический анализ системных отношений в лексике). Томск, 1988.

Рамишвили Г.В. Вопросы энергетической теории языка. Тбилиси, 1978.

Региональная лексикология и лексикография Алтая: Межвузовский сборник. Барнаул, 1983.

Реформатский А.А. Семиотика географической карты // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964.

Реформатский А.А. Топонимика как лингвистический факт // Принципы топонимики. М., 1962.

Реформатский А.А. Топонимика как лингвистический факт // Топонимика и транскрипция. М., 1964.

Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. докл. М., 1995.

Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.

Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление М., 1988.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.

Руденко Д.И. Имя в парадигмах “философии языка”. Харьков, 1990.

Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992.

Рут М.Э. Информант и топонимическая микросистема // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 3. Екатеринбург, 1999а.

Рут М.Э. Личность и микротопонимическая система // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. Барнаул, 1999б.

Савчук Г.В. Отражение в русской фразеологии пространственной модели мира: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Орел, 1995.

- Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974.
- Селезнева Л.Б. Многоязычие топонимии и ее функциональная форма // Вопросы грамматики русского языка: Межвуз. сб. Иркутск, 1977.
- Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.
- Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
- Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности систем языка. М., 1968.
- Сержантов В.Ф. Смысл жизни как аксиологическая функция жизни // Человек в зеркале наук. Л., 1991.
- Сеченов И.М. Впечатления и действительность // Избр. филос. и психол. произв. М., 1947.
- Сими́на Г.Я. Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории. Л., 1969.
- Скляренко А.М. Закономерности словообразовательной организации ойконимии: Дис. ... канд. филол. наук. 1974.
- Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
- Словарь географических названий СССР. М., 1983.
- Словарь географических названий Украинской ССР. Т. 1–4. М., 1976.
- Словарь русских говоров Алтая. Т. 1–4. Барнаул, 1991–1998.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 1–29 / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1965–1991.
- Смирнова Н.А. Словообразовательные модели в гидронимии Алтая // Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1979.

Смолицкая Г.П. Топонимический ареал и вопросы реконструкции лексической системы языка // Вопросы языкознания. 1978. №4.

Современная наука и закономерности ее развития: Сб. ст. Вып. 6. Томск, 1985.

Современная наука и закономерности ее развития. Томск, 1985.

Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону, 1995.

Современный философский словарь. Лондон; Минск, 1998.

Солсо Р. Когнитивная психология. М., 1996.

Сороколетов Ф.П. Диалектная лексика как система // Восточно-славянское и общее языкознание. М., 1978.

Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.

Списки населенных мест Российской империи. Екатеринославская губ.; Самарская губ. СПб., 1864 г.; Полтавская губ., 1862; Саратовская губ., 1862; Харьковская губ., 1869; Херсонская губ., 1868; Черниговская губ., 1866.

Сталтмане В.Э. Ономастическая лексикография. М., 1989.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2001.

Стычишина Л.П. Проблемы пограничной топонимии: Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1976.

Сумцов Н. Малорусская географическая номенклатура. Т. 4. Киев, 1886.

Суперанская А.В. Микропонимия, макропонимия и их отличие от имен собственных // Топономастика и транскрипция. М., 1964.

Суперанская А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М., 1969.

Суперанская А.В. Собственные имена в языке и речи // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Суперанская А.В. Лингвистический аспект ономастических исследований // Вопросы ономастики. Самарканд, 1976.

Суперанская А.В. Основные линии топонимической номинации // Топонимика в региональных географических исследованиях. М., 1984.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? М., 1985.

Суперанская А.В. Имя через века и страны. М., 1990.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Дис. ... в виде научн. докл... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.

Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

Теория познания: В 4-х т. Т. 2: Социально-культурная природа познания. М., 1991.

Теория познания: В 4-х т. Т. 4: Познание социальной реальности. М., 1995.

Токарев С.А. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этнологические исследования за рубежом. – М., 1973.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. М., 1969.

Топоров В.Н. Из области теоретической топономастики // Вопросы языкознания. 1962а. №2.

Топоров В.Н. Некоторые положения теоретической топономастики // Принципы топонимики. М., 1962б.

Топоров В.Н. К проблеме классификации в топонимии // Исследования по структурной типологии. М., 1963.

Топоров В.Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики // Принципы топонимики (Материалы совещания). М., 1964.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Топоров В.Н. Эней – человек судьбы: к “средиземноморской” персонологии: В 2-х ч. Ч. 1. М., 1993.

Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М., 1995.

Торопцев И.С. Язык и речь. Воронеж, 1985.

Трофимова Е.Б. Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование. Москва; Биробиджан, 1996.

Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.

Усенко О.Г. К определению понятия “менталитет” // Русская история: Проблемы менталитета. М., 1994.

Успенский Б.А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Избранные труды. Т. 1. М., 1996а.

Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Избранные труды. Т. 1. М., 1996б.

Успенский Б.А. Отношения подсистем в языке и связанные с ними языковые универсалии // Избранные труды. Т. 3. М., 1996в.

Успенский Б.А. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий // М., 1996г.

Успенский Б.А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси // Избранные труды. Т. 2. М., 1996д.

Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.

Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира. М., 1988.

Физический энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1983.

Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. М., 1983

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М., 1988.

Философский энциклопедический словарь. М., 1997.

- Фонякова О.И. Топоним и контекст // Язык и общество. Саратов, 1982.
- Фролов Н.К. Статус микропонимии в системе топонимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982.
- Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.
- Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
- Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск, 1997.
- Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.
- Человек: Философские аспекты сознания и деятельности. Минск, 1989.
- Чернышова Т.В. Русская оронимия Алтая в аспекте номинации. Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1988.
- Черняховская Е.М. История разработки топонимических классификаций // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.
- Шаклеин В.М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации// Лингвистика и межкультурная коммуникация. №1. М., 2000.
- Шенк Р.К. Обработка концептуальной информации. М., 1980.
- Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Язык и личность. М., 1989.
- Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- Язык и этнический менталитет. Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1995.
- Языки и топонимия Сибири. Вып. 1. Томск, 1966.
- Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1981.
- Языковая картина мира: лингвистические и культурологические аспекты. Бийск, 1998.

Языковая концепция регионального существования человека и этноса:
Тезисы докл. к регион. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. И.А.
Воробьевой (70 лет со дня рождения). Барнаул, 1999.

Языковое сознание: Стереотипы и творчество. М., 1988.

Языковое сознание: Формирование и функционирование. М., 1998.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели
пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Яхонтов А.П. Переселение за пределы Украины. Харьков, 1926

